

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

Коллекция журнала «Техника-Молодежи»

Пол Андерсон

**ПОБЕДИТЬ НА
ТРЕХ МИРАХ**
(Кентавры Юпитера)

Фантастический роман

Памяти художника Роберта Авотина

**серия
«НИГДЕ НЕ КУПИШЬ»
2020 год**

Публикации и иллюстрации:

Техника – молодежи, 1994, №1, №2, №3, №4, №6, №7

Пол Андерсон «Кентавры Юпитера»

Фантастический роман

Пер. с англ. Сергея Сухинова

Рис. Роберта Авотина

Ознакомительный тираж: 1 экземпляр.

Перевод: С. Сухинова

Работа с текстом и иллюстрациями: by formally,

ПОВЕДИТЬ НА ТРЕХ МИРАХ

(КЕНТАВРЫ ЮПИТЕРА)

Глава 1

На экране киберштурмана появился сопроводительный луч. «Снова дома», — с облегчением подумал Фрэзер и положил руки на пульт управления, корректируя курс космобота. Когда он вновь поднял глаза к обзорному экрану, Ганимед уже занимал большую его часть. Зрелище леденило душу: зубастые цепи скал; кратеры, огороженные валами, словно крепостными стенами; бесчисленные змеевидные трещины; полчища теней, стелящихся по серо-голубым равнинам... Хотя уже наступила ночь, на востоке от хребта Джона Гленна было светло — это ледяная равнина Беркли отражала лучи заходящего Юпитера. На юго-востоке на тысячи миль простиралась расщелина Данте, доходя до самых Пурпурных гор. Невдалеке от нее мигал зеленый огонек — это был маяк Авроры, крупнейшего города ца Ганимеде. Лишь левый верхний угол экрана был пока заполнен алмазной россыпью немигающих звезд, но Фрэзеру даже смотреть на них не хотелось. «Слава Богу, я вернулся из этого чертова космоса домой, — поздравил он себя. — До чего же я соскучился за эти десять дней по Еве и ребятишкам!»

Внезапно оживило радио.

— Диспетчерская станция Авроры вызывает космобот КС-17, — зазвучал знакомый мужской голос. — Отвечайте. Повторяю: диспетчерская станция...

Фрэзер рассмеялся:

— Эй, Билл, старина, к чему такой официальный тон? Это Марк со «Счастливица Чарли». Не припоминаешь?

— А-а, Марк, привет, — не очень уверенно ответил Билл Эндерби. — Не обращай внимания, я просто выражаюсь на военный манер. Если кто-то из начальства услышит, что мы с тобой треплемся, мне здорово влетит.

— Погоди, я что-то не понимаю. О каком «военном манере» ты говоришь?

— Разве ты не слышал? Мы известили все поселения в системе.

— Я не останавливался на базе Ио, а прямо полетел к рудникам и торчал там безвылазно, пока не наладил все оборудование. Даже радио не было времени послушать. А что случилось?

— Крейсер, черт его дери.

— Что-о-о?

— Крейсер «Вега» сел пятнадцать часов назад в космопорту Авроры. Естественно, без всякого предупреждения. Представляешь, какой здесь начался бедлам?

Сердце Фрэзера сжалось от неприятного предчувствия. Стараясь не поддаваться панике, он спокойно спросил:

— И что все это означает?

— Пока толком ничего неизвестно. Мы видели всего лишь несколько членов экипажа. По их словам, крейсер патрулировал вблизи Венеры, когда в США произошел новый переворот и к власти вновь пришли гарвардисты. Они послали «Вегу» в наш сектор Солнечной системы, где якобы скрывается свергнутый президент Сэм Халл. Не похоже, что крейсер искал его очень тщательно. Напротив, ребята с «Веги» намекали, что их командир не скрывает своих симпатий к Халлу. Во всяком случае, корабль не собирается пока подчиняться приказу и возвращаться на Землю. На Ганимед он прибыл с целью выяснить, насколько мы лояльны к новому режиму, а заодно узнать о наших нуждах.

Новый переворот? Фрэзер невольно присвистнул и задумался. Последние месяцы связь с Землей была крайне затруднена, так что колонисты получали лишь жалкие обрывки сведений о том, что происходило в Соединенных

Штатах. Вроде бы восстание против режима президента Гарварда закончилось победой, и новый лидер страны Сэм Халл стал создавать новую администрацию. Но гарвардисты не унимались, и в стране вспыхнула гражданская война, грозившая вот-вот перерасти в ядерную. И в этот момент завеса солнечного ветра окончательно отрезала систему Юпитера от остальной части Солнечной системы. Неужто победа сторонников Сэма Халла оказалась столь ненадежной, и тирания вновь воцарится в западном полушарии?

— Наша лояльность, как всегда, на высоте, — кисло сказал Фрэзер наконец. — Мы всегда «за» — лишь бы только нас не трогали. А что касается наших нужд... я уж лучше напишу письмоце Санта-Клаусу о том, что не хватает моему департаменту. Больше будет толку, чем ожидать очередной транспорт с Земли, набитый Бог знает чем, за исключением того, что необходимо. Земля...

Перед его мысленным взором на минуту вспыхнула незабываемая с детства картина: бескрайний простор Тихого океана, пенистые гребни волн, соленый, порывистый ветер, белая платформа плавучей станции... Но чарующий пейзаж быстро растаял, и он увидел впереди горб уходящего за горизонт Юпитера. Целую дюжину лет он прожил за этим гигантом, словно за щитом, отгораживающим его от прошлого, и успел пустить цепкие корни в каменистую почву Ганимеда. И ему было здесь совсем неплохо.

— Ну и что ты скажешь обо всем этом, Билл?

— Пока кроме «черт побери» — ничего. Стальной шар «Веги» занял половину космопорта, и мы вынуждены сажать все лунные ракеты бок о бок в северном секторе. Там скоро и яблоку будет негде упасть. Так что, Марк, тебе придется тщательно отслеживать заданную траекторию.

— Не беспокойся, Билл, я справлюсь. Держу пари, что смогу посадить моего «Чарли» точно на цент — и ни на дюйм в сторону.

— Ш-ш-шутник! У меня на поле монеты не валяются, так что уж послушайся моих советов, если не хочешь свернуть шею на пороге дома.

Билл начал подробно инструктировать его, словно новичка. Фрэзер слушал и одновременно чувствовал растущую досаду. Значит, гарвардисты вновь заняли Белый дом? И народу опять предстоит носить демократические башмаки с диктаторскими подошвами? А куда же смотрели законодатели и суд?

Или все обстояло не так? До Земли четыре сотни миллионов миль, и информация сюда доходила крайне скудная. Не говоря уже о цензуре на радио, цензуре газет, журналов и даже писем. Много ли правды колонисты знали о восстании? Лозунги, конечно, были самые благородные, но и диктаторский режим Гарварда начинался некогда как движение за сохранение суверенитета Соединенных Штатов. После долгих лет развала и разрухи народ, естественно, захотел иметь твердое руководство, а то потребовало сначала одних чрезвычайных мер, потом других, третьих... Вскоре выяснилось, что от свобод остались одни лохмотья, но те, кто запоздало начал ворчать, получил массу неприятностей с полицией...

Фрэзер не без труда отогнал праздные мысли и вплотную занялся подготовкой к посадке. Предстояло приблизиться к космопорту Авроры по нестандартной траектории, незнакомой киберштурману. Впрочем, в системе Юпитера на одну автоматику никогда нельзя было положиться, здесь могли работать только прирожденные пилоты. И Фрэзер был одним из них.

Минут через десять «Счастливчик Чарли» уже стоял на посадочных опорах среди других космоботов — до них, казалось, можно было дотянуться рукой. Фрэзер откинулся на спинку кресла и позволил себе слегка расслабиться после пережитого напряжения. Это был высокий худощавый мужчина лет сорока, с загорелым, не по годам морщинистым

лицом, серыми глазами и красивой сединой в черных как смоль волосах.

Вскоре он встал и пошел на корму к шкафу со скафандром. Корабль сел далеко от здания космопорта, и до ближайшего туннеля переходной рукав было не дотянуть. Фрэзер быстро и умело надел поверх комбинезона скафандр и направился к шлюзу. Ему не терпелось увидеть Еву и детей. И, конечно, связаться с Теором и узнать, как идут дела на Юпитере. «Черт побери, — с бешенством подумал он, — больше недели я угробил на полет к Ио! И это в то время, когда племени наярров стала угрожать серьезная беда!» Но что поделывать, на автоматических шахтах Ио возникла серьезная неисправность, и нужно было срочно заняться ремонтом.

Фрэзер развернул посадочный трап и спустился на землю. И едва не столкнулся с какой-то фигурой в скафандре, поджидавшей его в тени соседнего космобота.

— Привет! — сказал он. — Не вижу твоего лица, приятель, но все равно чертовски рад тебе! За десять дней я едва не разучился говорить среди этих тупых роботов.

Неизвестный нежно обнял его за шею и неожиданно прижал его шлем к своему шлему.

— Это вы, Марк? — услышал он приглушенный голос Лоррейн Власек.

— Что за дела? — озадаченно спросил Фрэзер. — Почему вы не включите переговорное устройство? Оно у вас что, вышло из строя?

— Нет, просто это секретный разговор. Слава Богу, что вы сегодня вернулись. С вами-то я и хотела поговорить.

— О чем? Произошла какая-то беда?

— Не знаю. Может быть, и нет. Но этот крейсер... зачем он прилетел на Ганимед?

— А-а... Билл Эндерби говорил мне что-то об этом.

— Что вы думаете об этом, Марк? — обеспокоенно спросила девушка. — Вы давно покинули Землю, а я — всего два года назад. Уже тогда она походила на кипящий котел.

Направо и налево велась подрывная агитация, то и дело убивали офицеров службы безопасности, во всех странах мира происходили антиамериканские бунты. Уже здесь я узнала о смещении президента Гарварда и его убийстве. И вот опять на Земле что-то случилось. Но что? Не очень-то я доверяю тому, что болтали парни с «Веги», которых я видела. Кто послал к нам военный корабль и с какой целью? Нас в системе Юпитера всего пять тысяч человек, включая женщин и детей, мы не вооружены и не имеем больших кораблей. Какую же опасность мы можем представлять и для кого?

Фрэзер вздохнул.

— Послушайте, Лори, — сказал он, — вы навязываете мне свои предубеждения... простите — ваши убеждения. Я могу сочувствовать вашим взглядам, не более того. В отличие от многих других, я никогда не осуждал вашу фанатичную преданность прежнему президенту Гарварду. Многим не нравилось, как резко вы отзывались о восстании, но я убеждал людей не давить на вас. Это не ваша вина, что школа вколотила в головы вашего поколения мысль, будто сам Господь сделал Соединенные Штаты хранителем человечества, спасителем Земли от ядерной войны. Черт побери, иностранцы во все не дьяволы! Им не нравится наше стремление стать всемирным полицейским — разве они не правы? Что это за опасность, которая основывается на страхе? По-моему, Сэм Халл реально может обеспечить мир на Земле. Он считает, что только сообщество равноправных государств в состоянии решить эту проблему. Он говорит: американцы должны перестать быть рабами привычки считать себя хозяевами всех и вся.

— О, Марк! Вы хороший инженер, но простите, ничего не смыслите в политике. Я в ужасе! Эта история с крейсером мне кажется очень подозрительной. Вы же знаете, что солнечный ветер полностью прервал нашу связь с Землей и это будет продолжаться еще недели две. Странно, что именно в это время к нам без предупреждения прилетел военный

корабль, — не правда ли? А как объяснить посты охраны вокруг «Веги» и то, что почти весь ее экипаж остается на борту?

— Хм-м... — Фрэзер подумал о своей семье и о том, что может сделать с Авророй один залп орудий крейсера. Он облизнул внезапно пересохшие губы и не очень уверенно сказал: — Они должны понимать, что мы на их стороне. Им, судя по всему, не очень-то нравятся гарвардисты, но и мы же не случайно оказались здесь, на краю света! Наука наукой, но, кроме вас, Лори, сторонников прежнего режима здесь наперечет... Все мы наелись досыта на Земле секретной полицией, воодушевленной трескотней телевидения, разделением людей по сортам, в зависимости от их преданности президенту, «демократической» цензурой и коррумпированной бюрократией.

Все колонисты хотели, чтобы нас отделяло от Земли как можно больше миль, и потому забрались аж в систему Юпитера! Прежнее правительство догадывалось об этом и было радо избавиться без хлопот от «ненадежных элементов». Каждый знает об этом.

— Верно, — сухо согласилась Лоррейн. — Но почему же к нам был послан военный корабль?

Фрэзер мысленно чертыхнулся.

— Не знаю, Лори, и знать не желаю. Еще есть вопросы?

— Да. Я хочу дать вам совет, Марк, — готовьтесь-ка потихоньку покинуть город.

— Что-о-о? — Фрэзер схватил девушку за руку и встревоженно спросил: — Вы чего-то ожидаете, Лори?

— Не знаю... Может быть, я просто впадаю в истерику. Вы мне симпатичны, Марк, и ваша милая семья тоже. Мне кажется, у вас могут возникнуть серьезные проблемы, так что я решила на всякий случай предупредить вас.

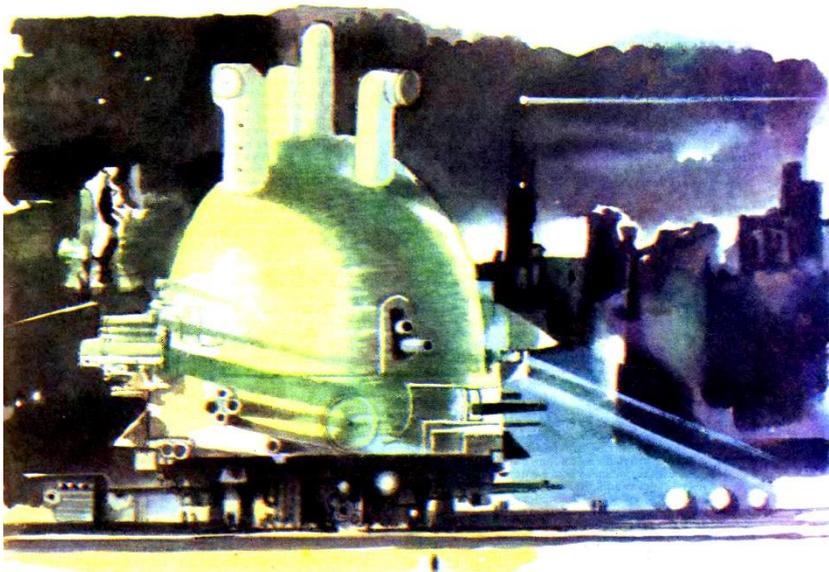
«А ведь Лори не похожа на других девушек, — подумал Фрэзер. — Среди колонистов полно холостяков, но она за два года так никого и не выбрала».

— Спасибо, Лори, но я не вижу особых причин для беспокойства. Пойдем?

Девушка кивнула и включила переговорное, устройство.

— Как прошел полет, Марк? — спокойным тоном спросила она.

Они пошли в сторону города, неспешно беседуя — словно предыдущего тревожного разговора и не было. Миновав зону космопорта, плотно заставленную космоботами, они увидели «Вегу».

Крейсер поражал своими титаническими размерами. Такой гигант никогда не мог сесть на Землю, и было странно, что он не остался на орбите возле Ганимеда. Он представлял из себя сфероид диаметром в пять сотен футов, густо усеянный орудийными стволами. Наверху темнели четыре темные башни, похожие на динозавров, — это были шлюзы для космоботов. Стальная обшивка корабля была испещрена следами от ударов микрометеоритов. Создавалось впечатление, что она фантастически мощна. На самом деле она была относительно тонкой и лопнула бы под собственным весом

в любом достаточно сильном гравитационном поле. Крейсер полагался на огневую силу своих орудий, и потому бронирование было излишним. Тем не менее Фрэзеру казалось, что перед ним возвышается стальная гора, и это ощущение было не из приятных.

Не обращая внимания на протесты Лоррейн, он обошел корабль вокруг. Над стеной кратера Навайо низко висело солнце. Его диск выглядел куда меньше, чем с Земли, и все же излучение было таким сильным, что смотреть на него без светофильтра было невозможно. Восточная часть равнины казалась дикой и необжитой, и только серебристые ленты монорельса, ведущие к ледяным шахтам, напоминали о присутствии в этих местах человека. И над всем этим царил хребет Джона Гленна, покрытый аркой звездного неба. Впрочем, созвездий было видно немного. Хотя Ганимед и получал всего четыре процента солнечного света по сравнению с Землей, человеческий глаз сумел адаптироваться и к этим условиям. Днем зрачок сужался настолько, что можно было разглядеть лишь самые яркие звезды. Но Юпитер, висевший над горизонтом, был виден отлично.

Досыта нагнадевшись на стальную глыбу «Веги», Фрэзер наконец-то внял просьбам Лоррейн и двинулся в сторону города. Они прошли мимо одного из постов, окружавших крейсер. Вид астронавтов в бронированных скафандрах и с бластерами наперевес Фрэзеру не понравился. «О дьявол, — подумал он, — эти ребята имеют сверхосторожного капитана. Ну кто собирается здесь на них нападать?»

По дороге к Авроре они миновали «Олимпию» — крупнейший в системе Юпитера корабль. По сравнению с «Вегой» он казался карликом, но при взгляде на него создавалось ощущение спокойствия и уверенности. Как бы там ни было, колонисты тоже не беззащитны. И вообще, все нормально и нет никаких веских оснований для тревог. Тревог?

Фрэзер невольно посмотрел на Юпитер.

— Лори, за время моего отсутствия Теор вызывал меня?

— Да, — ответила девушка. — Пат Махони говорил, что ваш наследный принц выходил на связь четверо суток назад. Парни из группы контакта пытались объяснить ему, почему вас нет на Ганимеде, но абориген, боюсь, ничего не понял.

Фрэзер чертыхнулся.

— Значит, у племени наярров действительно возникли большие неприятности! Надо немедленно связаться с Теором. Хотя что я могу реально сделать для него?..

Вскоре они подошли к куполу Авроры со стороны его западного портала. За исключением зданий нескольких вспомогательных служб, находящихся снаружи и закрытых собственными куполами, все дома Авроры располагались в четырех небольших кварталах, высота которых не превышала восьми этажей. На центральной площади возвышался решетчатый скелет башни главного передатчика. Основным строительным материалом в Авроре служил местный камень. Здесь не было необходимости зарываться под землю, как на Луне. Солнечный ветер дул не очень сильно, а попадания крупных метеоритов были возможны только теоретически — по крайней мере, за тридцать лет после начала колонизации Ганимеда такого не случалось. Но и в случае подобной катастрофы герметичные перегородки свели бы потерю воздуха до минимума.

«Однажды мы разогреем скалы атомной энергией, размелем их в прах и окутаем Ганимед атмосферой. И тогда этот мир зазеленеет и станет второй Землей!» Эти бравые заявления энтузиастов освоения Юпитера казались пустой похвальбой, но даже иронически настроенный Фрэзер понимал, что это не так. Система Юпитера была неисчерпаемой кладовой научной информации, что означало: поселения колонистов нужно строить всерьез и надолго. Но это, в свою очередь, привлекло в систему множество инженеров и техников, специалистов по системам жизнеобеспечения. Конечно же, многие из них прилетели на луны Юпитера с женами. Затем возникла проблема добычи металлов — возить

материалы с Земли было слишком дорого, да и транспорты не могли приходить слишком часто. На Ганимеде и на Ио как грибы стали расти многочисленные шахты. Шаг за шагом колония быстро разрасталась, крепла, становилась все более независимой от Земли. Почему бы ей действительно со временем не превратиться в цветущий сад?

— Что с вами, Марк? — спросила Лоррейн.

Фрэзер отвлекся от своих размышлений и смущенно ответил:

— Так, что-то размечтался... Не хочется думать о плохом, Лори. «Вега» прилетела и скоро улетит, так что все, скорее всего, обойдется. Но вот у Теора дела похуже. Если его племя будет изгнано с побережья, то наша работа по установлению контактов с юпитерианами за последние лет двадцать пойдет прахом. Вот это действительно серьезно!

Они вошли в кессонную камеру и стали ждать, пока поднимется давление. Затем с облегчением сняли шлемы.

— А ведь для вас Теор — это больше, чем часть научной проблемы, — неожиданно сказала Лоррейн. — Мне кажется, что вы относитесь к нему лучше, чем ко многим людям.

Фрэзер недоуменно взглянул на девушку. Она была крупной блондинкой, с прекрасной фигурой, способной заморозить любого мужчину, но лицо ее было невыразительным. Лоррейн ему нравилась, и даже ее радикальные политические взгляды не портили их отношений. Эта девушка обладала прекрасным чувством юмора, умела прекрасно использовать часы отдыха. До революции на Земле она была главной заводилой в городе, ни одна вечеринка не обходилась без ее активного участия. Но в целом Фрэзер мало знал о Лоррейн, она не очень любила рассказывать о своем прошлом.

«Черт побери, что она хотела сказать?» — озадаченно подумал Фрэзер, но вслух еще раз повторил:

— Не переживайте вы так из-за этой «Веги», Лори. Поверьте, все обойдется. Спасибо, что встретили меня. Если вас не затруднит, позвоните моей жене и предупредите, что я

задержусь на полчаса. Хочу немедленно связаться с Теором. Бог знает, что у него там стряслось...

Глава 2

Он сел перед микрофоном и положил руки на панель управления передатчиком, нацеленным на Юпитер.

— Теор, это Марк, — сказал он, но не по-английски, не на языке наярров, поскольку ни земляне, ни юпитериане не могли воспроизвести своим речевым аппаратом все звуки чужого языка.

Речь наярров представляла собой невероятное сочетание кваканья, хрюканья и свиста, поэтому для общения использовался созданный лучшими лингвистами Земли общий язык, являющийся лишь грубой аппроксимацией языка юпитериан. Теор не без труда научился говорить на нем, а вот Фрэзеру удалось овладеть им лишь после многих месяцев упорного труда.

— Ты слышишь меня?

Его слова преобразовывались в набор электронных импульсов, которые поступали в приемное устройство главного передатчика, расположенного в нескольких милях от Авроры. Отсюда их выстреливали в виде информационных пакетов на ближайший из трех релейных спутников, вращавшихся вокруг Юпитера. Там, в специальном преобразователе электрические сигналы превращались в поток нейтрино. Невидимый, неосязаемый луч широким конусом посылался на Юпитер со скоростью, чуть меньшей скорости света. Его ширина была соизмерима с диаметром громадной планеты. Практически беспрепятственно пронизав ее толщу, луч уходил в глубины космоса. Ни могучие магнитные бури, ни мощное гравитационное поле не могло существенно исказить переданную информацию, тогда как у

радиолуча не было шансов пройти даже верхний слой атмосферы. На поверхности Юпитера располагался приемник, некогда доставленный автоматической ракетой. Он вновь преобразовывал нейтринный сигнал в радиоимпульсы и посылал их узким лучом с помощью радиоприцела в четырехдюймовый диск, который носил Теор, сын вождя племени наярров.

Потребовались усилия нескольких поколений лучших ученых Земли, чтобы создать устойчивую связь с обитателями далекой планеты. Но вслед за техническими трудностями возникли проблемы совсем иного рода...

— Теор? Почему ты не отвечаешь?

«Черт побери, да не умер ли он? — с внезапной тревогой подумал Фрэзер. — Теор должен слышать меня, ведь он всегда носил диск на шее...»

Фрэзер достал из кармана старую трубку и, чтобы успокоить разгулявшиеся нервы, стал не спеша набивать ее табаком. Сейчас он не думал о том, что кисет опустеет окончательно и до прихода следующего транспорта с Земли ему придется несладко.

А в это время в тысячах миль от него, в полной темноте, в которой человеческий глаз ничего не смог бы разглядеть, другая рука потянулась к кнопке переговорного диска. Юпитери-анин спросил:

— Это ты, Марк?

Через минуту эти слова дошли до Ганимеда. Фрэзер вздрогнул и едва не выронил трубку.

— Да, это я. Надеюсь, не потревожил тебя в неурочный час, друг?

Последовала пауза, в течение которой Фрэзер постарался привести свои нервы в порядок. «Что-то я слишком близко к сердцу принимаю все, что происходит с наяррами, — подумал он. — Теор, конечно, очень симпатичный, умный парень, и мне будет жаль, если враги изгонят его племя с побережья. Это здорово повредит нашему проекту — ведь приемник-то останется в Доме Оракула. Придется вновь

устанавливать контакты с новыми обитателями тех мест, а это займет долгие месяцы, если не годы. Но с другой стороны — так ли уж это важно для меня? Юпитер более чужой для меня, чем сама преисподняя...»

— Нет, ты не потревожил меня, — ответил Теор. — Правда, сейчас у нас ночь, и мое сознание должно было затуманиться, но я настолько встревожен происходящим, что мне не до сна. Хорошо, что ты связался со мной, друг. Мое племя очень нуждается в твоей помощи.

— Чем я могу помочь?

Фрэзер почувствовал растущую тревогу. Он долгие годы общался с Теором, и, хотя юпитериане физически отличались от человека более, чем, скажем, медузы, это существо было ему ближе многих друзей.

— Я долго втолковывал своим соплеменникам, кто вы и что может дать наше общение, но они не желали меня понять, — после минутной паузы сообщил Теор. — Сейчас же, когда над нами нависла смертельная угроза, они стали куда сообразительней. Каждый фермер теперь знает, что существо с небес спасет нас.

— Ах так, до них наконец дошло, что я не Бог и не явление природы вроде наводнения? — обрадованно воскликнул Фрэзер. — Ты убедил их?

Он никогда не использовал стандартных методов общения с аборигенами, как другие исследователи Юпитера. Десять лет назад он работал в технической группе, занимавшейся улучшением качества связи с планетой. Постепенно он заинтересовался этим проектом настолько, что стал все свое свободное время посвящать изучению первой версии общего языка — лучшего средства общения с юпитерианцами тогда не было. После этого он набрался смелости и попросился в группу лингвистов, занятую непосредственно проблемой контакта. Ему разрешили попробовать установить контакт с сыном вождя племени наярров — и были весьма удивлены тем, что Фрэзер так быстро освоил язык. Вскоре выяснилось, что он продвинулся во взаимопонимании с

аборигеном гораздо дальше, чем опытные специалисты. Дело, конечно, было не только в прирожденном таланте Фрэзера, но и в его поразительной настойчивости. За десять лет общения Фрэзер и Теор научились не только понимать друг друга, но и ощущать эмоции собеседника — такого еще не достиг ни один землянин.

После долгой паузы наявр ответил:

— Это не только моя заслуга. Мой полуотец Элкор в свое время немало общался с землянами. И хотя он не нашел среди них друзей, веру в ваше могущество сохранил. Но Элкор мало понимал вас, людей с неба, и теперь очень удивляется, когда я рассказываю о наших беседах. Как такое могло произойти?

Фрэзер задумался.

— Гм-м-м... раньше я как-то не думал об этом. Понимаешь, те люди, которые общались некогда с твоим отцом, были учеными, и их в первую очередь интересовали тайны вашего мира. Словарь общего языка был в то время очень краток и не мог выразить оттенков эмоций. Но я-то не ученый, меня интересовало совсем другое — каковы вы, жители огромною, недоступного для нас мира, как вы думаете, чем живете, чему радуетесь и отчего тревожитесь. Именно по этой причине со временем наш с тобой словарь стал постепенно увеличиваться, мы стали придумывать новые, понятные для обоих слова. В результате мы стали понимать друг друга намного лучше, чем наши предшественники.

«Старый Ян Сильверстайн тоже не был узким специалистом», — подумал Фрэзер, дожидаясь ответа. ДжоКом — так называлась принципиально новая нейтринная система связи — была результатом осуществления его мечты. Многие годы он обивал пороги крупных исследовательских фирм, убеждая бизнесменов, что Юпитер — козырная карта, которая может стать для Земли новым, неисчерпаемым Клондайком. Затем он взялся за академические институты, уговаривая научных светил отказаться от традиционных подходов, развивать иные направления в радиолокации,

физике твердого тела, кибернетике и т. д. и т. п. Но дело двигалось медленно, пока на Юпитер не были успешно спущены первые исследовательские роботы. Они были весьма примитивными, с простейшей лазерной телеметрией, поэтому большая часть информации терялась в атмосфере. Но Сильверстайн уже развернулся во всю мощь. К тому времени он возглавлял «Проект Юпитер», и сотни фирм и научно-исследовательских лабораторий работали под его началом. На планету спускались все более сложные и совершенные модели роботов, и, хотя большая их часть бесследно исчезала, Юпитер стал потихоньку открывать свои тайны. Настал великий день, когда Земля узнала, что на планете-гиганте существует разумная жизнь. Остаток жизни Сильверстайн посвятил совершенствованию системы связи, и нейтринный передатчик заработал незадолго до его смерти...

— Мне очень интересно следить за ходом твоих мыслей, Марк, — слышался наконец голос Теора. — Но, увы, этой ночью нам не удастся полностью отделиться отвлеченным размышлениям о природе вещей. Рассвет уже недалек, и улунт-хазулы скоро придут в Наярр.

— Что случилось, Теор? В последний раз, когда говорили, ты рассказывал об армии, которую вы послали навстречу врагу.

— Да, — мрачно сказал Теор. — Мы думали, что это обычный набег дикарей, и послали пограничные отряды разогнать их. Однако враги наголову разбили на побережье наше небольшое войско. Оставшиеся в живых рассказали, что чужаков видимо-невидимо и они иной расы.

— Иной расы? — Фрэзер изумленно присвистнул. Хотя это было вполне возможно. На такой огромной планете могли существовать несколько совершенно различных разумных рас, которые могли и не подозревать о существовании друг друга.

— Похоже, враги пересекли Западный океан, пройдя через цепь Плавающих островов. Наши торговцы имеют там

базу. Если улунт-хазулы захватили их в плен, то они многое могли узнать о нашей стране и о нашем племени. Не сомневаюсь, что у них были и шпионы — мы не раз встречали на побережье странных личностей, но не придавали этому значения. Мы были вынуждены пригласить чужаков на переговоры. Надо же хоть что-то узнать о врагах, прежде чем вступить с ними в бой! Они согласились, и два дня назад в город прибыла их делегация.

— Но чем я могу помочь?

— Ты знаешь, с каким благоговением наше племя относится к вашей большой машине — той, что говорит, — сказал Теор. — Еще мой отец вступил с ней в контакт, после чего с почтением поместил ее в Дом Оракула. Три года назад вы послали нам машину, которая показывает, — и она тоже с почетом была перенесена в храм. Эти устройства многое изменили в жизни наярров, и особенно рода Рива. Некогда мои предки славились своими магическими способностями, и теперь в глазах соплеменников я тоже стал магом — и все потому, что могу говорить с людьми, живущими на небесах. Наш народ прост и доверчив, ему вполне хватает моих рассказов, но улунт-хазулы могут оказаться более привередливыми. Думаю, им потребуется более серьезное доказательство моего могущества, скажем, изображение Того-кто-живет-на-небесах.

— А-а... Я догадываюсь, что нужно сделать. Ты хочешь, чтобы я...

Внезапно интерком захрипел и заговорил басом:

— Внимание! Говорит Боб Ричардс из штаб-квартиры администрации. Вы уже знаете, что недавно в космопорту сел крейсер «Вега». Его командир адмирал Свейн просит разрешить астронавтам, свободным от вахты, посетить сегодня наш город. Естественно, порядок и дисциплина гарантируются. Я думаю, ребята, вам будет приятно поболтать с парнями, недавно прибывшими с Земли. Так что все, кто желает, могут через десять минут подойти к главному входу. Пока.

Выслушав объявление, Фрэзер усмехнулся. «А Лори была так испугана», — с иронией подумал он.

— Что у вас происходит? — с интересом спросил Теор.

— Ничего особенного, — ответил Фрэзер. — Давай лучше вернемся к твоей просьбе. Мой вид может здорово смутить любого жителя Юпитера, и, насколько я понимаю, ты хочешь воспользоваться этим. Я должен запретить чужакам вторгаться на вашу территорию под угрозой ужасного наказания — не так ли?

В соседней комнате раздался шум возбужденных голосов. Похоже, парни из лаборатории отправились встречать астронавтов. «Пусть развлекаются», — равнодушно подумал Фрэзер.

— Ты читаешь мои мысли, — сказал Теор. — У меня такое предчувствие, что это может изменить баланс сил в нашу пользу. Улунт-хазулы должны знать, что на севере находятся страны, менее богатые, чем Медалон, и куда более беззащитные. Если они услышат, что кроме армии наярров против них выступят сверхъестественные силы, то они могут дрогнуть.

— Хм-м-м... не уверен, не знаю, как устроены их мозги. Возможно, мы встретимся с иной культурой, другим образом мыслей. Но в любом случае постараюсь сделать для вас все, что могу. Хотя... хотя как мне это удастся? Пришельцы не знают общего языка, а я не могу говорить на языке наярров!

— Я знаю. Я уже придумал, как все это можно проделать. Я здесь прочитал речь, стараясь изменить до неузнаваемости голос. Ты запишешь ее и в нужный момент пошлешь вместе со своим изображением. Никто не догадается о нашей хитрости.

— Прекрасно! Ты мне досконально объяснишь смысл твоих фраз, а я уж постараюсь делать соответствующие словам жесты. Ладно, будем считать, что мы договорились. Теперь перейдем к нашим текущим делам. Ты подготовил

первый опытный образец бумага*и по технологии, которую мы разработали для вас?

— Да, нам удалось сделать первый лист. Я покажу его тебе, но сначала давай немного побеседуем на отвлеченные темы. Ваш образ мыслей настолько сложен и непривычен, что мне хотелось бы уточнить некоторые философские понятия...

Они закончили беседу минут через сорок. Фрэзер взглянул на часы и ахнул. «Надеюсь, Ева не очень рассердится на меня», — виновато подумал он.

— Мне пора уходить, — сказал он, — Я приду в лабораторию, когда начнутся ваши переговоры с улунт-хазулами. Вызови меня, когда захочешь припугнуть чужаков. Надеюсь, наш замысел сработает. До встречи, Теор!

— Пусть твой разум блистает вечно! Прощай, друг.

Связь прервалась. Фрэзер посидел еще минуту, чувствуя себя каким-то одиноким. Затем встряхнулся, заставил себя подняться и пошел к двери. Внезапно она распахнулась прямо у него перед носом. В комнату ворвался Пат Махони. У него было такое лицо, словно он только что увидел Медузу Горгону.

Марк! — завопил он. — Бежим отсюда! Они арестовали в городе всех, кто мог представлять для них хоть какую-то опасность!

— Ты о чем? — изумленно спросил Фрэзер.

— Эти безумцы с корабля дали нам прикурить! Стоило этим чертовым астронавтам войти в город, как каждый из них выхватил бластер. Это бандиты, Марк, самые настоящие бандиты. Нет, еще хуже — они сторонники прежнего президента Гарварда!

Без специальных приборов ни один человек не мог бы увидеть рассвет на Юпитере. Его поверхность была погружена в вечный мрак, лишь изредка освещаемый вспышками гигантских молний. Атмосфера состояла из водорода с небольшими примесями метана и паробразного аммиака, образующего облака толщиной в несколько миль. Однако золотистые глаза Теора — каждый в три раза больше человеческого — отлично видели в инфракрасном и даже красном диапазонах волн. Для него небо стремительно очищалось от ночного тумана, который клубами неся по равнинам Медалона и уходил под мутную арку облаков, увлекая за собой полчища черных, колеблющихся теней. Теор чувствовал, как его лицо обдувает резкий и холодный ветер. Его чувствительные усики-антенны, расположенные по обеим сторонам рта, дрожали, реагируя на острые органические запахи, текущие по равнине.

Теор нетерпеливо переступал с ноги на ногу. Ему хотелось вновь вернуться к своим обязанностям. Прежде всего это была забота о ценных наркотических специях. В первичном виде они накапливались в стволах и листьях растений, в огромном количестве растущих на равнине, но окончательно приобретали свои свойства, лишь пройдя через желудочный тракт местных животных, слегка напоминающих земных коров.

У фермеров в этот сезон была масса забот, и обязанностью Теора было оберегать их от непогоды, а именно от ветра, дождя, града, молний, землетрясений, гейзеров, извержений вулканов, камнепадов и прочая, прочая, прочая. Это было традиционным занятием рода Рива. Лишь случайно и изредка отпрыски этого славного рода становились священниками, магами, судьями и военачальниками. Всегда и везде Рива были хранителями культуры племени наярров; без их искусства оно могло вновь вернуться к

состоянию варварства или оказаться поработанным более могущественными племенами.

«Неужели такое когда-нибудь случится? — угрюмо подумал Теор. — Мы можем не опасаться соседнего племени Ролларик — нас куда больше, мы лучше вооружены, и потому эти трусы решили скрыться от нас за Дикой Стеной. Но эти пришельцы улунт-хазулы! Кто привел такие огромные силы за океан?»

Их беспрецедентный переход поразил его так же, как редкая боевая доблесть чужаков. Наярры тоже далеко не домоеды: на южном побережье они торгуют с Лесным племенем, а за морской добычей уходят далеко в океан, к самому Орговеру. Несколько разведывательных экспедиций даже отправились на запад, к таинственным Сияющим островам. Но как улунт-хазулы смогли одолеть тысячи штормовых миль в океане из жидкого аммиака? Теор знал об этом из сообщений своего друга-землянина с Ганимеда, который наблюдал за походом войска чужаков с помощью хитроумных приборов.

Теор машинально поднял глаза к небу. Он никогда не видел ни лун Юпитера, ни даже Солнца. Странно будет, если наярров спасут силы из мест невидимых и недостижимых... Хотя луны и так влияют на происходящее здесь, на поверхности Юпитера — Марк не раз рассказывал ему, что именно они вызывают атмосферные приливы и отливы и тем самым создают четыре малых погодных цикла...

— Уллола! — услышал он вдруг далекий голос, доносящийся откуда-то снизу. — Теор, я вижу тебя. Спускайся и побеседуй со мной!

Теор натянул поводья своего форгара. Летящий зверь, напоминающий земного богомола, замедлил полет и стал плавно спускаться. Теор сидел на его узкой, чешуйчатой спине, крепко упираясь четырьмя догами в туго натянутые стремена, и смотрел вниз.

В нескольких милях отсюда лежал город. Впереди, в изгибе реки Брантор, были видны столбы красного дыма. Там

находились мастерские, поскольку именно в этом месте были обнаружены десятки небольших вулканических кратеров — другого вида огня на Юпитере не знали. Опытные ремесленники день и ночь трудились, плавя над жерлами осколки льда и выковыывая из него наконечники для копий и ножи.

Сделав широкий круг, форгар плавно приземлился рядом с пожилым наярром, который приветственно размахивал посохом, богато отделанным перьями. Это был Норлак, полуотец Теора.

Молодой Рива спрыгнул с форгара и со вздохом облегчения выпрямился. Форгар немедленно направился к зарослям кустарника с толстыми губчатыми листьями. Растения росли на почве, которая представляла собой ледяной порошок, смешанный с органическими веществами и минеральными солями, главным образом натриевыми и аммиачными соединениями. Ледяная крошка хрустела под ногами Теора.

— Моя сила была спокойной в твое отсутствие, — произнес он слова формального приветствия и сразу же перешел к делу: — У нас мало времени, полуотец. Посланцы врагов, должно быть, уже пришли в город.

— Они уже там, — сказал Норлак, — чужаки прибыли еще вчера вечером. Я давно тебя жду, сын, — прежде чем ты пойдешь на совещание, мне хотелось бы поделиться с тобой кое-какими соображениями.

— Но почему ты сам не принял участия в этой важной встрече? Она, должно быть, уже началась и...

— Чужаки возражали, — флегматично ответил Норлак. — Они сказали, что по их законам только мужчины могут принимать участие в переговорах. Если с вашей стороны будут присутствовать представители других полов, чужаки покинут город. Мы с Элкором решили проглотить оскорбление и принять их условия.

Теор изумленно замер. У наярров все три пола традиционно были равны, хотя женщины мало интересовались

государственными делами — им вполне хватало домашних хлопот и забот о потомстве. Правда, дикари из племени Ролларик и Лесное племя по-другому смотрели на равноправие полов, но это были крайности, редкие в этой части Юпитера.

— Вождь улунт-хазулов смеясь сказал, что женщины у них — не больше, чем часть имущества, а полумужчин вообще убивают после рождения и лишь немногих оставляют для нормального воспроизведения потомства. Хозяева этого племени — только мужчины, и только они одни участвуют в походе. Как только мы завоем вас, сказал вождь, мы привезем сюда и остальную часть нашего племени с Плавающих островов.

Теор поморщился.

— Теперь я понимаю, что они совсем не такие, как мы, — заметил он. — Не просто другое племя — нет, совсем другой вид. Убивать полумужчин — да где это видано? Хотя... хотя это может сыграть нам на руку. Вы, полумужчины, куда слабее нас и излишне эмоциональны, зато голова у вас более светлая.

— Верно! — самодовольно улыбаясь, согласился Норлак и горделиво выпятил грудь. — Разве не я предложил использовать твоего друга-небожителя, чтобы испугать этих дикарей? Конечно, я хотел бы участвовать в переговорах, чтобы следить за чужаками. Вы, мужчины, недостаточно хитроумны. Ваша сила — в мускулах, увы, и только в них.

Норлак явно преувеличивал. Разве не он, Теор, первым из наярров установил тесный контакт с землянином? На что Норлак обычно ворчливо отвечал, что Теору помогло лишь обычное мужское упрямство, но никак не интеллект.

— Так что ты хотел сказать мне? — спросил Теор.

— Я хотел бы дать тебе, сынок, кое-какие наставления, поскольку сам на встрече буду отсутствовать. Я потратил немало сил и времени на изучение этих улунт-хазулов, и тебе будет полезно получить от меня важную информацию. Наша ошибка состояла в том, что мы всегда принимали их

за племя дикарей и не более. Но на самом деле они намного опаснее, намного!

Теор нетерпеливо переступил с ноги на ногу, но удержался от язвительной реплики. Норлак обожал пространные, напыщенные монологи, но их стоило выслушать.

Со стороны эти два юпитерианина показались бы землянину до удивления похожими на кентавров. Но такое сравнение было бы слишком грубым и приблизительным. Да, они имели четыре ноги, и их лошадиные тела соединялись с человеческим торсом, но этим сходство с легендарными существами и заканчивалось. Тела Теора и Норлака были безволосыми, красноватого цвета с темными тигриными полосами; на ногах вместо копыт — три цепких пальца; четырехпалые руки — непропорционально длинны. На круглых головах отсутствовали уши, зато Теор, как и все мужчины, мог похвастаться высоким гребнем, похожим на петушиный. Рот располагался чуть ниже огромных глаз и служил только для принятия пищи и питья. Речевые звуки создавались вибрацией специальных мускулов, расположенных в кожаном мешочке под челюстью.

Юпитериане не имели носа и легких. На их грудных клетках располагались узкие щели, напоминающие жабры, через которые в кровь существ поступал водород, играющий основную роль в их метаболизме. В процессе воспроизведения органических соединений участвовали и метан с аммиаком — они поступали внутрь через брюшные отверстия. Чудовищное юпитерианское давление делало эту простую систему дыхания эффективной. Питались «кентавры» в основном водорослями.

Кроме пояса с инструментами и висевшего на шее диска коммутатора Теор не носил ничего, что было типичным для жителей Юпитера. Малый осевой наклон этой планеты обеспечивал небольшой температурный разброс на его широтах, что делало потребность в одежде излишней. Зато полумужчины обожали наряжаться в пышные и безвкусные одежды. Они были низкорослыми и хрупкими существами и вечно

жаловались то на холод, то на жару. Отсутствовал у них и «петушиный» гребень, зато антенны были более длинными и чувствительными — подобных и менее заметных отличий между этими двумя полами было множество. Для оплодотворения мужчина и полумужчина по очереди занимались любовью с женщиной, причем с интервалом не более трех-четырёх часов. Мать давала жизнь ребенку и кормила его кашницей из тщательно пережеванной пищи. Для наярров создание семьи из трех разнополых индивидуумов считалось естественным, хотя многие другие племена придерживались иных обычаев.

Но варварское отношение улунт-хазулов к полумужчинам шокировало. И такие дикари смогли переплыть через океан? Теор был менее воинственным, чем другие мужчины, но мысль о том, что чужаки могли бы безжалостно уничтожить Норлака, заставила его судорожно сжать рукоять палицы.

— Я собрал воедино все разрозненные сведения, собранные разведчиками и исследовательскими экспедициями, и добавил к ним собственные наблюдения за посланниками, — продолжал распространяться Норлак, закатив глаза от восхищения самим собой. — Родина улунт-хазулов — островной архипелаг в океане. Местность тём в основном равнинная и болотистая. Чужаки — отличные кораблестроители, они умеют отливать корпуса судов из льда. Их штурманы прокладывают курс в океане на сотни миль — мы таким искусством, увы, не владеем. Они своим умом дошли до изобретения компаса, тогда как мы использовали идею землян с Ганимеда. Оружие чужаков совершенней нашего, поскольку они каким-то чудом нашли залежи каменных и железных метеоритов. — В голосе Норлака зазвучали тоскливые нотки. — Мы не должны бесстрашно смотреть фактам в лицо, сынок. Улунт-хазулы далеко не варвары, нет! Их цивилизация значительно отличается от нашей, но она, увы, столь же полноценна и многогранна, как и наша.

— Хм... — недовольно буркнул Теор. — И все же они могут здорово испугаться Оракула!

— Что ж, лучше постараться напугать пришельцев чем-то сверхъестественным, чем ввязаться в фантастическую резню, — грустно согласился Норлак.

— Которой не миновать, если Марк не поддержит нас, — добавил Теор. — Жаль, полуотец, что тебя не будет на переговорах!

— Увы, увы... Но, к счастью, делегация улунт-хазулов состоит из одних мужчин, а это значит, что их вполне можно обмануть... Только помни одно, сынок: хитрость лучше, чем сила! Тем более что твой Марк может нам помочь только словами...

— Землянин говорил... — начал было Теор, но перебил сам себя. — Ладно, сейчас не стоит об этом толковать. Норлак, а почему пришельцы оставили свой дом?

— В их стране резко ухудшились погодные условия. Беспереывные шторма привели к тому, что морские растения добывать стало все труднее и труднее. Начались голод и эпидемии.

— Верно! Марк как-то говорил мне, что если в верхних слоях атмосферы встречаются два течения, то образуется вихревая область пониженного давления, которая...

— Пощади меня, сынок! Я простой наярр из рода Рива, для меня ты говоришь слишком мудрено... Продолжаю: улунт-хазулы кое-что разузнали о нашем племени — цикл или два назад Скрытый народ поговаривал о каких-то шпионах-чужаках. Их видели всего несколько раз, но наша страна велика и мало населена, так что это совсем неудивительно. Так или иначе улунт-хазулы неплохо изучили нас и поняли, что вполне могут захватить нашу страну. На сегодняшней встрече вы должны...

Норлак продолжал свой пространный монолог, время от времени закатывая глаза и самодовольно покачивая антеннами. Теор слушал его с нарастающей неприязнью. Идеи полу-отца были, без сомнения, хороши, но это были всего

лишь благие пожелания, а время безвозвратно уходило. С трудом дождавшись момента, когда Норлак сделал паузу, чтобы передохнуть, Теор воскликнул с напускным воодушевлением:

— Спасибо, полуотец, за твои мудрые слова! Я сделаю все, как ты сказал. Прости, но мне пора. Пусть пребудет с тобой мир!

Теор вскочил на форгара и взмыл в небо. Норлак не успел остановить его.

Несколько минут спустя Теор достиг города. Сверху тот выглядел похожим больше на скелет морского животного, чем на поселение. Дома представляли собой ямы, огороженные прочными, но тонкими стенами так, чтобы не задавить своих обитателей во время сильных землетрясений. Крышами служили живые растения, настолько густо переплетенные, что без труда могли выдержать самый сильный ветер. Подобные же кустарники составляли живую изгородь, окружающую город. Корабли сохли в береговых доках, и вокруг них было непривычно пусто, так же, как и на городских улицах, которые вернее было назвать тропинками. Большинство жителей города затаились в своих домах, с тревогой ожидая результатов переговоров.

Теор приземлился на площади между Дворцом Совета и Домом Оракула и, спрыгнув с форгара, поспешил к первому из них. Три отряда охраняли резиденцию Элкора. Воины были одеты в доспехи из чешуйчатой кожи канника — хищного морского животного — и вооружены копьями. Их наколенники были выкованы из льда — более прочного, чем сталь, при юпитериацском давлении и температуре в минус сто градусов.

— Стой! — рявкнул один из воинов, угрожающе наклонив копье. — А-а... это Теор... Проходи. А мы-то гадали, что с тобой случилось?

Теор почувствовал скрытый упрек в его словах и, смутившись, задал в свою очередь чисто риторический вопрос:

— Как проходят переговоры, ребята?

— Паршиво, ясное дело. Чужаки только посмеялись над угрозами Элнора и послали его подальше вместе с его предложением поселиться где-нибудь на равнине Ролларик.

— О-о, это пришел мой сын! — слышался из-за двери глухой голос Элнора.

— Хунда! — ответил ему чей-то хриплый, низкий голос с заметным акцентом. — Выходит, простой копыеносец может присутствовать на разговоре вождей?

Теор нахмурился и вошел в здание. Пройдя через длинный, с заметным уклоном коридор, он очутился в главном зале. Зал, как обычно, освещали фосфоресцирующие цветы, растущие на вьющихся по потолку кустах. Вдоль стен круглого зала, на высоких ярусах, стояли старейшины племени, представляющие гильдии фермеров, ремесленников, торговцев и философов. Лица у всех были напряжены, в глазах светилось неприкрытое волнение. Элнор Рива стоял внизу один, а напротив него полукругом выстроилась дюжина улунт-хазулов. Вождь наярров был крупным, полным мужчиной средних лет, хотя выглядел заметно старше. В своем племени он отличался силой и благородством осанки. При виде отца сердце Теора наполнилось гордостью. Но, взглянув на чужаков, он вздрогнул и невольно шагнул назад, потрясенный.

Землянин не понял бы его изумления. Все юпитериане показались бы ему на одно лицо — так и Теор вряд ли отличил бы человека от гориллы. Улунт-хазулы были почти на фут выше наярров. Под их подбородками росли наклоненные книзу клыки. Массивные ноги чужаков заканчивались перепончатыми ступнями. У них были толстые и длинные хвосты, шкура имелг непривычный серый цвет. Все в пришельцах было чужим, грубым, режущим глаз. И от них скверно пахло едким запахом животных!

Улунт-хазулы были одеты в кожаные мантии. Двое из них демонстративно поигрывали ледяными браслетами, явно снятыми с убитых наярров. Еще хуже было то, что вопреки

обычак они принесли во Дворец Совета оружие. Оружие! Сердце Теора забилося от гнева и возмущения.

— Мы уже не надеялись увидеть тебя сегодня, — с видимым облегчением сказал Элкор, бросая на сына укоризненные взгляды. — Я хотел сам показать гостям Оракула, но ты сделаешь это не хуже. Пусть Чалхиз, великий вождь улунт-хазулов, лично лицезреет Силу, Живущую в Небесах!

Теор вспомнил о словах Норлака. Полуотец особо отмечал, что вождь чужаков лично пришел на встречу. Этим он не только хотел показать свое бесстрашие, но и дать понять наяррам: мол, мы настолько хорошо организованны, что даже смерть вождя не станет для нашего племени серьезным ударом.

Теор посмотрел в холодные, мрачные глаза Чалхиза и твердо произнес:

— Мы знаем, вождь, что ты через своих шпионов немало разузнал о наяррах. Мы не препятствовали им: пусть все знакл о могуществе нашего племени! Конечно, оно в первую очередь заключается в нас самих (Чалхиз пренебрежительно усмехнулся), а также в нашем дружеском союзе с великой Силой. Я не хочу угрожать тебе, Чалхиз, но будь уверен — Сила не останется в бездействии, если нам будет угрожать опасность!

Чалхиз плотоядно улыбнулся:

— Тогда почему же жители небес позволили нам вторгнуться в вашу страну?

— Пока мы не просили их о помощи.

— Наши старухи часто болтают о всяких чудесах: о духах, гоблинах, Скрытом народе, об этих ваших бесплотных головах пророков. Мы, мужчины, улунт-хазулы, верим только тому, что видим своими глазами! — горделиво заявил вождь.

— Что ж, пойдем посмотрим, — кротко сказал Теор.

Следуя совету Норлака, он бесцеремонно повернулся и вышел из зала, даже не оглянувшись. Удивленный шепот пробежал по рядам чужаков, однако, помедлив, они

безропотно последовали за Теором. Пройдя через площадь, мимо невозмутимых воинов с пиками наперевес, они вошли в Дом Оракула.

На пороге зала передатчика чужаки остановились и стали переговариваться на своем языке — они явно были изумлены. И в самом деле, обширное помещение, погруженное в вечную мглу, производило ошеломляющее впечатление. Вдоль стен располагались собранные наярами обломки разрушенных при посадке юпитероходов телеметрических ракет и роботов. На столе лежали металлические пластинки с изображением Солнечной системы, Земли, людей. — с их помощью земляне когда-то пытались установить контакт с жителями Юпитера.

Серые воины растерянно озирались по сторонам — ничего подобного они в жизни не видели — и потихоньку стали подвигаться друг к другу, сжимая оружие. Они уже были готовы трусливо бежать из этого ужасного места, но Чалхиз отдал короткий приказ, и его спутники понемногу успокоились. Вождь осторожно обошел зал, разглядывая удивительные экспонаты, нагнулся, взял кусочек металла и некоторое время изучал его своими антеннами. Затем он подошел к высившемуся в центре зала кубу передатчика и внимательно осмотрел контрольные панели. На его лице ничего нельзя было прочесть.

— Ну как? — небрежно спросил Теор.

— Хм... я вижу какие-то причудливые безделушки, которые могут удивить разве что дикаря, — проворчал Чалхиз. В его голосе уже не чувствовалось прежней самоуверенности.

— Ты увидишь еще больше, — пообещал Теор. — Один из обитателей неба согласился явить вам свой божественный лик и строго предупредить, что недоволен вашим вторжением! Те, кто летает среди звезд, несут великую Силу, способную сокрушить...

Теор произнес целую речь, полную восхвалений жителей неба и скрытых угроз в адрес чужеземцев — так ему советовал Норлак. Чалхиз угрюмо слушал его, наклонив крупную

голову и нервно перебирая ногами. Чувствовал он себя неуютно, а на лицах его спутников легко можно было прочесть нарастающий ужас.

— А теперь я включу передатчик и почтительно попрошу бога Марка поговорить с тобой, вождь, — заключил Теор и, победоносно взглянув на приободрившегося отца, подошел к металлическому кубу.

Это довольно громоздкое устройство было раз в десять больше распространенного в Солнечной системе передатчика типа «Земля-ЗВ», но иначе на Юпитере и быть не могло. И сейчас это было даже на пользу, поскольку произвело на чужаков впечатление необычайной мощи. Но работает ли прибор?

Теор с важным видом включил тумблер на контрольной панели; пальцы его слегка дрожали.

— Я предупреждаю тебя, вождь, что жители неба не любят, когда их вызывают по таким пустякам, как визит каких-то чужеземцев, — продолжал нагнетать страсти Теор. — Я попрошу их показать живые картинки, но они могут разгневаться на меня за это. Стой тихо, пока я буду взывать к великим богам! — Он нажал кнопку вызова на своем переговорном диске. — Марк, — торжественно пропел он на общем языке, которому его научил землянин, — настал момент, когда ты должен вмешаться. Они здесь и изрядно напуганы. Ты готов?

Экран на кубе передатчика оставался темным.

— Марк, ты слышишь меня?

Пол дрожал от нетерпеливого перестука десятков ног. С вьющегося по потолку кустарника посыпались лепестки цветов.

— Марк, они ждут. Это я, Теор! Есть там кто-нибудь? Поторопитесь ответить, я очень прошу! Марк, или кто-нибудь из землян... Марк!..

Внезапно Чалхиз басисто замурлыкал — юпитериане так смеялись. Потом он демонстративно повернулся и вышел из

зала. За ним бодро последовали его воины, обмениваясь ядовитыми репликами.

А Теор продолжал с отчаянием взывать к темному экрану:

— Марк! Почему ты не отвечаешь? Что случилось?..

Глава 4

А случилось вот что.

— Ты сошел с ума, — растерянно сказал Фрэзер.

— Нет, нет... — Пат Махони сидел на скамье и тяжело дышал. Рыжая прядь волос, влажная от пота, прилипла к его лбу. — Я видел... Это было в южном зале-В, около, главного входа... Я видел, как они ворвались... отряд разъяренных людей с бластерами в руках... Среди них шли Клем, Том, Мануэль и еще двое или трое наших... все с поднятыми руками... Они заметили меня, когда проходили мимо. «Беги! — крикнул Мануэль. — Они на стороне прежнего правительства!» Один из чужаков ударил его по голове... а офицер прицелился в меня и крикнул: «Стой! Именем закона — стой!» Я стоял недалеко от угла, за которым был коридор. Потихоньку пятясь, я сказал: «Чьего закона?» — «Правительства Соединенных Штатов!» — «У нас нет с ним проблем!» ... И тогда офицер сказал: «Я имею в виду законное правительство, а не бунтарей». Он увидел, что я пытаюсь улизнуть, и заорал: «Стой — или я стреляю!» Но я мигом шмыгнул в коридор. Пуля тут же ударила в стену за моей спиной, но я уже бежал...

Фрэзер тяжело опустился в кресло. «Это невозможно, — тоскливо подумал он. — Этого просто не должно быть! Такие вещи случаются только в кино, но уж никак не в тихой, размеренной жизни колонистов».

Он вспомнил, что нечто подобное случилось в Калькутте, когда он проходил военную службу. Его полк был послан для подавления антиамериканского восстания. Когда на толпу направили огнеметы и люди стали вспыхивать как спички, его затошнило...

Или взять случай с профессором Хавторном. Он, Марк, тогда учился в колледже и был полон розово-голубых юношеских идеалов. Хавторн казался ему воплощением мудрости и доброты. Он был слишком стар, чтобы всерьез интересоваться тайную полицию, и потому продолжал преподавать свою версию истории. Вместо того чтобы восхвалять мудрость президента Гарварда, он приводил в своих лекциях цитаты из Джефферсона, Гамильтона и Линкольна. Более того, он призывал студентов следовать их идеалам в жизни, а этого власть имущие вытерпеть уже не смогли. Как-то вечером на старика напали юные хулиганы — конечно, совершенно случайно, а на следующий день во дворе колледжа торжественно были сожжены его книги. Вскоре Хавторн умер от многочисленных ран, и ни одна газета не решилась опубликовать некролог.

Новый «истинно демократический» режим порой действовал и более гуманно. Однажды сотрудники ФБР арестовали молодого Ольсена прямо в его лаборатории, обвинив в распространении подрывных памфлетов. Через несколько недель Ольсен вернулся с разбухшими венами и затравленным взглядом. Карьера его закончилась, хотя и было доказано, что его арестовали по ошибке.

Однако этот случай был исключением из правил. Люди исчезали почти ежедневно, и о них никто ничего не слышал. Да и вспоминать о них мало кто решался, люди предпочитали в разговорах восхвалять мудрость и дальновидность президента и твердость его администрации. После таких бесед хотелось прополоскать рот...

Фрэзер встряхнулся, стараясь отогнать неприятные воспоминания. Нужно действовать, и, к счастью, он не чувствовал себя сейчас усталым. Что сказала ему Лори?

«Потихоньку готовьтесь уйти из города...» Слишком поздно. Хотя... Но что произошло там, на Земле? Если бы восстание было подавлено, то вряд ли экипаж «Веги» вел бы себя подобным образом. Они взяли Клема, Тома и Мануэля... зачем? Да потому, что все трое были инженерами-связистами и могли сообщить на Землю о случившемся. Так-так... Солдаты с «Веги» могут прийти сюда каждую минуту. Надо действовать!

Марк вскочил с кресла и вышел в коридор. Вокруг было пусто и тихо.

— Выходи, Пат, — сказал он, обернувшись. — Если мы поторопимся, то можем захватить краулер и убежать из города. А пока я пойду соберу своих.

Пат молча кивнул и последовал за ним. Они вошли в грузовой лифт и поехали на первый этаж. Сердце Фрэзера бешено билось, на лице выступил пот. Если бы он рисковал только собой...

Внизу было полно народу. Просторное фойе гудело десятками голосов. Испуганные лица, заплаканные женщины.

— Эй, Марк! — позвал его один из мужчин. — Что произошло? Кое-кто говорит...

Фрэзер пожал плечами и стал осторожно, но решительно пробираться сквозь толпу к своей квартире.

Дверь оказалась закрытой.

— Господи, — с мольбой прошептал он, — если моих здесь нет... Тогда ты, Пат, уйдешь один...

Но, к счастью, дверь тут же распахнулась. Пятнадцатилетний Колин медленно опустил кресло, которое выразительно было поднято у него над головой.

— Отец! — с облегчением воскликнул он. — А я-то думал...

— Мать и Энн здесь? — не дав ему договорить, спросил Фрэзер и торопливо вошел в квартиру. Махони следовал за ним, словно тень. Захлопнув дверь, Марк крикнул: — Немедленно все одевайтесь! Ева, где ты?

Жена сразу же явилась из гостиной. Она была миниатюрной брюнеткой с нежными чертами лица и большими

серыми глазами. Из-за ее спины выглядывала Энн с заплаканным лицом. Девочка родилась на Ганимеде десять земных лет назад и впервые в жизни столкнулась с такими серьезными неприятностями.

Всхлипнув, Ева обняла мужа.

— Как хорошо, что ты пришел, Марк... Я не знала, что делать. Хотела позвонить в космопорт, но телефон отключен...

Марк ласково погладил ее по руке — она была холодна, словно лед.

— Надо немедленно уходить из города, — тихо сказал он.

— Но... нас же могут убить! — вздрогнула Энн.

Фрэзер шлепнул ее по щеке. Он был зол, но все же сумел сдержаться и ровным голосом приказал:

— Одевайтесь, я кому говорю!

Жена и дети растерянно посмотрели друг на друга и покорно пошли к шкафам с одеждой. Фрэзер осмотрел свой запасной скафандр и указал на него Махони:

— Возьми его, Пат. Он великоват для тебя, но что поделать...

Ева стала нервно выдвигать ящики, не зная, что выбрать.

— Сейчас не время модничать, — недовольно заметил Фрэзер. — Возьми только то, что уместится в карманах скафандра. Да положи ты это платье!

Махони отвернулся, пока «Ева торопливо переодевалась. Фрэзер пристально смотрел на жену, ощущая — нет, не желание, сейчас не было на это времени, но память о желании, о прожитых вместе годах. Она отказалась от большего, чем он, прилетев на Ганимед: политика мало что значила для нее, и на Земле она могла сделать отличную карьеру. «Хорошая девочка», — ласково подумал он.

Фрэзер надел скафандр, предварительно тщательно осмотрев кислородные баллоны, емкость с водой, пояс с концентратами, энергобатареи и ранец с инструментами. Шлем он пока оставил открытым и не стал надевать рукавицы. Дело для него было привычным, поэтому он оделся раньше, чем остальные. Затем минуту или две он грустно оглядывал

свою квартиру, отлично понимая, что может больше не вернуться сюда.

Она была стандартной и простой, подобно другим жилым помещениям в Авроре, но Ева сумела сделать ее уютной. Коробки с микрофильмами на книжных полках, незаконченная модель космолета, стоящая на столе Колина, шахматы рядом с коробкой сигар... Фрэзер всегда любил шахматы и покер. «Черт побери, сколько времени я угробил на все эти забавы», — с запоздалым раскаянием подумал он. Его взгляд скользнул по стене и остановился на большой фотографии, висевшей над кушеткой. Над морем с темной, почти фиолетовой водой бушевала метель из чаек. Но оно могло быть и другим, вспомнил Фрэзер. По ночам вода в заливе светилась. Можно было опустить руки в волны, плещущие о борта лодки, и зачерпнуть ладонями жидкое лунное серебро...

Отроческие годы Фрэзер провел на плавучей морской станции. Ее обитатели пасли стадо китов и собирали морские водоросли. Иногда станция уходила далеко в океан, и тогда перед ними открывался целый мир неизвестного... Персонал станции состоял из людей многих национальностей и жил, по сути дела, одной большой коммуной. Ни о тайной полиции, ни о доносах здесь и не слыхивали, и это впоследствии сказалось на дальнейшей судьбе Фрэзера. Он оказался слишком доверчивым и мягким, совершенно не приспособленным к жизни в большом и жестоком мире, где ни на кого нельзя было положиться. Только очутившись много позже на Ганимеде, он вновь вздохнул свободно — ему казалось, что он выбрался из душной субмарины на поверхность моря, на свежий, порывистый ветер...

— Марк, все готовы, — сказал Махони.

— Папа, а куда мы поедем? — смешно пробасил Колин. Мальчик изо всех сил пытался казаться невозмутимым, как и положено мужчинам.

Сердце Фрэзера мягко вздрогнуло. Колонисты, как правило, имели чудесных ребятишек — если те, конечно, выжили в тяжелых и непривычных для людей условиях.

— Мы поедem к одной из дальних станций, — ответил Фрэзер. — Мы не можем здесь оставаться: экипаж «Веги» состоит из гарвардистов, от которых можно ожидать любой пакости. Но им не удастся оккупировать весь Ганимед — просто людей не хватит. Спрячемся за хребтом Гленна, а там видно будет. А теперь пойдem. Пат, ты пойдешь, последним. Дети, если увидите солдат в голубых скафандрах, не вздумайте бежать. Они могут начать стрельбу.

Фрэзер вышел в коридор и некоторое время стоял прислушиваясь. Вокруг было тихо. Тогда он пошел в сторону гаража, моля Господа, чтобы краулеры не успели взять под охрану.

Свернув за очередной угол, он увидел астронавтов «Веги». Большой грузный мужчина в голубой униформе с белым поясом выразительно поднял бластер.

— Эй, приятель, ты куда направился? — спросил он настороженно.

Фрэзер замешкался. Вместо него ответила Ева. Очаровательно улыбнувшись, она пояснила:

— Простите, офицер, но мы возвращаемся домой.

— Хм-м-м... — недоверчиво пробурчал астронавт, но было заметно, что слово «офицер» ему, рядовому, доставило удовольствие.

— Мы недавно прибыли из поселения, что на равнине Маре. Ваш командир приказал нам вернуться домой и оставаться там, что мы и делаем.

— Ладно-ладно, идите... — неохотно сказал солдат.

Ева дернула мужа за рукав, и тот с окаменевшей улыбкой последовал за ней. Когда все вышли в соседний коридор, Махони присвистнул.

— Отличная работа, леди! Как вы сумели так ловко запудрить мозги этому парню?

— Все просто. Кто-то из офицеров должен находиться внутри здания и отдавать подобные команды, — ответила Ева. Ее губы дрожали от пережитого напряжения, и она крепко сжала их.

— Папа, — вмешалась Энн, — может быть, мы лучше.

— Заткнись, — строго сказал Колин и отвесил сестре подзатыльник.

Махони открыл дверь, за которой находился наклонный пандус. Аврора имела нулевой подземный этаж, на котором находились склады, гаражи, силовые установки и прочее. В лица им ударил сырой холодный ветер.

Когда Махони, шедший последним, вновь закрыл дверь, он увидел, что пар от его дыхания превращается в белый иней, который немедленно оседает на слабо светящихся стенах.

— Марк, а что мы будем делать, если они охраняют гаражи? — озабоченно спросил он.

Вместо ответа Фрэзер снял ранец и достал из него молоток и пару увесистых гаечных ключей.

— Возьми, Пат. И ты, Колин. Не Бог весть какое оружие, но все же лучше, чем ничего.

— Молоток против бластера? — запротестовала Ева.

— Если потребуется, мы будем драться чем угодно.

Конечно, Фрэзер не был суперменом из ковбойского боевика, и нервы его напряглись до предела. Но рядом с ним находились его дети, и он был готов защищать их до последнего.

— Энн, — сказал он, — можешь ты пойти вперед? Если встретишь охранника, заговори с ним. Отвлеки его внимание. Он не причинит тебе вреда, не бойся. Только бы он был один... — Фрэзер взял дочку за плечи и заглянул ей в глаза, которые так напоминали глаза Евы. — Ты смелая девочка, — добавил он, пытаясь скрыть дрожь в голосе.

Даже через скафандр он почувствовал, как дрожат плечи Энн.

— О'кей, папа! — нарочито бодро сказала она и, чмокнув его в щеку, быстро пошла вперед.

Ева вцепилась в руку мужа, застывшими глазами провожая дочку. Выждав паузу, они двинулись вслед за Энн, стараясь не производить шума. Вскоре девочка подошла к повороту в коридор, ведущий к гаражу, и застыла на месте. Тут же послышался чей-то грубый голос:

— Эй, малышка! Что ты здесь делаешь?

— Я не могу найти папу, — заныла девочка и исчезла за поворотом. — Пожалуйста, дядя, помогите найти его!

Фрэзер махнул рукой Махони и Колину. Они осторожно дошли до угла. Энн все время истерически всхлипывала, не обращая внимания на окрики солдата, в голосе которого появились равнодушные нотки.

— Пора, — шепнул Фрэзер. — Бегите изо всех сил и бейте его чем и куда попало!

Он прыгнул к противоположной стене коридора и, мгновенно развернувшись, метнул молоток в стоявшего метрах в пяти от него охранника. Сразу же плечо пронзило резкой болью — он вывихнул его, когда играл в баскетбол в спортивном зале Авроры.

Солдат в голубом мундире согнулся пополам и рухнул на колени. На его лице застыло удивление. Бластер выпал из ослабевших рук. Он быстро стал приходить в себя, однако Махони был уже рядом. Схватив солдата за волосы, он несколько раз с силой ударил его головой о пол, а затем со злостью стал бить ногами, пока Фрэзер не остановил его. Энн стояла в стороне и с ужасом смотрела на лежащего ничком солдата. Фрэзер успокоил дочь, как мог. Сам того не желая, он пожалел астронавта. Это был молодой парень, наверняка попавший в переплет волей случая. Он не мог не выполнять приказов командира-фанатика, но стрелять в девочку, конечно же, не стал бы.

Колин поднял с пола бластер и встал рядом с Махони.

— Он сам напорился, папа! — воскликнул мальчик, потрясая оружием.

Фрэзер вдруг вспомнил парней, некогда до полусмерти избивших профессора Хавторна, и помрачнел.

— Нам надо идти, — встревоженно сказала Ева, озираясь по сторонам. — Здесь нас могут услышать...

Фрэзер кивнул и разрешил жене увести Энн. Они вышли в соседний коридор и вскоре оказались в обширном гараже, погруженном в полутьму. Эхо шагов звучно отражалось от стен. Краулеры стояли в ряд. Это были большие квадратные машины с гладким куполом, отлитым из прочнейшего металлопласта. Для передвижения использовались две альтернативные системы — колесная и шаговая. Мощные аккумуляторы на всех машинах было принято держать заряженными, а продуктовые отсеки — полными. Фрэзер открыл люк на ближайшем краулере и махнул рукой, приглашая свой небольшой отряд в салон. Потом уселся на место водителя и сразу же включил двигатель, чтобы разогрелся.

Через минуту машина плавно тронулась с места и направилась в сторону кессона. Когда дверь позади закрылась и воздух стал с шумом уходить из камеры, Фрэзер вытер пот со лба. «Мы все-таки сделали это!» — с изумлением подумал он, еще не до конца веря в удачу. Но особой радости не почувствовал — события последних часов слишком его измотали.

Словно поняв его состояние, Ева порылась в аптечке и протянула ему тонизирующую таблетку. Благодарно улыбнувшись, Фрэзер проглотил ее и закрыл глаза. Когда выходная дверь кессонной камеры открылась, он чувствовал себя совсем иным человеком — психостимулятор сработал на славу. Фрэзер ощущал себя могучим воином типа Конанаварвара, способным с одним мечом в руках разбросать целую армию врагов. Чувствительность его невероятно обострилась: даже не поворачивая головы, он ощущал каждое движение, каждый взгляд членов своего экипажа и одновременно — состояние всех агрегатов краулера. Он слился с окружающим миром, пророс в него каждым своим нервом, воспринимал его всей кожей...

Когда краулер выехал на равнину, ночь уже воцарилась в небе, расцветив его фейерверком разноцветных звезд. Среди них ледяным водопадом низвергался в бездну белесый поток Млечного Пути. Впереди, прямо по курсу, возвышалась черная вершина пика Гленна, над которой серебристой короной сияла Европа. Город остался позади, закрытый мягко фосфоресцирующим защитным куполом. Рядом с ним, словно рухнувшая на равнину луна, лежал-чудовищный шар крейсера, оцетинившийся стволами орудий. А на востоке, над иззубренной стеной скал, нависал чудовищный шар Юпитера, уже выплывавший на три четверти из-за горизонта.

Планета-гигант царила в небе. В диаметре она в пятнадцать раз превышала Луну, видимую с Земли, и была несравненно ярче. Ее поверхность оттенка темного янтаря перепоясывали полосы цвета меди, синего кобальта и малахита. Среди них тускло светился глаз Большого Красного Пятна, частично ушедшего на ночную сторону.

Фрэзер с трудом заставил себя оторваться от величественного зрелища, которым невозможно было пресытиться, и стал смотреть только вперед, крепко сжимая в руках руль. Каменная равнина, основу которой составляли вулканические породы, мягкими волнами уходила к гряде скал; ледяной панцирь над восточным хребтом пылал от переливов небесного цвета. Он напомнил Фрэзеру Тихий океан в ночи. «Почему я так мало обращал внимание там, на Земле?» — с неожиданной тоской подумал он.

Фрэзер повернул краулер в сторону хребта Гленна. Там, за расщелиной Шепарда, находилось множество одиночных поселений. В них жили в основном горняки, добывающие руду или лед на равнине Беркли.

— Дело идет не плохо, — сказал Фрэзер, не обнаружив погоны. — Мы в безопасности, по крайней мере, на несколько часов.

Махони недоверчиво хмыкнул:

— В безопасности? Вряд ли, Марк, ведь разбойники всю хозяйничают в Авроре и скоро непременно займутся его окрестностями. Но в любом случае мы правильно сделали, убравшись из города.

Фрэзер кивнул и прибавил скорость, неотрывно следя за дорогой. Правда, дороги, как таковой, не существовало — по равнине в сторону скал была лишь прочерчена светящаяся линия, указывающая направление пути. До горизонта было рукой подать — на Ганимеде он был удален всего на две мили. Но машина могла скрыться из виду еще раньше, свернув налево, к кратеру Апачи. Да и изломанная стена скал, напоминая развалины древнего замка, отбрасывала длинную тень. Так что минут через двадцать о погоне можно было не думать.

Но в эту минуту интерком захрипел, прокашлялся и зарорал:

— Эй, вы, в краулере! Стойте именем закона!

Фрэзер чертыхнулся и посмотрел на зеркало заднего обзора. Со стороны Авроры их нагонял точно такой же краулер. До него было не больше мили.

Он включил передатчик, не теряя хладнокровия — благодаря действию тонизирующей таблетки. Но из глубин его души уже стал выползать страх.

— Что вас тревожит, приятель? — насмешливо спросил он, нажимая на педаль газа до предела.

— Отлично знаете что! Мы нашли часового, на которого вы напали. В моей машине находится отряд вооруженных солдат. Немедленно остановитесь, иначе мы начнем стрелять!

Лицо Махони позеленело — впрочем, быть может, на него упал свет Юпитера. Он дерзко ответил:

— Ваш краулер не быстрее нашего, и к тому же мы лучше знаем местность. Так что поворачивайте оглобли, ребята, пока не сломали шеи в какой-нибудь расщелине — здесь их видимо-невидимо.

Что-то щелкнуло по защитному колпаку, заставив вздрогнуть, Еву и детей.

— Наши пули быстрее любой машины, предатель, — зло сказал командир отряда с «Веги». — И еще у нас есть тяжелые лазеры. Остановите краулер, иначе я сожгу вас, словно цыплят!

Фрэзер оглянулся и увидел ужас в глазах Энн.

Глава 5

Корабли наярров спустились по Брантору, вышли в залив Тимлан и поплыли на север. Стоя на верхней палубе, Теор смотрел поверх высоких серых волн на берег. Там двигалась сухопутная армия, состоящая в основном из фермеров. Копья со сверкающими ледяными наконечниками были наклонены вперед, а над ними развевались на несильном ветру знамена. Конница на форгарах, окутанная красно-рыжими облаками, следовала за флотилией, стараясь не отставать. Позади всех двигался тяжело груженный обоз. Колеса редко применялись на неровной, лишенной дорог юпитерианской поверхности — куда чаще здесь использовались своеобразные сани. Могучие шестиногие канниксы тащили за собой ящики. И оглобли, и ящики были изготовлены из стволов хоука — дерева, обладающего способностью плыть в воздухе при малейшем разогреве.

Топот ног канниксов доносился до Теора, словно отдаленный грохот множества барабанов, и смешивался со скрипом гребных колес и плеском волн.

— Хорошо, — сказал Теор, наслаждаясь величественным зрелищем. — Мы вновь в пути!

Его глаза скользнули чуть выше, и за лесом копий он увидел уходящую в бесконечную даль равнину Медалон, заросшую редким кустарником. Внезапно он вспомнил о своих

близких — жене и полумуже, с которыми распрощался на рассвете. Теор редко говорил о них, однако они часто занимали его мысли, особенно супруга, которая сейчас носила его первенца...

Не без труда он отвлекся от несвоевременных мыслей и повернулся к стоящему рядом Норлаку:

— Мы должны сокрушить чужаков, другого выхода у нас нет. Полуотец, ты не до конца рассказал мне о своих наблюдениях за улунт-хазулами. Насколько, по-вашему, мы превосходим их в численности?

— От шестнадцати до шестидесяти четырех процентов, — без колебаний ответил Норлак. — Но пришельцы — прирожденные воины, а мы мирное племя.

Стоявший на капитанском мостике Элкор слышал эти слова, но никак не отреагировал на них. Обернувшись, он с гордым видом оглядел свою флотилию, состоящую из десяти эскадр. Заметив появившегося среди облаков вестового, он сделал ему знак рукой. Всадник тотчас натянул поводья, и форгар плавно спланировал на палубу.

— Скажи капитану «Клюва», чтобы корабли подтянулись друг к другу, — приказал он.

Вестовой В- тот же миг взмыл в небо.

— Зачем ты делаешь это? — ворчливо спросил Норлак. — Мы все равно не скоро прибудем в Орговер.

Вождь недовольно нахмурился.

— Нам нужна постоянная практика в выполнении военных маневров, — резко ответил он и отвернулся. Он терпеть не мог советов от подчиненных, особенно от полумужчин.

Гребные колеса, расположенные по бокам судна, медленно поворачивались с монотонным скрипом. Вращавшие их матросы сильно уставали после нескольких часов работы, поэтому вахта менялась довольно часто. Очередная смена запрягалась в длинные тяжи, а еле державшиеся на ногах матросы шли к корме, где и засыпали, стоя на ногах. Едва гребные колеса замедляли движение, корабль сразу

начинал раскачиваться, но рулевой вновь выравнивал его и выходил на прежний курс.

Как было принято на Юпитере, все суда имели длинный корпус и относительно малое водоизмещение (хотя правильнее было бы сказать «аммиакоизмещение»). Морские волны на этой планете двигались на две трети быстрее, чем на Земле, поэтому весла здесь почти не применялись — гребные колеса действовали в этих условиях куда эффективнее. Наяррам был известен и парус, но они редко использовали его, так как ветер был обычно слабым.

Элкор вновь обернулся к своим родственникам и уже более спокойным тоном произнес:

— Мы слишком долго вели себя мирно, и теперь придется за это расплачиваться. Приграничные патрули до сих пор легко отражали набеги дикарей, да и скалы Дикой Стены служили нам надежной защитой. Быть может, это не пошло нам на пользу. Если бы враг постоянно угрожал нашей стране, то каждый наярр был бы опытным воином.

— Это порочная логика, вождь, — недовольно поморщившись, возразил Норлак.

Теор не поддержал его. Отец был прав — относительно спокойная жизнь разнежила их, и это было опасно, поскольку ни на суше, ни на море война фактически никогда не прекращалась. И они, род Рива, всегда были в ряду лучших воинов племени наярров. Но все же призвание их состояло в другом. Рива всегда боролись — но не столько с живыми противниками, сколько с природными катаклизмами. Их магия и мастерство всегда были необходимы, если после обильных дождей поток разрушал дамбу, или на равнине внезапно вскрывалось жерло вулкана, или землетрясение грозило поглотить поселения в бездонных пропастях. Но руки Рива были привычны и к оружию — Теор вспомнил о многочисленных охотничьих экспедициях, в которых ему приходилось принимать участие. Бешеная скачка по степи, хлесткие удары ветвей кустарников, свист ветра над головой... И блеск копья, поднятого над головой в диком азарте

погони! Он бывал во многих опасных переделках и не должен испугаться, когда встретится с врагом лицом к лицу!

С точки зрения земного мужчины, тревоги и сомнения Теора были излишне преувеличенными, кое-кто даже мог бы презрительно назвать его трусом. Дело в том, что Теор обладал лишь третью характерных признаков расы наярров. Он был индивидуальностью, со своим характером и сложившимся взглядом на жизнь — но все же в меньшей степени, чем это было типично для сильной половины рода хомо сапиенс. То, что его волновало, основывалось не столько на страхе смерти, сколько на обостренном чувстве несправедливости происходящего. Нападение чужаков, коренным образом изменившее мирную жизнь наярров, было случайностью, которой вполне могло и не быть — эта мысль потрясала Теора буквально до его биологических основ.

Матросы, тянувшие канаты гребных колес, затянули монотонную песню, смешавшуюся с острым запахом вспотевших тел и скрипом палубы:

Правый! Левый!

Не думай, куда мы идем и зачем,

Брось все свои тревоги за борт,

Но не надейся, что высохнет океан,

И мы вернемся домой...

Правый! Левый!

Крути колесо и радуйся, что жив!

— Предчувствую, что мы будем разбиты в бою, — тоскливо прошептал Норлак.

— Постараюсь, чтобы ты ошибся на этот раз, — холодно возразил Элкор.

Сердце кипит, словно вулкан,

Колеса скрипят, нуждаясь в смазке,

Но нам, матросам, смазка не нужна,

Верно, друг?

Так, и только так.
Давай, левый, не отставай!

Норлак явно нервничал. Подняв посох, он указал в сторону скрытого туманом берега.

— Равнина Медалон велика. Мы можем уйти от побережья и построить новый город...

— Бежать, даже не попытав счастья в бою? Более шестидесяти лет назад наши предки пришли сюда и завоевали страну. Сколько сил было потрачено на то, чтобы обжить эту дикую местность! И все это просто так отдать наглому врагу? Мы много потеряли из обычаев наших диких предков, но одно их ценное качество нам сейчас понадобится: лучше умереть в бою, чем сдаться!

Теор отошел от своих родителей, раздосадованный. Безусловно, полуотец прав, но ему не по душе было трусливое бегство.

Он спустился по сходням на главную палубу и пошел мимо застывших на месте фигур отдыхающих матросов. Его рука сама нашла черную коробочку, лежащую в кармане пояса, и включила ее в режиме воспроизведения — этот земной прибор мог служить и в качестве магнитофона. Тихо зазвучала мелодия одной сентиментальной баллады, известной с детства каждому наярру. Никто из дремлющих моряков не обратил на это внимания.

— Теор!

От неожиданности он выронил коробку на палубу.

— Теор, это Марк. Ты слышишь меня?

Он поспешно включил переговорный диск, висящий на груди.

— С тобой все в порядке? — зазвучал встревоженный голос Фрэзера.

— Да, да! — лихорадочно воскликнул Теор. Впрочем, чувство самообладания быстро вернулось к нему, и после паузы он заговорил куда спокойнее, чем сам ожидал: — Как твои дела, Марк?

Через минуту с Ганимеда пришел ответ.

— Все хорошо, — довольно мрачным голосом ответил Марк.

— Что с тобой случилось, брат? Почему ты не ответил на мой срочный вызов, как мы договаривались?

— Прошу прощения, Теор. В тот момент мне пришлось спасти свою жизнь... Но-что произошло, когда я не ответил?

— Я привел улунт-хазулов в Дом Оракула и попытался испугать их, вызвав тебя. Но ты не отозвался, и чужаки вдоволь поиздевались над моими угрозами. Теперь у нас нет другого выхода, кроме как попытаться разбить их головной отряд, прежде чем враги высадятся на берег. Я сейчас нахожусь на борту корабля.

— Вот как? Выходит, вы можете воевать и на море?

— Да. Но чужаки наверняка разделят свои силы, а потому мы выслали навстречу им свой отряд и по суше. Мы имеем заметное преимущество в численности, но улунт-хазулы превосходят нас в росте, да и в боевом искусстве.

— Погоди, Теор, есть шанс не доводить дело до драки. Главный передатчик на Авроре в любой момент может передать мое послание с угрозой, записанное на пленку. Так что, если вы встретитесь с чужаками в ближайшее время...

— Боюсь, что уже поздно. У нас нет теперь другого пути, как бороться и победить. — Теор помолчал и озабоченно спросил: — Но что произошло у вас, на Ганимеде?

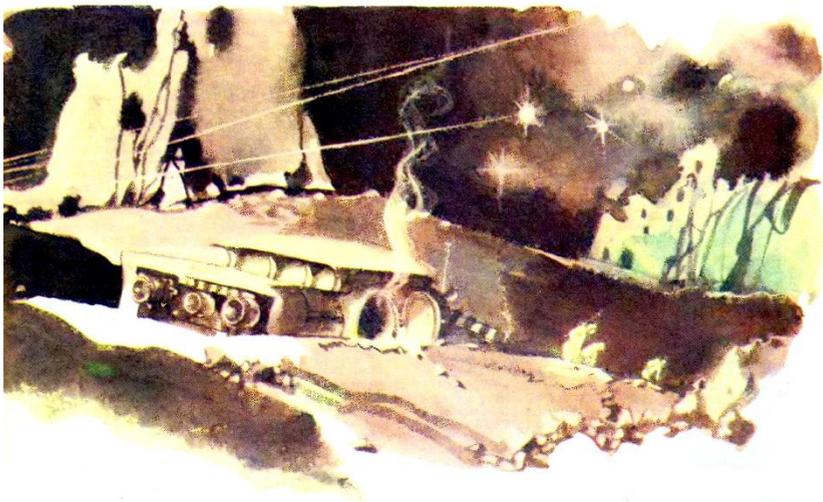
— Хм... ничего приятного. Ты помнишь мой рассказ о том, как было свергнуто прежнее правительство моей страны?

— Конечно. Я часто пытался это понять, но так и не смог. Как могли эти люди держаться за власть, зная, что большинство населения их не поддерживает? Уму непостижимо.

— Видишь ли, большинство прежних правителей полагали, что они приносят стране огромную пользу. Может быть, частично они и были правы. Дело здесь в другом —

они решили, что свободой можно пожертвовать ради безопасности. Многие же, в том числе и я, считают иначе.

— Я не совсем понимаю значение твоих слов, Марк. Но продолжай, я тебя слушаю.

— Все произошло неожиданно. На Ганимед сел военный корабль. Мы полагали, что он прибыл с дружескими целями, однако экипаж напал на нас и обманом завладел Авророй. Оказалось, что эти люди поддерживают свергнутый режим. Мы не знаем, какова сейчас на Земле ситуация, поскольку связи с ней пока нет. Быть может, там разгорелась война и восстание подавлено. Но я решил, что не буду служить сторонникам тирании, и с помощью друга захватил краулер. Вместе со своей семьей я сбежал из города и направился в горы.

— Ах так... — сказал Теор, когда землянин сделал паузу. — «А ведь я тоже мог бы сбежать», — подумал он, но тут же с негодованием отбросил эту мысль. — Но постой, Марк, ведь ты же не раз говорил, что ваша раса не может жить на Ганимеде без искусственной среды, которая может быть создана только в закрытом колпаке города!

— Верно. Но за хребтом находится немало небольших поселков и даже отдельных домов, тоже закрытых куполами. К сожалению, враги заметили наше исчезновение и послали за нами в погоню другую машину с вооруженными людьми. Когда мы отказались остановиться, они начали стрелять. Мы надели скафандры и продолжали двигаться в сторону гор. Ну и гонка это была, Теор! Кабина получила несколько пробоин, и весь воздух из нее мгновенно улетучился. Мы лавировали по равнине, прячась в каждой встречной тени, уворачиваясь от пуль. Если бы не наш опыт ездить по поверхности Ганимеда, которого не имели наши враги, то мы бы никогда не спаслись. Мы успешно проскочили проход в горах и передали сигнал бедствия. В этот момент наш краулер был поврежден прицельными выстрелами. Мы покинули его и пошли пешком. Вскоре мы нашли пещеру и спрятались в ней, заняв круговую оборону. У нас была пара ружей, так что мы могли некоторое время продержаться. Но помощь пришла не скоро, да и справиться с врагами оказалось непросто.

— Хм... разве у поселенцев за горами не хватает оружия?

— Оно у них есть. Но солдаты с военного корабля были вооружены дальнобойными лазерами, у которых радиус действия в два раза больше, чем у наших ружей. Нас вполне могли убить, но один поселенец по имени Хоши со своими сыновьями спас нас. Он привел нас к себе домой, откуда я сейчас и говорю. Было непросто соединить мой передатчик с ближайшей релейной линией... Впрочем, это неважно. Я связался с тобой, как только смог. Теор, я очень сожалею, что опоздал.

Его голос дрогнул.

— Ты молчал несколько дней, — сухо сказал Теор. — Неужели все эти события происходили так долго?

— Н-нет... Хотя в тот момент, когда мне нужно было сыграть роль грозного Оракула, я находился в пещере. А затем... честно говоря, я некоторое время приходил в себя после

всего происшедшего. Но теперь, когда наша связь восстановлена, я предлагаю обсудить план контрудара.

— Думаешь, это возможно? — с надеждой спросил Теор.

— Не уверен, но попробовать стоит. Подожди, я сейчас соберусь с мыслями... Должен же быть выход из положения, в которое попало твое племя, Теор! — Землянин замолчал.

Теор подошел к борту и стал вглядываться в глубокую тьму, дарящую на севере. Холодный ветер, несущий брызги аммиака, бил ему в лицо. Корабль качало. Теор крепче уперся ногами в палубу, чтобы не упасть.

«Так уж случилось, Марк, что наши беды обрушились на нас в одни и те же дни, — подумал он. — Нам обоим предстоит драться, и я очень надеюсь на твою помощь. Кто знает, быть может, и я чем-то сумею тебе помочь».

Правый! Левый!

Океан — это дьявольское место.

Идем в никуда, одни среди волн.

Только молния пишет мне письмо.

Дорогая, почему молчишь?

Неужели забыла?

Эй, левый, давай не отставай!

Глава 6

Таких просторных комнат, как эта, в Авроре не было. Стены, отделанные неотшлифованным камнем, каменная мебель. На креслах и диванах лежали мягкие подушки, искусно расшитые женой хозяина дома. Окном служил круглый иллюминатор, снятый с разбитого космолета. Из него открывался впечатляющий вид на север. Равнина, лежащая внизу, была окутана мглой, на которой черными пятнами выделялись метеоритные кратеры. Вдали на сотни футов

простиралась ледяная равнина Беркли, расцветенная желто-зеленым светом заходящего Юпитера.

Рядом с домом находилась шахта Хоши — решетчатый кран и железный навес, защищавший оборудование от мелких метеоритов. На фантастическом фоне пейзажа Ганимеда земное оборудование выглядело жалким и более чем неуместным.

Впрочем, сам Хоши этого, казалось, не замечал. Он выглядел, как всегда, бодрым и энергичным. Допив кофе, он поднялся с кресла и пружинистым шагом направился к телевизору.

— Пора послушать, что скажет наш новый друг адмирал Свейн, — с усмешкой сказал он, щелкнув выключателем.

— Ха, — буркнул Том, старший из пяти сыновей. — Я не поверю ему, даже если он скажет, который час.

— О, нашему вояке можно верить! — возразил Махони. — Я знаю эту породу людей: они словно из камня вытесаны.

Один из младших внуков Хоши начал вопить, и мать тут же бросилась утешать его. Немедленно вокруг них собрались все женщины в доме, кроме Евы, засыпая молодую мать советами, как лучше всего успокоить ребенка. Скорее всего, они просто боялись услышать неприятные новости. Мужчины же уселись напротив телевизора. Колин Фрэзер был среди них, но старался держаться поближе к отцу.

Экран был пуст. Махони не удержался и первым нарушил напряженное молчание.

— А этот Свейн парень не промах! — с натужной улыбкой сказал он. — Одним своим присутствием он сделал из нас конформистов. И то же самое сделает на каждой луне, где высадится его банда головорезов. А что будет, когда он раскроет рот? Глядишь, мы сразу же станем сторонниками президента Гарварда, чтоб ему гореть в адском огне!

Никто не среагировал на его шутку. Махони вздохнул и пожал плечами.

— Да, ребята, весельчак из меня никудышный. Но комедия, похоже, будет здесь разыграна славная...

Фрэзер крутил в руках трубку, нервно поглаживая ее пальцами. Ему чертовски хотелось закурить, но он сдерживался.

Наконец на экране появилось лицо Лоррейн Власек.

«Я уполномочена сделать важное заявление, — чуть хриплым голосом сказала она. — В первую очередь я обращаюсь к гражданскому населению системы Юпитера — а это практически каждый из вас. Предупреждаю, вам не понравится то, что вы услышите, — но в интересах ваших семей прошу набраться терпения. Хотим мы того или нет, но мы должны в этот ответственный момент истории следовать за нашими законно выбранными лидерами».

— Великий, Боже! — взорвался Махони. — Я знал, что Лори сторонница Гарварда, но не думал, что она окажется предательницей.

Фрэзер покачал головой. Ему было тошно, как никогда.

— Лори способна и не на такое, — сказал он. — Она же самая настоящая фанатичка.

Ева успокаивающе погладила его по плечу.

— Может быть, у нее не было выбора, — мягко сказала она. — Крейсер мог разрушить Аврору огнем своих орудий — разве не так?

— Помолчите, пожалуйста! — раздраженно воскликнул Хоши.

«... командиру «Веги», адмиралу Лионелу Свейну».

Лицо Лоррейн исчезло с экрана. Вместо нее появилось изображение худого, даже хрупкого мужчины, с красиво посаженной седой головой и холодным взглядом голубых глаз, таким же жестоким, как библейская небесная твердь. Он был одет в темно-синюю адмиральскую форму с золотыми погонами, на груди сияли ордена и медали.

«Мои братья американцы! — неожиданно бархатным голосом произнес он. — Я пришел к вам в черный час нашей страны. Вновь пламя войны охватило Соединенные Штаты, вновь брат пошел на брата, как это было некогда в годы Гражданской войны. И вновь ничто не сможет спасти нашу

великую державу, кроме мужества и мудрости Линкольна и железной воли Гранта».

— Когда этот дуралей вернется домой, к своей мамочке? — тихо спросил Колин.

Отец укоризненно посмотрел на него и подумал: «Хороший он все-таки парень! Уже разбирается, что к чему. Мне для этого потребовалось полжизни...»

«...но сейчас опасность велика, как никогда, — продолжал вещать адмирал, сверля зрителей ледяными глазами-буравчиками. — Вы знаете, каких трудов стоило Соединенным Штатам победить в последней ядерной войне и как часто они были на грани полного уничтожения. Не прояви наш народ в то время всей своей преданности, мужества и силы воли, от нашей страны не осталось бы ничего, кроме выжженной радиоактивной пустыни. Но мы выстояли и тем спасли весь мир. Сам Господь вручил нам оливковую ветвь и велел сохранять мир и спокойствие на Земле. И наше правительство взяло на себя тяжелое бремя хранителей человечества. Мы были вынуждены отказать другим государствам, даже нашим ближайшим союзникам, в праве на суверенитет — иначе демон ядерной войны мог где-нибудь вновь вырваться на волю. Все мы выросли в этом суровом, но прочном мире, и ваши дети — тоже. Разве мы не были счастливы все эти годы? Неужто вы хотели бы, чтобы война вновь раскинула над нами свои черные крылья?»

Уверен, что нет. Снова и снова американский народ от чистого сердца повторял вслед за своим правительством: мир, безопасность и мудрое руководство Землей. Разве президент Гарвард не отменил устаревшую систему периодического переизбрания всех ветвей власти? Конгресс, имеющий отныне лишь совещательный голос, от имени наций предложил Гарварду пожизненно занимать пост президента — разве не в этом проявились новые черты нашей демократии?

Но вы знаете и о другом: о банде изменников, живших среди нас. Согретая на груди Америки, эта ядовитая змея

коварно ужалила ее. Долгие годы Сэм Халл, поддерживаемый иностранными спецслужбами, собирал свои темные силы из всякого отребья, из отбросов общества. На деньги наших заклятых врагов он построил на Луне тайные базы, где готовил штурмовые отряды из числа самых отъявленных головорезов. И вот настал час, когда эта орда обрушилась на нашу многострадальную страну. Вражеские корабли сели на наших полях, кованые башмаки стали топтать нивы, на мирных улицах городов начали рваться снаряды. Наше руководство обратилось за помощью к мировому сообществу, но недавние союзники отвернулись от нас в трудный час, в который раз проявив неблагодарность за все, что сделала Америка для дела мира. Но еще хуже, что оболваненная вражеской пропагандой определенная часть наших граждан встала под пиратский флаг Сэма Халла. Остальные были пассивны, старались не высовывать носа из дому — словно их шкуры дороже, чем судьба страны! Бунтари имели новое оружие, которое давало им заметное преимущество. А наш президент Гарвард был слишком гуманным человеком, чтобы применять против врагов ядерное оружие».

«Хм, что-то это мало похоже на то, что я слышал до того, как Землю экранировало Солнце, — подумал Фрэзер. — Гарвард, судя по всему, все-таки хотел сбросить на восставших ядерные бомбы, но у тех они тоже имелись. Президент дрогнул — ведь война могла погубить все и всех. Только перед самым концом, когда его поражение стало очевидным, Гарвард приказал нанести ядерный удар— и один из офицеров охраны застрелил подлеца».

Лицо Свейна болезненно дернулось.

«Вы слышали о трагическом финале, — тихо сказал он. — Сейчас предатели торжествуют. Они заняли Вашингтон. Их агенты по всей стране охотятся за мужественными людьми из службы безопасности, преследуя их словно бешеных псов. Новая законодательная власть начала с разрушения основ нашей демократии, которая основывалась на

жестоком, но справедливом порядке. Генералы, пришедшие в Пентагон, стали распускать нашу победоносную армию, оплот мира на планете. Дипломаты-изменники ведут переговоры о создании новой, коллективной системы безопасности. Я могу дать этому иное название — коллективное предательство и безумие. Война научила нас не верить даже ближайшим союзникам; уроки бунта говорят о том, что мы не должны доверять даже собственному народу.

Это безумие должно быть остановлено! Ради спасения будущего человеческой расы правительство изменника Сэма Халла необходимо низвергнуть, и мир по-американски вновь воцарится на планете».

Адмирал Свейн сделал паузу. Его глаза блестели от возбуждения, губы дрожали. Да, это был безумец, но опасный и волевой безумец.

— Неужели он на самом деле верит во все это? — недоуменно спросил Фрэзер.

Хоши кивнул:

— Угу. И это хуже всего...

Свейн положил локти на стол и нагнулся, словно хотел нырнуть в экран. Бархатные нотки исчезли из его голоса, он стал сухим и бесстрастным.

«Вы, конечно, задаетесь вопросом, как мой корабль сумел пройти через этот кошмар. Я буду откровенен с вами, друзья. И очень надеюсь на вашу помощь, а потому не желаю ничего от вас скрывать.

«Вега» была на патрулировании, когда в стране начались первые беспорядки. Мы получили приказ искать вражеские орбитальные станции. Это могло, бы изменить баланс сил в нашу пользу, но мы их, к сожалению, не нашли. Затем мы вернулись к Земле. Восстание было в самом разгаре. Сесть на планету наш крейсер не мог — он не рассчитан на такое сильное гравитационное поле и рассыпался бы под собственным весом. Стрелять с орбиты ядерными зарядами мы не могли по двум причинам. Во-первых, правительство Америки не хотело, как я уже говорил, гибели миллионов

невинных людей. Во-вторых, этих зарядов попросту не было — в мирное время патрульным крейсерам запрещалось нести ядерные боеголовки на борту. Мы пытались перевооружиться на лунной базе, но ее в первый же день заняли восставшие.

А затем пришла весть о капитуляции правительства. Всем кораблям и подразделениям военно-космических сил было приказано вернуться назад для демобилизации. Я посоветовался с экипажем. Мои люди высказались за лояльность прежним, законным властям. Они были готовы бороться, если командиры поведут их в бой. И я рад доложить вам, что ни один из моих офицеров не дрогнул.

Итак, друзья — а я надеюсь, что мы будем хорошими, Добрыми друзьями, — я рассказал вам всю правду. Возникает естественный вопрос — а что делать теперь? Разве может один крейсер повернуть ход истории вспять?

Да, может, и в этом состоит мой план. Ганимед — это не только грандиозная исследовательская станция, но и мощное производство. На ваших шахтах добывается ядерное сырье, вы имеете установки по его обогащению. Стало быть, вы имеете исходные компоненты для производства атомной бомбы.

От имени законного руководства Соединенных Штатов мы оккупируем Ганимед, и Аврору в том числе. Скоро Земля вновь станет доступна для радиоконтактов. Бандиты в Вашингтоне немедленно свяжутся с вами и узнают, что здесь все идет хорошо и вы не нуждаетесь в ближайшее время ни в каких поставках. Надеюсь, вам поверят. Но даже если этого не произойдет, вряд ли Сэм Халл будет заниматься организацией дорогостоящей экспедиции на Юпитер — у него сейчас хватает дел на Земле. Если разведывательный корабль все же приблизится к системе Юпитера, наши орбитальные шлюпки издали обнаружат его и уничтожат залпом ракет. На Земле наверняка предпочтут решить, что эта гибель была случайной.

Действуя сообща, мы сумеем сохранить изолированность системы Юпитера на ближайшие три месяца. За это время мы сможем создать ядерное оружие, в котором остро нуждаемся. Затем мы разрушим ваш главный передатчик — надеюсь, вы понимаете, что это необходимо, — и на предельной скорости направимся к Земле.

Со своим новым оружием «Вега» сумеет несколькими внезапными ударами разрушить основные космодромы на Земле, а также уничтожить любой напавший на нее космолет. И тогда, завоевав первенство в космосе, я смогу предъявить ультиматум представителям из Белого дома. Под угрозой немедленного уничтожения я потребую от бунтарей сложить оружие.

Надеюсь, эти безумцы поймут всю безнадежность сопротивления. Если же они начнут военные действия, то мы, увы, с болью в сердце должны будем нанести ракетный удар по Земле. Но я не верю, что до этого дойдет. Народ наверняка поднимется и свергнет предателей. Лояльные прежнему режиму люди сейчас молчат, но при нашем содействии они восстановят прежний закон и порядок. Тогда мы выполним то, что требовала от нас воинская честь и присяга. И вы, колонисты, покроете себя славой — ведь именно вашими руками будет коваться грядущая победа. Гарантируем вам — система Юпитера будет цвести, как райский сад! Благодарное человечество не пожалеет для вас никаких средств.

Но не сделайте сейчас ошибки! На войне как на войне, и предателей мы щадить не будем. Несколько ваших сограждан уже сбежали из города. Они убили семь человек из экипажа «Веги». Обещаю — никто из преступников не избежит суровой кары! С этой минуты любое проявление нелояльности к экипажу «Веги» будет караться с предельной жестокостью. Вы, колонисты, отныне считаетесь солдатами армии освобождения Америки. Напоминаю: даже без ядерного оружия мы способны уничтожить все живое на любой из ваших лун.

Молю Господа, чтобы нам не пришлось прибегать к этой крайней мере. Надеюсь, что вы будете действовать плечом к плечу с мужественным экипажем «Веги». Да здравствует Америка!»

Камера еще минуту задержалась на Свейне, а затем переместилась на стоящий рядом звездно-полосатый флаг. Торжественно зазвучал гимн.

Вскоре на экране вновь появилось лицо Лоррейн Власек.

«Вы прослушали обращение адмирала Свейна ко всем колонистам системы Юпитера, — сказала она. На ее лице нельзя было прочесть никаких эмоций, девушка казалась неестественно спокойной. — Как временно исполняющая обязанности руководителя колонии, я хочу пояснить, что нам надо конкретно делать в этот критический...»

Хоши вскочил и выключил телевизор.

— Я включил запись, — сказал он, услышав протестующий возглас Махони. — Позже мы узнаем, что нам хотела поведать эта милая дама — сейчас слушать я больше не в состоянии. С души воротит от одного вида этих лицемеров...

— Эти люди — безумцы, — прошептала Ева, потирая дрожащими пальцами побледневшее лицо. — Один корабль против всей Земли! Они обречены...

— Да, они безумцы, — согласился Фрэзер. — Но они могут многих заразить чумой фанатизма. Ситуация на Земле будет неопределенной еще несколько месяцев, пока новое руководство Америки не встанет твердо на ноги. Если поднимется новое восстание, то паники не избежать. Вы понимаете, что может сделать «Вега» с помощью нескольких боеголовочек? Тысячи мегатонн, взорванные в атмосфере, могут размолоть в пыль миллионы квадратных миль.

— Это верно, — вздохнул Хоши. — Даже если Свейн промахнется, от страны все равно останется немного... И тогда будьте уверены — найдутся страны, которые отведут душу на том, что уцелеет.

— Но тогда план адмирала становится бессмысленным! — запротестовал Махони. — В любом случае нашей стране грозит Ужасный конец.

— Людей этого сорта невозможно переубедить, — заметил Хоши. — Они всех ненавидят и все готовы принести в жертву.

— Приятно слышать, — с сардонической улыбкой сказал Фрэзер. — Особенно, если мы — часть этих всех. Нет, ребята, надо сделать все, чтобы миляга Свейн сломал себе шею именно здесь, на Ганимеде.

— Другого выхода нет, — согласился Хоши. — Я думаю, после такой пламенной речи адмирал лишился последних потенциальных сторонников в нашей колонии. Впрочем, сие еще неизвестно...

Он начал расхаживать взад-вперед по комнате, заложив руки за спину. Все молча следили за ним. «Хорошо, что у нас хоть нашелся лидер, — с облегчением подумал Фрэзер. — Я для этой роли не гожусь...»

— Вот что я предлагаю, — после долгой паузы сказал Хоши. — Мы можем рассчитывать, по крайней мере, на несколько сотен парней из дальних поселений. Краулеров у нас тоже хватит. Мы наметим несколько мест сбора и колоннами с разных направлений двинемся на Аврору. Если повезет, то мы успеем сделать это до окончания затмения.

— И что вы собираетесь противопоставить пушкам «Веги»? — с сомнением спросил Махони.

— Разве мы плохо поработали в проходе Шепарда? — ответил вопросом на вопрос Том.

— Верно, сынок, — улыбнулся Хоши. — Ружья в умелых руках — тоже сила. К тому же кое-что из нашего промышленного арсенала вполне можно использовать для боя на близкой дистанции... У нас вряд ли были бы шансы одолеть регулярные войска, но экипаж «Веги» состоит в основном из обычных астронавтов. Нас гораздо больше. Конечно, крейсер может уничтожить краулеры огнем своих орудий, но не думаю, что многие из них можно снять и установить на

вездеходах. Зато мы устроим для них веселенький фейерверк! Нам понадобится всего лишь несколько сотен фунтов торденита. Мы разместим его под посадочными опорами, и...

— И корабль взлетит раньше, чем мы приблизимся к нему, — покачал головой Фрэзер.

— Хм... это действительно проблема. Но вряд ли у «Веги» есть шансы удрать вовремя. Горизонт здесь недалек, равнина изобилует трещинами, скалами и кратерами, и мы знаем ее как свои пять пальцев. Когда мы появимся, они не успеют поднять в небо такую махину. Взлет крейсера — не такая простая штука, Фрэзер, как тебе кажется. Одного пилота здесь мало, нужна слаженная работа десятков членов экипажа. А у них сейчас в Авроре хватает работы! Конечно, наши гости не должны ни о чем подозревать, но мы уж стараемся их попусту не тревожить. Я думаю, Свейн все-таки рискнет послать патрули сюда, за хребет. Но сам знаешь: чтобы здесь все прочесать как следует, потребуются недели. А их мы Свейну не дадим! Краулеры же с «Веги» мы до поры до времени уничтожать не станем, а будем попросту валять дурака. Мы им устроим такую радиоперекличку — пальчики оближешь! — Хоши расхохотался, с довольным видом потирая руки. — Ладно, поговорили и хватит на сегодня. Эй, мать, разве не видишь, что гости проголодались?

Пока женщины накрывали на стол, Колин подошел к отцу и хмуρο спросил:

— Что-то не нравится мне эта затея с радиоигрой, папа. Как бы кто-нибудь не проболтался и не перехитрил сам себя...

— Не бойся, сынок, — уверенно ответил Фрэзер, потрепав мальчика по вихрастой голове. — Пограничные жители — парни не промах. Среди колонистов неженок вообще нет, но они даже среди нас выделяются своей цепкостью и смекалкой. Не случайно они отказались жить в благоустроенном городе, а предпочли построить дома здесь, за горами. Такие люди некогда осваивали Клондак, им никакой адмирал

Свейн не страшен... Кстати, тебе-то об этом беспокоиться в любом случае не стоит. Ты останешься здесь.

— Черт побери!

— «Черт побери, сэр», — поправил его Фрэзер. — Будь всегда вежлив, сынок. И не злись — кто-то должен позаботиться о матери и Энн, верно? Я не могу — значит, остаешься ты.

Колин хмуρο кивнул.

«Черт побери, но я завидую тебе, — подумал Фрэзер, безмятежно улыбаясь. — Я вовсе не герой, сынок, но сейчас об этом лучше не заикаться...»

Глава 7

Том Хоши посмотрел на обзорный экран краулера и остановил машину.

— Прибыли, — хрипло сказал он.

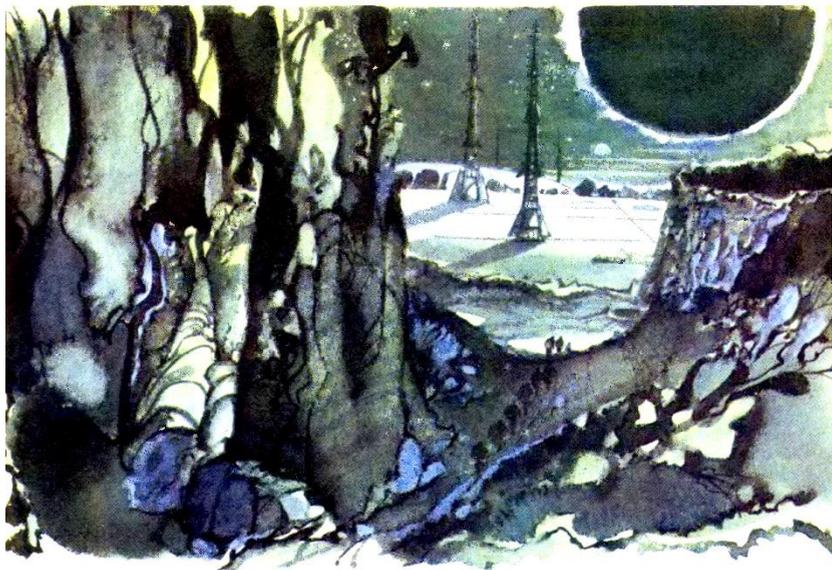
Фрэзер взглянул на часы.

— Не слишком-то быстро. — Его сердце бешено стучало, во рту неприятно пересохло, но самообладания он не потерял. — Ничего, ребята, мы доберемся до «Веги» как раз через час после того, как начнется затмение.

В салоне вместе с ним находились все пятеро братьев Хоши. Они казались спокойными — ведь план нападения на крейсер придумал отец, которому они свято верили. Без лишних слов они надели шлемы и взвалили на плечи тюки со взрывчаткой. Фрэзер терпеливо ожидал, когда из кабины краулера будет выкачан воздух, но Том Хоши резким ударом распахнул дверь раньше времени. Воздух белым облачком вырвался наружу и растворился среди звездного неба. Том спрыгнул на землю, за ним поспешно последовали остальные.

Перед ними поднималась отвесная стена расщелины Данте. Расщелина была столь широка, что другой ее край

лежал ниже горизонта. Над ней темной громадой нависал Юпитер, окаймленный золотистой полоской света. Солнце уже почти коснулось края гигантской планеты — до начала затмения остались считанные минуты. Тьма постепенно окутывала все вокруг, а здесь, на дне расщелины, она уже вступила в свои права. Фрэзер не мог ничего разглядеть кругом, кроме лучей нерассеивающегося света из фонарей. Люди из его отряда также покинули краулеры и, негромко переговариваясь, готовились к предстоящему марш-броску. Все-таки удивительно, как они смогли пройти такой путь по дну расщелины, подумал Фрэзер. И все благодаря Тому Хоши, который каким-то образом обнаруживал впереди трещины, невидимые даже на экране локатора.

Словно читая мысли, Том довольным голосом произнес:

— Эй, ребята, я думаю, для астронавтов с «Веги» окажется приятным сюрпризом, когда мы вдруг появимся из расщелины прямо перед их носом! Я так поведу вас между трещинами и кратерами, что нам и пули будут не страшны.

Фрэзер с сомнением покачал головой. В одном Том был прав — другого пути подобраться незамеченными к «Веге» с этого направления не было. План Сэма Хоши состоял в том, что отряды колонистов должны максимально использовать все изгибы и возвышенности местности и появиться на виду только в сотне метров от крейсера. Но враги могли послать на равнину патрули, поэтому было решено последний этап преодолеть пешком, рассредоточившись на местности.

«Все продумано замечательно, — кисло подумал Фрэзер. — Сэм Хоши мог бы стать хорошим генералом. Одно неясно — зачем я влез в это опасное дело? Из меня-то даже толковый солдат не получится, это я знаю по службе в армии. Конечно, в космолетах я разбираюсь лучше многих колонистов.

Могу подсказать, куда заложить под «Вегу» взрывчатку, чтобы причинить ей как можно больший ущерб — но я не единственный, кто может сделать это. Борьба за свободу Соединенных Штатов, за свержение тирании — увы, для меня все это лишь красивые лозунги. За Еву драться я готов, а за детишек — даже рвать врагов зубами, но насколько пойдет им на пользу то, что я сейчас делаю? Эх, до чего мне сейчас нужны стимулирующие таблетки...»

Но нет, наркотические вещества в бою — плохие помощники. Ничто, кроме мужества всех до единого колонистов, не могло помочь, пока Аврора находилась в руках врагов.

— Говорит Том Хоши, — раздался знакомый молодой голос. — Все слышат меня? Дальше идем пешком, как индейцы по военной тропе. Светите фонарями только вниз, стараясь все время видеть ноги впередиидущего. Ну, с Богом!

Фрэзер последовал за ним. Камни хрустели под его башмаками. Вскоре они подошли к пологому склону и начали подъем, обходя крупные обломки разрушенных скал. Низкая гравитация Ганимеда помогала преодолеть препятствия куда легче, чем казалось на первый взгляд. Но Фрэзер скоро устал, дыхание его стало прерывистым, скафандр быстро наполнился испарениями, с которыми

очистительные фильтры не успевали справляться. Ориентироваться в полной темноте было нелегко, стрелка радиокурса то и дело норовила прыгнуть в сторону. Когда Фрэзер поднялся на край расщелины, ноги его дрожали от напряжения. Он уселся на первый попавшийся камень, чтобы отдохнуть.

Один за другим члены его отряда появлялись на равнине. Жидкий солнечный свет едва позволял различить их лица. Том Хоши размеренно считал: «...пятьдесят девять, шестьдесят... шестьдесят один... Так, большинство уже здесь. Пошли дальше».

Отряд направился на север через сине-черную лавовую равнину. Том Хоши уверенно вел людей от кратера к кратеру, стараясь держаться в тени их иззубренных валов. Однако риск оказаться замеченными с крейсера был все же велик. Фрэзер вскоре вошел в размеренный ритм движения извилистой цепочки людей, ощущая невидимую силу, которая словно толкала его в спину, не давая сбиться с шага. Шедший впереди Пат Махони внезапно обернулся и с насмешкой спросил:

— Ну что, герой, трусишь? В хороший же переплет мы попали, верно?

Фрэзер хрипло ответил:

— Пат, будь другом, напомни мне, чтобы я после боя пристрелил тебя за эти слова. Договорились?

— Извини, Марк. Просто я немного нервничаю. А хорошо бы одним ударом вогнать этот железный мячик прямо в ворота ада. Я с детства любил ломать дорогие игрушки.

Фрэзер промолчал. «А вот я давно, лет уже тридцать, как вырос из таких примитивных желаний», — подумал он. На океанской станции, где он вырос, как-то не было принято среди ребят действовать по принципу: круши все подряд! Может быть потому, что последствия таких шуток вдали от берега могли оказаться весьма плачевными... Но, очутившись на материке, он вдруг с изумлением обнаружил, что многие люди, в том числе и взрослые, более чем агрессивны.

И агрессивным, настроенным на вечную борьбу, был весь большой мир. «Может быть, это совершенно естественно, и не они, а я — ошибка природы?» — с грустью подумал Фрэзер.

И он стал размышлять об этом — может быть, просто потому что не хотел думать о предстоящем бое. Вскоре все вокруг внезапно потемнело — это солнце наконец зашло за диск Юпитера. Звезды сразу засияли ярче, и равнина покрылась призрачно-серым покрывалом. На небе легко можно было разглядеть планеты, очерченные красноватым ободком атмосферы. Затмение должно было продлиться часа три, и за это время Сэм Хоши планировал завершить операцию по захвату крейсера. Фрэзер взглянул на темную массу Юпитера и подумал: интересно, а как воспринимает наступившую ночь Теор? Что-то он рассказывал об этом, но сейчас Фрэзер ничего не мог толком вспомнить.

— Мы уже близко! — зазвучал в шлеме чей-то знакомый голос. — Видите впереди башню главного передатчика?

Фрэзер посмотрел в сторону Авроры и увидел шпиль, уходящий прямо в облако Млечного Пути. На равнине не было заметно никаких признаков присутствия людей. Он подумал с тревогой: а успеет ли отряд Сэма Хоши прийти вовремя?

— Теперь мы должны рассредоточиться, — снова раздался голос Тома Хоши. — Держитесь друг от друга на расстоянии не более тридцати метров и не включайте переговорные устройства как можно дольше. Я пойду впереди, и как только подам знак, бегите за мной, словно дьяволы!

Отряд быстро рассыпался в широкую цепь и направился к Авроре. Вскоре по команде Хоши люди перешли на бег. Фрэзеру это далось нелегко: он совсем потерял форму за время полета на Ио. Дыхание его стало хриплым, сердце буквально рвалось из груди, ноги налились свинцом. Ему казалось, будто он бежит в каком-то кошмарном сне...

Наконец впереди, на расстоянии в милю, не больше, показался белый купол Авроры, перед которым серой

громадой лежал шар «Веги». На восточной стороне от него уже шла битва. Равнина кишела краулерами, лавиной накапывающимися на крейсер, в которой то и дело вспыхивали огненные цветы разрывов. Поле боя окутывали облака дыма, там и сям вздымались фонтаны каменных обломков, но быстро оседали, не спасая нападавших от залпов с крейсера. Наушники переговорного устройства Фрэзера сразу наполнились шумом возбужденных голосов:

- ...здесь, этим путем, Том!
- Отряд Арнесена, развертывайте строй!
- Стайнмейер, поднимай своих людей!
- ...черт побери, черт побери, черт побери...

Фрэзер отключил приемник и побежал быстрее. Времени для страха больше не было. Он попытался напоследок еще раз вызвать в памяти образы Евы и детей, но не смог — сейчас было не до того.

Отряд Тома Хоши приближался к космопорту с запада — там, где боя еще не было. С востока к крейсеру тоже бежали люди — должно быть, отряд Бровниана. Навстречу из-под брюха «Веги» двигалась редкая цепь солдат. Свейн явно не хотел рисковать своими людьми в открытом бою, больше полагаясь на мощь своих орудий. Со стороны Авроры он нападения не опасался — город был под постоянным прицелом, но, судя по вспышкам среди зданий, на улицах также разгорелась схватка.

Что-то внезапно обрушилось на Фрэзера и швырнуло его на землю. Он упал и едва не потерял сознание от боли в боку. В глазах потемнело... Через несколько минут он пришел в себя и с трудом сел, ошеломленно покачивая головой. Он не мог поверить, что остался жив. На губах ощущался соленый привкус крови, но он был жив, жив!..

Инстинктивно он сразу же проверил, не поврежден ли скафандр. Слава Богу, все было нормально. Оглядевшись, он увидел в нескольких метрах впереди еще дымящуюся воронку. Снаряд разорвался совсем близко, но осколки пролетели мимо, и лишь ударная волна пороховых газов задела

его. Боеголовка снаряда была явно рассчитана на бой в космосе, иначе Фрэзера продырявило бы насквозь. И это, несмотря на всю мощь орудий крейсера, давало нападавшим определенные шансы на победу.

Фрэзер встал и вновь побежал, двигаясь зигзагами, как и все нападавшие. Массивный овал «Олимпии» — крупнейшего на Ганимеде корабля, был уже недалеко. Снаряды продолжали рваться где-то за спиной, но Фрэзер старался не оглядываться. «Они заметили нас, — подумал он, — но мы уже прорвались за линию пушечного огня».

— На штурм! — загредел голос Тома Хоши, и люди побежали вперед изо всех сил.

Крейсер, словно стальная гора, нависал над ними, опираясь на опоры, каждая из которых была высотой с небоскреб. «Вега» казалась несокрушимой, но, если удастся подложить заряд торденита хотя бы под одну из опор, гигант должен рухнуть, смяв свою обшивку собственным весом. Тогда появится шанс заложить взрывчатку в сопла, и...

Внезапно из-под брюха крейсера брызнуло огнем. Один из нападавших вскинул руки и упал, даже не вскрикнув. Луч лазера продолжал полосовать его скафандр, окутанный белесым облачком вытекающего воздуха. Атака мигом захлебнулась, и волна нападавших отхлынула назад. Фрэзер опомнился, обнаружив, что бежит рядом с Махони. Каждую секунду он ожидал гибели, но ему повезло. Вскоре они уже стояли за опорой «Олимпии», с трудом переводя дыхание. Махони вышел из-за укрытия и, размахивая руками, стал созывать бегущих беспорядочной толпой людей. Через несколько минут около «Олимпии» собралось десятка два людей. Тома Хоши среди них не было.

— Черт побери, они ударили по нам из лазерных ружей! — хрипло воскликнул Махони. — У Свейна был небольшой отряд солдат, и он их спрятал в засаде. Они неплохо стреляют, но их мало. Надо разом ринуться к крейсеру со всех сторон, и тогда мы сомнем этих парней, словно яичную скорлупу!

Один из колонистов возразил:

— Мы не пройдем и полпути, как запылаем, словно факел!

— Мы задавим их численностью! — запальчиво воскликнул Махони.

— Не так уж нас и много. Надо подождать, пока подойдут остальные.

— Черт, да вы просто струсили! Тогда я пойду один!

Фрэзер успокаивающе положил ему руку на плечо:

— Пат, не горячись. Не строй из себя героя. Свейн перехитрил нас. Мы не знали, что он ждал атаку с этого направления. Теперь нам не остается ничего другого, как только ждать, когда Сэм Хоши прорвется поближе к кораблю. Тогда и мы вновь вступим в бой. Солдаты метко стреляют, но сразу сотню человек им не остановить.

— Если Хоши прорвется, — с сомнением сказал Махони.

— Пойду посмотрю, — сказал Фрэзер.

Короткими перебежками он стал двигаться от одной лунной ракеты к другой, пока не увидел все посадочное поле. Затем он внимательно оглядел все темные пятна и тени, которые хоть отдаленно напоминали людей или краулеры. Несколько машин было разбито, но в целом ущерб от обстрела оказался не столь велик, как он опасался. Постепенно люди стали подниматься с земли и собираться около уцелевших машин. И вдруг в небе вспыхнула сигнальная ракета — это Сэм Хоши давал сигнал к началу нового наступления. Двигатели машин взревели, и колонисты поспешно уселись в открытые кузова, держа ружья наизготовку. Зажглась вторая ракета, и лавина краулеров, разделившись надвое, окружила крейсер. Его орудия падали без передышки, но особого вреда нападавшим причинить уже не могли — отряд Хоши находился внутри их минимального радиуса действия.

Фрэзер поспешил назад. Его группа безмолвно ожидала, стоя за опорами «Олимпии».

— Сэм Хоши пошел в атаку! — закричал он. — Выждем пару минут и тоже вступим в бой. Все готовы?

Со стороны Авроры внезапно хлынул поток огня — это астронавты с «Веги» выстрелили из передвижных ракетных установок. Посадочное поле окуталось клубами дыма, сквозь которое было трудно что-либо рассмотреть.

— Пошли! — заорал Махони и первым побежал в сторону крейсера.

Фрэзер последовал за ним, стараясь не отставать. Он был уверен, что защищающие «Вегу» солдаты не смогут сдержать атаку сразу с двух сторон.

Он едва не ослеп от яркого луча, прошедшего в метре от его головы. Внезапно Махони остановился и упал на колени, словно споткнулся. Из рассеянного на боку скафандра вылетело белесое облачко воздуха. Один из бегущих колонистов с боевым кличем перепрыгнул через раненого, но, вскрикнув от боли, упал на камни шлемом вниз.

Вновь и вновь из-под брюха «Веги», словно иглы, неслись вспышки лазерного света. Фрэзер упал и прижался к земле. Лишь через несколько минут он вновь рискнул поднять голову. То, что он увидел, повергло его в ужас. Там, где недавно лихо неслась стальная орда Сэма Хоши, теперь возвышался дымящийся вал из разбитых вдребезги машин. Экипаж «Веги» все-таки смог снять с корабля несколько пушек и вел смертоносный огонь из-за опор. Колонисты не разглядели в тени нового противника и поплатились за это.

Закричав от ярости, Фрэзер снял с плечей ранец и дрожащими руками достал из него импровизированную гранату из торденита. Установив взрыватель на трехминутное срабатывание, он изо всех сил швырнул гранату в сторону крейсера, за ней вторую, третью... Вскоре он увидел, как под стальной сферой вспыхнули огненные факелы. Быть может, ему удалось убить нескольких солдат, но из-за отсутствия воздуха фугасное действие было слабым, так что боевую технику гранаты вряд ли могли повредить.

Краем глаза Фрэзер заметил какое-то движение неподалеку. Оглянувшись, он увидел, что Махони ползет вперед, держа в руках гранату.

— Пат! — крикнул Фрэзер, бросаясь к другу. — Надо спрятаться за «Олимпиаей», там ты будешь в безопасности!

Махони не обратил на его слова внимания и упрямо продолжал ползти вперед. Рваная дыра на боку скафандра была заклеена вакуумным пластырем, но воздух все же сочился из нее тонкой белой струйкой. Фрэзер обхватил раненого за плечи, пытаясь остановить, но Махони отал вырываться, осыпая друга хриплыми ругательствами.

— Пат, опомнись! Ты ранен, тебе нужна помощь...

Внезапно наушники едва не взорвались от громкого голоса:

— Внимание, мятежники! С вами говорит адмирал Свейн.

Махони внезапно обмяк, и Фрэзер, подняв его, понес в сторону «Олимпии». В любой момент его могли убить солдаты с «Веги», но он старался об этом не думать.

— Колонисты Ганимеда! Вас только что отбросили назад. Ваши силы разбиты, и при повторной попытке захватить «Вегу» вас ожидает то же самое. И не пытайтесь пробиться к Авроре. В перестрелке может пострадать гражданское население. Вам остается одно — немедленно сдаться. Все оружие и вездеходы будут конфискованы. Любое нарушение законов, установленных мною, будет караться смертной казнью. Исключений не будет ни для кого, даже для женщин и детей. Собирайтесь у кратера Апачи и не вздумайте оказывать сопротивление моим солдатам. Если вы капитулируете, я гарантирую вам жизнь. Орудия «Веги» пока будут молчать, и мы будем только наблюдать, как вы выполняете мой приказ.

У Фрэзера почти не осталось сил. Он прошел мимо космобота, около которого дымились обломки одного из краулеров. Воздух из скафандра Махони продолжал струиться, и

Фрэзер сказал себе: «Остановись ты, идиот, и заклей дыру как следует, пока Пат не задохнулся!»

— Я готов начать переговоры с вашими лидерами — при условии, что все мои требования будут выполнены, — после паузы продолжил адмирал Свейн. — Вы должны понимать, что никаких шансов на победу у вас нет. Если вы станете упорствовать, то «Вега» даже с неполным экипажем сможет в течение часа подняться с Ганимеда и уничтожить с орбиты Аврору одним ракетным залпом. Примиритесь с поражением, колонисты, ничего больше вам не остается.

Фрэзер осторожно положил Махони на землю и стал шарить в сумке с инструментами. Вновь настала тишина, в наушниках был слышен только шорох космического фона. Фрэзер достал пластырь — и вдруг увидел отблеск звезд в остекленевших глазах друга. Губы раненого не шевелились. Фрэзер замер, пытаясь уловить дыхание Махони, но услышал лишь вечный шорох межзвездного пространства.

Глава 8

На западе, из-за туманного горизонта медленно вырастали мерцающие скалы островов Орговера, отделенных от материка лишь мелководным проливом. Теор едва различал их очертания, зато отчетливо видел пенистые буруны, кипящие между рифами. Еще более ясно он слышал яростные удары волн о берег, напоминавшие бесконечные раскаты грома. Они заполняли все окружающее пространство и терялись под сводами пурпурного купола неба. Не было еще построено судно, которое могло уцелеть в местных прибрежных течениях и свирепом прибое. Но в одном месте острова защищали друг друга от бешенства морской стихии и образовывали довольно тихий проход, ведущий к самому крупному из них. Этим-то путем и прошел флот наярров к

черным пескам побережья Лесистого острова. Серая поверхность аммиака здесь была подернута лишь легкой рябью. Отлогие берега, служившие отличными пастбищами, тянулись на восток и юг, пока не терялись в тумане. С севера в небо круто уходили отрога гор Джоннари.

Теор мрачно смотрел на руины разграбленного рыбацкого поселка, на шестнадцать флотилий вражеских судов — по восемь в каждой, — стоявших на приколе возле берега, и на армию улунт-хазулов, быстро собирающуюся рядом с поселком под глухие удары барабанов. Вскоре со стороны гор появились и отряды наярров, тоже оглашая воздух быстрой барабанной дробью. Над обеими армиями взвились знамена и засверкали острия пик.

Элкор мрачно сказал:

— Улунт-хазулы покинули свои корабли и почти все сошли на берег. Они явно готовятся дать главный бой на суше.

Норлак в отчаянии сжал тонкие пальцы.

— Мы рассчитывали, что противник разделит свои силы! — воскликнул он. — Смогут ли наши пехотинцы выдержать их напор?

— Похоже, улунт-хазулы опасались атаки с моря, — с гордостью сказал Теор. — Они знают о непобедимой мощи нашего флота.

Элкор в сомнении покачал головой.

— Чужаки твердо рассчитывают захватить Медалон и остаться там жить, — сказал он. — Корабли в этом случае им не так уж будут и нужны, так что они вполне могли ими пожертвовать ради победы. Они явно что-то задумали...

— Несогласен, — отозвался Норлак. — Флотулунт-хазулам необходим хотя бы для того, чтобы перевезти в Медатлон гражданское население.

Вождь наярров в раздумье стал ходить по палубе взад и вперед.

— Чалхиз мог бы действовать и по-другому, — наконец сказал он. — Например, после победы построить новые корабли или использовать остатки нашего разбитого флота.

Но он привел свои флотилии к берегу. Это разрушило все наши планы. Мы-то делали ставку на наше превосходство на море! Конечно, мы можем высадиться на берег и присоединиться к сухопутной армии... Нет. Это займет слишком много времени. Враги блокируют нас, прежде чем мы сумеем справиться с неизбежной в таких случаях неразберихой. — Элкор постоял некоторое время, размышляя. Подул легкий бриз, унося туман. — Будем действовать, как планировали, — наконец сказал вождь. — Мы направимся к стоянке флота чужаков, перебьем оставшийся на судах немногочисленный экипаж и начнем высадку. Если мы сделаем все быстро и слаженно, то успеем напасть на армию улунтхазулов прежде, чем подойдут наши сухопутные силы. Умфокаер, пошли вестника к командиру гвардии Вальфило. Пусть ему передадут, чтобы он держался любой ценой. Мы скоро придем ему на помощь.

Офицер связи отдал салют и подозвал сигнальщика.

— Пора готовиться к высадке, — сказал Элкор.

И стал надевать свои боевые доспехи. То же самое стали делать и все остальные на борту.

Теор надел на горизонтальную часть туловища панцирь из кожи канникса. Подобную же куртку он надел на торс. Кольчуга из ледяных пластин закрыла его жабры. На голову он водрузил остроконечный шлем, в левую руку взял щит, а на талии застегнул пояс с метательными ножами. В правую тэуку он взял топор. Доспехи были довольно тяжелыми и так стиснули грудь, что стало трудно дышать. Он попытался убедить себя, что битва с чужаками будет не опаснее, чем охота за хищной «снежной колючкой», но сам не поверил этому. Нелепость, несправедливость происходящего угнетала его, и это было хуже всего. Теор взглянул на Элкора и увидел на его лице одну непреклонность. Норлак же был настолько возбужден, что Теор почти успокоился: он был мужчиной и не мог вести себя так, как мог себе позволить пол у мужчины!

Барабаны загремели еще громче. Улунт-хазулы неспешно перестроили ряды и двинулись навстречу армии Вальфило. Над серым воинством вырос лес пик.

Теор перевел взгляд на юг, где у берега колыхались на волнах суда неприятельского флота. До них было не меньше двух миль, но он смог разглядеть многие детали. Корабли чужаков были короче и шире, чем галеры наярров, и были полностью закрыты палубами. Без резных фигур на носу, они походили на торговые суда. Но что за странные коробчатые каркасы водружены на их носовых частях? И как они могли двигаться без гребных колес?

Несколько фигур в панцирях из роговых пластин появились на палубах. Через минуту, подняв треугольные паруса, десятка два кораблей двинулись по проходу между островами — туда, откуда только что пришел флот наярров.

— Куда они идут? — удивился Теор. — Что они задумали?

— Ничего хорошего для нас, — угрюмо отозвался Норлак.

— Странно, — пробормотал Элкор. — Я не вижу таранов на этих кораблях. Да и экипажи их слишком малы, чтобы атаковать нас с тыла. Быть может, Чалхиз просто хочет отвести свой флот в открытое море, спасая от гибели?

— Если это так, то мы сможем беспрепятственно высадиться на берег! — с облегчением воскликнул Теор.

— Не нравится мне это, — обеспокоенно сказал Норлак, нервно подергивая усиками. — Воздух пахнет зловеще. Чую беду — только откуда она придет?

Корабли наярров продолжали приближаться к берегу. Не было слышно обычных в таких случаях песен и шуток — мужчины выстроились на верхних палубах, держа оружие наготове. Между тем две армии на берегу быстро приближались друг к другу. Разноцветные знамена раскачивались, словно Деревья, под низкими стелющимися облаками.

— Уллола! Что это? — вдруг воскликнул Элкор, указывая назад.

Теор обернулся. Вражеские суда остановились в миле от них и развернулись, словно готовились напасть с тыла.

Рулевые матросы сложили ладони вокруг горловых мешочков и закричали так громко, что их было слышно даже сквозь грохот барабанов. Заросшее водорослями море внезапно закипело, и на поверхность всплыли огромные черные туши. Казалось, они заполнили собой весь пролив.

— Что это? — встав на дыбы, взвизгнул Норлак.

— Морские чудовища, — ответил Элкор, стараясь не выдавать своей растерянности. — Я никогда не слышал, что их можно приручить, но улунт-хазулам это как-то удалось. Они-то и приводят в движение вражеский флот!

Интенсивно работая плоскими хвостами и плавниками, гигантские животные направились к кораблям улунт-хазулов. На носовых надстройках появились моряки, державшие в руках длинную упряжь. Наярры разразились встревоженными криками. Но Элкор сохранял хладнокровие.

— Эти животные — настоящие гиганты, — хрипло сказал он. — Они лишь наполовину короче наших кораблей и почти такие же массивные. Не знаю, как враги собираются использовать их против нашего флота, но улунт-хазулы явно на них рассчитывают. Вот почему они сконцентрировали большую часть своих сил на суше. — Он оперся на древко копья и задумался. — Пожалуй, я не рискну вести бой на море, — наконец сказал он. — Нам надо как можно быстрее высадиться на берег. Эти монстры кажутся неповоротливыми, так что у нас есть немного времени. Будем причаливать прямо здесь, не доходя до порта.

— Здесь? Но это невозможно! — запротестовал Теор. — Я не раз ловил рыбу в этих местах. Здесь очень неровное дно. Мы разобьем гребные колеса на отмелях!

— Колеса можно будет починить, — возразил Элкор. — А до острова в крайнем случае доберемся вброд. — Он осмотрел берег. — Если мы высадимся вон на той песчаной косе, то отряд Вальфило сможет прикрыть нас. Конечно, лучше бы ударить в тыл улунт-хазулам, но у нас нет на это времени. Умфокаер, посылай вестника.

— А я! — отозвался офицер.

Он сделал знак сигнальщику, и тот немедленно развернул один из своих флажков. Ближайший из форгаров спустился вниз. Офицер передал ему приказ вождя, и форгар немедленно вновь взвился в небо. Он повторил слова Элкора другим вестникам, и те понесли приказ командирам флотилий.

Тем временем морские чудовища приблизились к кораблям улунт-хазулов. Один из моряков бесстрашно прыгнул в волны, подплыв к ближайшему животному и вскарабкался на изогнутую спину чудовища, прямо за его длинной шеей, увенчанной небольшой зубастой головой. Моряк махнул рукой, и его помощник бросил ему с корабля конец упряжи. Вскоре она была надета на рога животного, которое вело себя на удивление смирно. Подобную нехитрую операцию проделали и на других кораблях улунт-хазулов. Флот наярров едва успел изменить курс, как животные пришли в движение. Аммиак вспенился от мощных плавников чудовищ, на спинах которых, широко расставив ноги, стояли мужественные наездники с поводьями в руках. Их обдавали фонтаны белых брызг. Животные высоко подняли над поверхностью моря головы с раскрытыми пастьями и с протяжными воплями устремились на наярров.

Элкор подошел к сыну и, положив ему руку на плечо, тихо сказал:

— Я вновь ошибся. Они поймали нас в западню. Если я не переживу этот день, ты заменишь меня.

Теор горестно опустил голову. На Юпитере не знали слез, но он страдал не меньше, чем человек, будь он на его месте.

Норлак воинственно потряс кинжалом. Невероятное случилось, и обычный для полумужчины страх покинул его.

— Пусть они идут! — закричал он высоким голосом. — Мы разрежем их на куски и съедем!

Кое-кто из моряков поддержал его, но большинство членов экипажа стояли молча и, крепко сжимая копья, ждали.

— Теор, организуй оборону с правого борта, — сказал Элкор. — А я лучше пойду на корму и встану рядом с рулевым. Да пребудет с нами удача!

Две армии на суше сошлись почти вплотную. Опустив копья, они галопом помчались навстречу друг другу.

Теор прошел вдоль борта и отдал несколько приказов. Моряки были готовы встретить чудовищ остриями пик. «Но как животные будут атаковать корабли? — размышлял Теор. — Их головы выглядят ужасно, но вряд ли чудовища станут нас таранить, рискуя сломать свои сравнительно тонкие шеи. Скорее уж они попытаются приблизиться и поднять высокие волны, способные раскачать суда. Так они смогут сбросить моряков с палуб, но мы в ответ можем пустить в ход копья...»

— Ближе, ближе... — шептал Теор, пристально глядя на приближающееся к кораблю животное. Он не сомневался, что сможет перерубить шею монстра одним ударом топора.

Через минуту чудовище было уже рядом. И тут в его широкую спину вонзилось первое копьё. Наездник с громким криком натянул поводья и сумел развернуть животное, выведя его из-под града копий и дротиков. Тот же маневр проделали и другие наездники. Отойдя немного от кораблей наярров, морские животные подняли плоские хвосты и стали с пронзительными воплями бить ими по аммиаку. Пенные волны с грохотом ударились о борта кораблей. Обшивка не выдержала и затрещала. В море посыпались обломки. Двое наярров не удержались на скользкой палубе и упали в кипящее море. За ними последовали и другие моряки.

Строй кораблей был немедленно нарушен... Животные не обращали внимания на барахтавшихся в волнах наярров. Чудовища не были плотоядными, но могучие удары их хвостов сокрушали все вокруг.

По команде Элкора над ними закружились форгары. Всадники пытались достать пиками головы чудовищ, но те неожиданно ловко уклонялись от ударов.

Внезапно из глубины рядом с кораблем Элнора поднялся еще один монстр. Всей своей массой он обрушился на левое гребное колесо и разбил его вдребезги. Судно накренилось и стало беспомощно кружиться на месте. Под его киль поднырнуло еще одно животное. На него была надета упряжь, и оно не могло уйти далеко вглубь, но монстр сумел могучим толчком спины опрокинуть корабль на борт.

Судно стало тонуть, окутанное фонтаном брызг.

— Вперед, к берегу! Бейте врага! — в бессильной ярости кричал Элнор, но его приказ было уже невозможно выполнить.

Теор вцепился в сильно накренившийся борт и увидел, как враги торжествующе подняли оружие над головами. Флот наярров был рассеян по проливу, часть кораблей затонула, остальные спасались бегством.

Палуба встала на дыбы, и моряки с отчаянными криками покатались в волны. Теор уцепился за форштевень одной рукой, а другой стал лихорадочно стаскивать с себя доспехи, не трогая лишь пояса с ножами. Краем глаза он увидел, как Норлак с воплем упал за борт и сразу же пошел ко дну, увлекаемый тяжестью своего вооружения. Вскоре и Теор последовал за ним.

Он быстро всплыл на поверхность и увидел вокруг десятки голов моряков. Моряки отчаянно боролись за жизнь и пытались плыть в сторону берега. Теор разглядел среди них Элнора и поспешил к нему на помощь. Тем временем корабль лег на борт и медленно пошел ко дну.

— Ко мне, наярры! — закричал Элнор, с трудом удерживаясь на поверхности. — Боритесь до конца, бейте врагов!

Он поднял над головой кинжал и метнул его в сторону ближайшего чудовища. Повинуясь приказу наездника, оно ринулось на наярров, нанося удары налево и направо своим ужасным хвостом. Пена немедленно окрасилась кровью. Воины погибали один за другим под смех улунт-хазулов.

Теор набрал в грудь как можно больше воздуха и глубоко нырнул. Его окутал мгlistый, красно-бурый свет. От едкого

запаха разлагающегося углеводорода сразу закружилась голова. Глубинное течение подхватило его и понесло к берегу. Через несколько минут Теор стал задыхаться и вновь всплыл на поверхность.

Бойня вблизи разбитых кораблей продолжалась, но он успел достаточно далеко отплыть от этого места. Ни Элкора, ни Норлака не было видно среди оставшихся в живых моряков, но сейчас было некогда впадать в отчаяние. Изо всех сил работая ногами, Теор поплыл к отмели.

— Хунгн рогх мамлун!

Теор оглянулся. Вслед за ним плыл один из улунт-хазулов. Благодаря перепончатым ногам и длинному хвосту его серое тело двигалось втрое быстрее, чем наярр. Враг поднял кинжал над головой. Лицо его было искажено ненавистью.

Теор тоже выхватил кинжал. «Он хочет немного поразвлечься? Хорошо», — злобно подумал он. Наярр хладнокровно обдумал свои действия. Да, он уступал чужаку как пловец, но...

Улунт-хазул быстро приближался. Вот-вот он метнет свой кинжал! Теор напрягся и в момент броска погрузился в волны по шею. Остро отточенный клинок пролетел чуть выше его виска. Быстро всплыв, он схватил врага за запястье, сжимавшее второй кинжал. Тот в свою очередь вцепился в руку Теора, державшую нож, не дав ему нанести смертоносный удар. Противники забарахтались на одном месте. Чужак был сильнее Теора, но наярр сумел обхватить его туловище ногами и с криком потащил ко дну.

Он почти не помнил, что произошло там, в глубине моря. Сознание его быстро помутилось, грудь разрывалась от недостатка воздуха. Враг с силой выворачивал его правую руку. Силы Теора таяли, но ему каким-то чудом удалось нанести противнику удар в живот. Чужак сразу ослабил хватку, и наярр, уже почти ничего не сознавая, стал наносить по нему удар за ударом.

Очнулся он уже на поверхности. Голова раскалывалась от боли, никакого ощущения триумфа не было и в помине. Он думал сейчас лишь об одном — как достичь берега, до которого было еще довольно далеко.

Между тем на острове шла суровая битва. До Теора доносились победные крики, вопли боли, звон топоров, топот сотен ног. Земля была усыпана серыми трупами улунт-хазулов, но и половина знамен наярров тоже пала.

— Братья, я иду! — крикнул Теор и изо всех сил поплыл вперед, проклиная свою слабость.

Флаг Вальфило все еще развевался под низкими тучами. Оставшиеся в живых наярры сгрудились вокруг него, сохраняя видимость порядка. Их арьергард стойко держался, отражая одну атаку врага за другой. Форгары тучей носились в воздухе, метая в улунт-хазулов камни и дротики. Чужаки падали, обгагрывая землю кровью, но их место сразу же занимали другие.

Барабаны врага били не переставая. Внезапно один из вражеских отрядов отделился от главного войска и, сделав стремительный марш-бросок, напал на обоз наярров. Чужаки быстро перебили немногочисленных охранников и напали на отряд Вальфило с тыла.

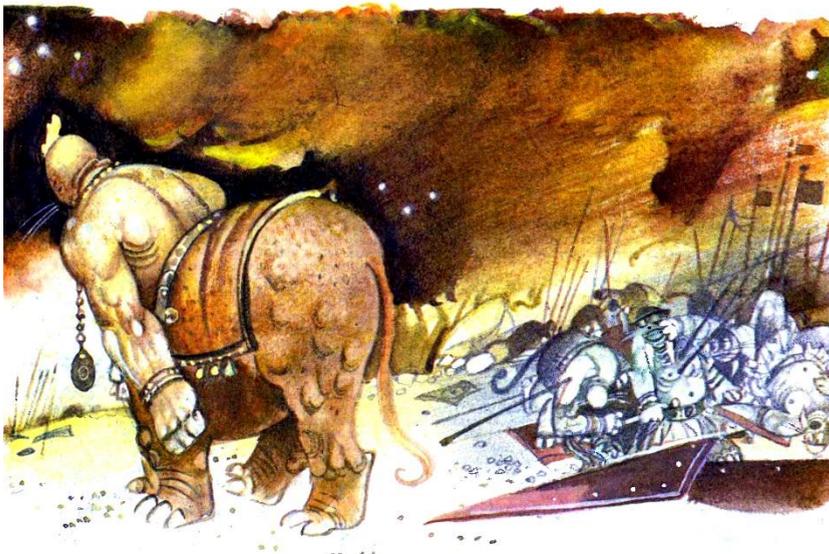
Наярры были вынуждены отступить. Они двинулись на север, к горам Джоннари. Другого пути у них не было — на остальной части острова хозяйничали улунт-хазулы, гонясь за отставшими наяррами и безжалостно убивая их. «Часть нашего войска все-таки уцелеет, — с горечью подумал Теор, — но для чего? Наш народ обречен...»

Его ноги коснулись дна. Теор встал — и едва не упал от слабости. Отчаяние овладело им.

Но в конце концов к нему вернулась рассудительность. Все было не так уж безнадежно. Враги не стали преследовать отряд Вальфило, который состоял в основном из опытных воинов и, погибая, унес бы с собой в царство теней сотни улунт-хазулов. Чалхиз, по-видимому, понимал это и решил оставить остатки разбитой армии наярров в покое. Без

продовольствия ее и так ожидала гибель в дикой, необитаемой местности.

«Надо догнать товарищей», — подумал Теор.

Он добрал до берега и вышел на отмель. Ему приходилось прокладывать дорогу среди груд, искалеченных тел. Воздух дрожал от стонов раненых. Один из наярров, имя которого Теор не смог вспомнить, увидев его, умоляюще прохрипел:

— Друг, дай мне пить! Пить, пить...

Из его груди торчало копьё. Рана была смертельной.

Теор нагнулся и в отчаянии сжал протянутые к нему руки.

— У меня ничего нет, — сказал он. — Прости:

— Не уходи, Теор, не оставляй меня здесь одного!

Чем же хоть как-то облегчить страдания воина? Внезапно чья-то тень упала на лицо Теора. Он поднял голову и увидел двух улунт-хазулов, наставивших острия копий прямо ему в грудь.

Один из чужаков сделал выразительный жест, и Теор, устало опустив голову, побрел в глубь острова.

День подходил к концу. С юга дул сильный ветер, гоня стаю черных облаков. Среди них то и дело вспыхивали молнии, и чуть позже на остров наказывались раскаты грома. В узком проливе поднялось сильное волнение. Мириады плавающих микроорганизмов начали фосфоресцировать, и волны несли к прибрежным льдинам мерцающий свет, рассыпающийся при ударе о берег миллионами живых искр.

Улунт-хазулы поспешно затащили свои корабли на берег и, собравшись группами, о чем-то тихо беседовали друг с другом. Пленные наярры лежали вповалку на окраине лагеря, забывшись в тяжелом сне.

Теор очнулся от острой боли: ему упиралось в плечо острие копья. Оказалось, что двое чужаков пришли за ним. Перемолвившись несколькими словами с охранниками, они заставили Теора подняться и грубо погнали куда-то. Пошатываясь от слабости, наярр едва переставлял связанные ноги. Руки были связаны тоже, но, к счастью, спереди, и он смог незаметно прикоснуться к диску коммуникатора. Улунт-хазулы были весьма суеверны, и это могло помочь ему. Исхитрившись, он все-таки сумел нажать кнопку вызова.

— Марк, — прошептал он, — отзовись! Кто-нибудь из землян, кто слышит меня, ответьте...

Диск молчал.

Теора подвели к одной из юрт, в которой жили военачальники улунт-хазулов. Острие копья вновь кольнуло его в плечо, подталкивая к входу. Внутри юрты, сложив руки на груди, стоял Чалхиз. Фосфоресцирующие цветы на потолке испускали слабый свет, едва освещавший его лицо, но глаза вождя горели, как лезвия кинжалов на солнце.

— Добрый вечер, — с усмешкой сказал Цалхиз.

Теор не ответил.

— Может быть, ты хочешь освежиться?

Вождь указал на стоявшие на столе чашу с аммиаком и тарелку, полную рыбы. Теор понял насмешку и едва не закричал от ярости, но сумел быстро овладеть собой. Ему надо было восстановить силы.

Чалхиз подождал, пока пленник насытится, затем с дружеской улыбкой заметил:

— Очень хорошо, что ты остался в живых, сын Элкора. Один из парней, бывших в составе моей свиты в Наярре, к счастью, узнал тебя среди пленников. Возможно, мы сумеем заключить взаимовыгодную сделку.

— Вот как? «И что же я должен сделать?» — устало спросил Теор.

— Немного. Тебе повезло — ваш город стойко держит оборону, так что ты мне пока нужен.

— Вам дорого обойдется его взятие, — глухо сказал Теор. — Сейчас все жители нашей страны, даже мирные фермеры, идут в Наярр со своими семьями, чтобы дать отпор врагу. Это серьезная сила.

— Не сомневаюсь. Хотя так или иначе мы со временем вынудим их сдаться. Но есть и другой путь — заключить соглашение о перемирии.

Теор на секунду потерял самообладание.

— Перемирие — с животными, подобными тебе?! — яростно воскликнул он.

Чалхиз схватился за рукоять топора и с угрозой произнес:

— Мы напали на Медалон по праву. Если бы ваша страна была затоплена наводнениями, бури разрушили бы ваши города, а население голодало месяцами — разве вы не попробовали бы захватить территорию более удачливых соседей?

«Это верно, — подумал Теор, — так бы мы и поступили. Но это не значит, что мы разрешим сделать такое другим».

Сильный порыв ветра так ударил по юрте, что ее деревянный каркас жалобно заскрипел. По обшивке, сшитой из шкур животных, забарабанил дождь.

— Ладно, не будем говорить об этом. — Чалхиз успокоился. — Сейчас не время обмениваться оскорблениями. Я приговорил твоих родителей к смерти. Насколько я понимаю, теперь ты станешь главным Рива и унаследуешь титул лидера. Найрры подчинятся тебе, если ты прикажешь им капитулировать.

— Нет. Мы свободный народ. Наши вожди не могут приказывать найррам делать то, чего они не хотят. Никто не обязан прислушиваться к моим словам, и я надеюсь, что народ так и сделает. Тем более что я не собираюсь предать свое племя.

— Послушай меня, Теор, — с угрозой сказал Чалхиз. — Если твои соплеменники вздумают упрямитесь, мы попросту уничтожим их. Если же они сдадутся на Милость победителя, то мы позволим им уйти в горы. Я знаю, земли там бедны и населены воинственными дикарями, но зато найрры останутся живы. По-моему, это выгодная для вас сделка.

Теор сжал кулаки.

— Нет!

— Подумай хорошенько, сын Элкора. Медалон не стоит таких жертв.

— Не вам, варварам, судить об этом! — запальчиво возразил Теор. — Ваша прежняя страна состояла всего лишь из нескольких жалких островов, покрытых болотами. Не так ли? Мы же осваивали Медалон шестьдесят четыре года. Все стоило нам крови и тяжелого труда: дома, дамбы, поля, рудники. Неужто непонятно, что это значит для каждого найрра?

— Для вас, Рива, — может быть. Ваш род руководил, я знаю. Но рядовые найрры могут отнестись к нашему предложению иначе.

Теор пожал плечами, стараясь сохранять хладнокровие. Чалхиз оказался куда проницательнее, чем он ожидал.

— Народ вам тоже не поверит, — сказал он. — Кто даст гарантию, что ваша орда не нападет на мирное население, как только мы откроем городские ворота?

Чалхиз расхохотался:

— Придется уж вам положиться на мое слово. И на наш здравый смысл тоже. Подумай, Теор: наше племя немногочисленно и к тому же мало смыслит в земледелии. Чтобы прокормиться, многим воинам придется стать фермерами. К тому же, захватив Медалон, мы унаследуем и ваших многочисленных врагов-варваров. Какой же смысл рисковать армией, посылая ее в опасную погоню за вами? Сам видишь, мир выгоден для обеих сторон. Согласен?

Теор почувствовал, что силы понемногу начинают возвращаться к нему.

— Вот что я тебе отвечу, Чалхиз, — сказал он. — Лучшая часть нашей армии уцелела в сегодняшней бойне и ушла в горы. Вскоре она получит солидное подкрепление и возвратится. Вам придется уничтожить наярров до последнего, прежде чем вы захватите Медалон. В любом случае улунт-хазулы обречены.

Чалхиз взвыл от ярости, и, словно вторя ему, небо сотряс оглушительный раскат грома.

Успокоившись, вождь продолжил прежним, спокойным тоном:

— Мы пробудем в этих местах еще несколько дней, готовясь к походу на наярров. Я отделю тебя, Теор, от остальных пленников, дабы ты мог подумать, как следует над моим предложением. Иначе я собственноручно разрежу тебя на куски перед городской стеной — в назидание твоим соплеменникам.

Чалхиз позвал стражника и приказал увести пленника, а сам выразительно повернулся к нему спиной.

Воин крепко схватил Теора за запястье. Тот послушно вышел из юрты и последовал за улунт-хазулом в другой конец лагеря. Здесь стояла небольшая хижина, наспех сооруженная из неотесанных бревен. Охранник грубо втолкнул в

нее пленника и встал у входа с копьем в руке. Вспышки молний то и дело освещали несущиеся на север облака. За ними следовали все приближающиеся раскаты грома. Наконец на землю упали первые капли. Дождь быстро набирал силу и скоро превратился в сплошной хлещущий поток.

Теор прилег в углу. Он испытывал злое удовлетворение от мысли, что охранник сейчас мокнет около входа, но скоро на смену злорадству пришло отчаяние. Что он может предпринять в таком безнадежном положении? Захватчики одержали победу. Вместе с Элкором и Норлаком на дно моря ушли их мудрость и твердость. Чужаки готовятся к осаде города. Они могут без труда взять его в кольцо и начать всю хозяйничать на всей территории Медалона. А время идет к сбору урожая... С таким трудом возделанные земли могут быстро запустеть, а с ними одичают и оставшиеся в живых наярры. Вчерашние свободные фермеры и ремесленники могут стать жалким скотом, погоняемым кнутами улунт-хазулов. Неужто и его будущий ребенок, которого носит Линанта, станет рабом?

— Теор!

Он вскочил, удивленно озираясь. И не сразу понял, что голос доносится из диска коммуникатора.

— Теор, это Марк. Ты слышишь меня?

Наярр дрожащей рукой поднес диск к губам.

Слышу, — едва скрывая волнение, ответил он. — Почему ты так долго молчал?

Внезапно молния вспыхнула так ярко, что он отчетливо разглядел фигуру часового, терпеливо стоявшего у входа. Чужак не обернулся — в шуме ветра и реве волн он не слышал голосов внутри хижины.

— Я был очень занят, Теор, — после паузы вновь послышался голос землянина. — Только сейчас у меня появилась возможность выйти на связь с тобой через Джоком. Как дела, друг?

Теор в нескольких словах рассказал о случившемся.

— О, черт побери! — пробормотал Фрэзер, выслушав его.

— А что случилось с тобой, брат? — спросил Теор.

Воздух заметно похолодел. Давление повысилось настолько, что при дыхании в жабрах ощущалась глухая боль. Теор вспомнил, что Фрэзер рассказывал ему о климате Ганимеда. Там было настолько холодно, что аммиак лежал на его поверхности в виде снега. Атмосфера Юпитера сохраняла тепло, но по ночам часть его уходила туда, к мертвым каменным шарам, которые Фрэзер называет лунами. От мысли, что его друг находится так далеко, юпитерианин невольно вздрогнул.

— Теор, я так встревожен тем, что ты рассказал! — наконец послышался голос землянина. — Теперь я буду бояться за тебя... — Фрэзер усмехнулся. — И за себя, кстати, тоже. Нас тоже разбили, Теор. Чужаки с космолета отбили атаку и теперь диктуют условия. Всем колонистам, принимавшим участие в сражении, приказано безоружными явиться в определенное место. А командиры космолета сейчас ведут переговоры с нашими лидерами об условиях капитуляции Ганимеда.

— Плохие настали времена, — мрачно сказал Теор. — Неужто все во Вселенной пошло наперекосяк? Но объясни мне, Марк — если враги так сильны, зачем они ведут с вами переговоры? — Ожидая ответа, он с надеждой подумал: «Возможно, где-то здесь и зарыта истина, которая очень может сейчас мне пригодиться. Ведь Чалхиз не зря оставил меня в живых!»

— Я могу только догадываться, чего хочет Свейн, — после паузы ответил Фрэзер. — Мы же идем на соглашение по очень простой причине: чтобы с колонистами не расправились самым жестоким образом. И чтобы в первую очередь не уничтожили Аврору. Не могу твердо утверждать, но мне кажется, что адмирал Свейн приписывает нам свой собственный фанатизм. Он нуждается в нас и потому готов идти на компромисс.

— Но у вас есть какая-нибудь надежда со временем вновь напасть на крейсер? Или вы полагаетесь только на помощь извне?

Песок под ногами Теора был сырым и холодным. Ожидая ответа, он потер ноги одна о другую, стараясь хоть немного согреться.

Фрэзер вздохнул:

— Не представляю, что и делать. Мы можем захватить одну из лунных ракет, но они не предназначены для полетов за пределы Юпитера. Вернее, полететь-то они полетят, но двигатели не смогут разогнать их до гиперболической скорости. Так что полет к Земле займет долгие месяцы. Свейн вернется туда гораздо раньше...

— Держись, Марк, — сказал Теор, не зная, как подбодрить друга. — Дела ваши плохи, но по крайней мере вас никто не гонит с Ганимеда. И враги — такие же люди, как и вы. Нам, наяррам, куда хуже сейчас...

Вновь вспыхнула молния, и вслед за ней оглушительно загрохотал гром, сотрясая землю. Гроза вновь приближалась.

— Не отчаивайся, Теор, быть может, мне удастся помочь вашему племени.

— Но как? — спросил Теор.

Несмотря на всю безнадежность положения, Теор испытал прилив надежды. Земляне имели столько удивительных вещей там, на небе. Быть может, они действительно сумеют для них что-то сделать?

— Теор, расскажи поподробнее о том, что произошло, — попросил Фрэзер.

Теор рассказал о событиях последних дней, стараясь не упустить ни одной важной детали. Когда он закончил, передатчик молчал так долго, что наярр даже забеспокоился, не испортился ли он.

— Хм... ты находишься не так далеко от города, и вокруг бушует буря, — после паузы произнес Фрэзер. — Это уже кое-что. Можешь ты убежать от охранника?

— Я сильно хромаю, и к тому же у меня связаны руки, — с сомнением ответил Теор. — А у стражника копье и кинжал.

— Если бы ты как-то отвлек его внимание, то смог бы завладеть его оружием, — продолжал Фрэзер. — Чертовски опасно, но другого выхода нет. Включи коммутатор на полную мощность и брось его рядом с хижинкой — так, чтобы охранник не видел. А уж я закричу во всю глотку!

— Айя! — одобрительно воскликнул Теор и не без труда снял диск с шеи.

— Подожди, Теор... Если ты ранен, то... — Фрэзер заколебался.

— Ты сам сказал, Марк, что другого выхода у меня нет. Дай мне немного подумать... — Вскоре план бегства сложился в голове, и юпитерианин сказал: — У меня действительно есть шанс, друг. Я могу украсть одну из лодок и выйти в море. По суше мне не уйти — я ранен, и к тому же улунт-хазулы бегают куда быстрее меня. Но в море я могу поставить парус и уйти от погони. Может быть, мне понадобятся твои советы — вы, земляне, куда искуснее в мореходстве, чем наярры. А теперь будь внимателен, Марк. Когда я громко закричу, закричи и ты. Произнеси какие-нибудь фразы, имитируя наш язык. Не сомневаюсь, что стражник испугается — ведь твоя речь звучит так непривычно для нашего слуха... Ну а я уж постараюсь, чтобы эта ночь стала для улунт-хазулов беспокойной.

Теор помедлил, не зная, какими словами проститься с другом. Все могло случиться, и, быть может, скоро он будет лежать на песке с ножом из остро отточенного льда в груди. Марк нарушил молчание первым:

— Не знаю, поможет ли это, но я все-таки скажу: да хранит тебя Господь, Теор! Пусть вся удача во Вселенной сегодня придет тебе на помощь!

— Нет, пусть половина ее достанется тебе, Марк! — пылко воскликнул наярр. — До свидания, друг. Жди моего сигнала.

Он подошел к выходу, держа диск между ладонями, и, помедлив, осторожно выглянул наружу. Дождь хлестнул

ему в лицо. Охранник сразу же заметил пленника и, угрожающе подняв копьё, приказал немедленно вернуться в хижину.

Теор протянул вперед связанные руки и издал изумленный вопль, словно разглядев что-то во мраке ночи.

Стражник невольно обернулся, и Теор быстро швырнул коммуникатор в другую сторону. Теперь надо было выждать несколько минут...

Улунт-хазул вновь повернулся и угрожающе поднял копьё.

— Иди в свою конуру, иначе я проткну тебя насквозь! — яростно зарычал он.

Внезапно откуда-то из темноты раздался громкий голос Марка. Стражник подпрыгнул и стал испуганно озираться по сторонам. Вновь вспыхнула молния, озарив белым светом пустынный берег. Теор даже смог разглядеть ножны воина, заклепки на его копьё и длинный шрам на щеке. Диск сверкал среди камней, словно отполированный кусок льда, но никого рядом не было. Никого!

Стражник понял, что звуки странной речи доносятся именно из сверкающего круга, лежащего на земле. Его лицо исказила гримаса дикого ужаса. Издав сдавленный вопль, он отпрыгнул в сторону. Теор был забыт. Вновь небо расколосось от раскатов грома — и наярр бросился на врага.

Его пальцы сомкнулись на рукоятке кинжала, висевшего на поясе улунт-хазула. Не успел стражник поднять копьё, как сверкающее лезвие вонзилось в его нижнюю челюсть.

Враг издал еще один вопль — на этот раз это был крик боли. Но у него хватило сил сжать торс наярра могучими руками так, что у того перехватило дыхание. Теряя сознание, Теор все глубже и глубже вонзал кинжал. Кровь брызнула ему в лицо. Вскоре хватка врага ослабела. Стражник со стоном упал на песок и задергался, безуспешно пытаясь вырвать кинжал. Вскоре он умер.

Тяжело дыша, Теор огляделся. Все вокруг было закрыто пеленой дождя, и только тусклые отблески зарниц

просачивались сквозь низкие облака — гроза уже ушла далеко на север.

— Я сделал это, — хрипло сказал Теор, подняв с земли диск. — Враг мертв. Надеюсь, никто не видел нашей схватки.

Он вновь надел коммуникатор на шею и занялся своими путями. Сжав копьё ногами, он разрезал наконечником веревки на запястьях, то и дело тревожно озираясь по сторонам и прислушиваясь. Но он ничего не слышал, кроме шума дождя и разбушевавшихся волн.

Свободен! Он все-таки сумел освободиться!

Теор слишком устал, чтобы по-настоящему ощутить радость победы. Нагнувшись, он выдернул кинжал из тела стражника и побрел прочь, сильно хромя. Постой... надо взять еще пояс и ножны... Возвратившись, он с трудом перевернул тяжелое тело и растянул тугую пряжку. Помедлив, он решил захватить с собой и копьё. Затем он пошел к берегу.

Вспыхнула молния. Теор увидел двух улунт-хазулов, неторопливо шедших вдоль берега. Топоры, которые воины несли на плечах, ослепительно засверкали. К счастью, воины смотрели в другую сторону, но шли явно по направлению к хижине.

Вновь настала тьма, и с первым раскатом грома Теор побежал к лодкам, лежащим невдалеке на отмели. Якоря их были на всякий случай вбиты в землю. Наярр вырвал на бегу один из них и уперся грудью в нос небольшого суденышка. Оно медленно сдвинулось с места и заскользило вниз по песчаному склону. Каждый раз, когда вспыхивала молния, Теор ждал, что его заметят, но вокруг было тихо. Зато в лагере вскоре начался переполох — видимо, те два воина обнаружили тело мертвого стражника. Хорошо еще, что никто, кроме Чалхиза, не знал, кого тот охранял.

Брызги аммиака окатили беглеца. Лодка с шумом шлепнулась в волны. Теор лег на дно лицом вниз и, дрожа, стал ждать, когда ветер отгонит суденышко от берега.

Нет. Нельзя бездействовать! Нужно как можно скорее уйти от острова. Теор поднялся и нащупал кормовую мачту. Парус был обернут вокруг реи неизвестного назначения и укреплен линиями и кольцами. Хорошо еще, что море слабо фосфоресцировало, и кое-что во мгле можно было разглядеть.

Некоторое время Теор раздумывал, что делать. Лодка качалась на волнах. Ветер нес ее на север, и это было неплохо. Наярр стал развязывать парус. Освобожденный, парус расправился со звуком, похожим на пушечный выстрел, и надулся. Лодка немедленно зарылась носом в волны. Теора обдал фонтан холодных брызг. Он поспешно перебрался на корму и ухватился за румпель.

Лодка выровнялась. Парус вновь наполнился ветром, и суденышко, развернувшись, побежало прочь от берега. Теор ощутил восторг — лодка слушалась его!

Но вскоре она снова накренилась. Огромные волны вздымались и с грохотом рушились в бездну, увлекая за собой лодку. Борта трещали от их ударов. Дождь усилился и всю

забарабанил по снастям и дну. Надо было спешно вычерпать аммиак — но как оставить румпель? Осмотревшись, Теор увидел рядом с ручкой румпеля два фиксирующих штопора, которые торчали из бортов. «Хорошая штука!» — с радостью подумал он и, закрепив руль, отправился на нос суденышка, надеясь отыскать там какую-нибудь емкость.

Найдя ковш, он энергично стал вычерпывать аммиак из лодки. Закончив работу, он решил вновь вернуться на корму — в такой сильный шторм лодку нельзя оставлять без управления. Дождавшись очередной вспышки молнии, он обернулся и посмотрел в сторону берега. Земля уже пропала из виду. Но среди волн он увидел черную тень. Она быстро приближалась. Внезапно из аммиака вынырнула маленькая зубастая голова на тонкой шее.

Надежда на спасение покинула Теора.

Глава 10

— Марк, — сказал Теор, — ты слышишь меня?

Одной рукой он взялся за румпель и выровнял крен.

Сквозь шум волн прорвался голос Фрэзера:

— Конечно, я слушаю. У тебя все хорошо? Ты смог убежать?

— Да. Но, боюсь, мы разговариваем с тобой в последний раз. Враги, должно быть, заметили мою лодку и послали погоню. Меня преследует огромное морское чудовище с наездником на спине. Именно такие животные недавно разбили наш флот. Я не могу уйти от монстра, но не хочу и сдаваться. — Теор помешкал, подыскивая прощальные слова. Живи с радостью, друг! Пусть все твои беды уйдут прочь!

Он посмотрел в сторону кормы. Сквозь пелену дождя он увидел, что его преследует только одно чудовище. Впрочем, для него и одного было вполне достаточно...

— Эй, Теор, ты что, готовишься к смерти? — встревоженно закричал Фрэзер. — Не рано ли? Ты можешь пристать к берегу?

— Вряд ли. Да и все равно меня настигнут на суше.

Дождаясь ответной реплики, Теор взглянул в сторону правого борта. Берег был пока невидим, даже при вспышках молний. Может быть, вновь сесть к рулю и попытаться развернуть лодку? Или лучше прыгнуть за борт и поплыть? Нет, в такой шторм большое расстояние ему не одолеть.

— Я отдал бы правую руку за то, чтобы послать тебе сейчас ружье! — сказал Фрэзер, страдая от своего бессилия. — У тебя есть какое-нибудь оружие?

— Нож и длинное копьё... — Внезапно Теору наконец-то пришла в голову дельная мысль. — погоди, я кое-что

придумал... Очень рискованно, но это мой последний шанс. Жди, я позову тебя — если останусь цел.

Он схватил копьё и пошел к мачте. Подняв со дна лодки якорный канат, он стал старательно привязывать копьё поперек мачты. Это была медленная, нелегкая работа, мешали темнота, дождь и сильная качка. Когда он закончил, монстр был уже близко...

— Марк! — воскликнул он, пытаясь перекричать шум волн. — Мне нужен твой совет. Помнишь, ты рассказывал мне как-то о том, как люди ходят под парусами по земным морям? У меня почти нет опыта в управлении судном. Могу ли уйти от преследователей против ветра?

Теор забыл о своих страхах. Коротко и ясно он рассказал о своем плане и об оснастке лодки.

Фрэзер тоже успокоился. Он объяснил другу, как менять галсы. Теор взял одной рукой древко копьё и повернул

парус, а другой переложил руль вправо. Лодка сильно накренилась, едва не зачерпнув бортом аммиак, но вскоре вновь выровнялась и нехотя вышла на другой галс.

Монстр был слишком тяжел и неповоротлив, чтобы быстро совершить подобный маневр. Теор же упрямо держался нового курса. Аммиак переливался через борт и струился по его ступням холодным, искрящимся потоком, время от времени окатывая его с ног до головы. Монстр проплыл так близко от лодки, что Теор увидел отражение молнии в его огромных глазах. Улунт-хазул стоял на его плечах, держась за длинный повод, брошенный на рога животного. Вскоре преследователи оказались впереди и скрылись во мгле.

Теор перешел к решению другой задачи. Он ждал, когда монстр развернется и повернет назад.

— Не сомневаюсь, что улунт-хазул решил, будто я иду к берегу сдаваться в плен, — сказал он.

Он вновь развернул лодку и пошел навстречу врагу. Затем он отвязал копьё от мачты. «Только бы воин не увидел оружие в моих руках!» — подумал он.

Через несколько секунд прямо перед ним выросла черная стена — это была грудь монстра. Теор, не раздумывая, метнул копьё, и оно попало точно в цель.

Лодка затряслась так, что Теора отбросило к противоположному борту. Раздался хриплый вопль. Монстр отпрянул и ударом хвоста швырнул лодку на гребень высокой волны. Когда она соскользнула вниз, Теор увидел прямо перед собой покрытую костистым панцирем голову. Животное ревели от боли. Копьё глубоко вонзилось ему в горло. Теор бросился на дно лодки, сломав скамью гребца. Лежа в темноте под брызгами аммиака, он мрачно думал: «Как бы там ни было, этот чертов улунт-хазул уйдет на дно вместе со мной!»

От яростных ударов чудовища лодка продолжала рассыпаться на части. Нахлебавшись аммиака, она стала тяжело заваливаться на борт, и вскоре ее перекошенная мачта едва

не коснулась пенных гребней. Теор, наполовину ослепленный и избитый, изо всех сил цеплялся за борт. Волны перекатывались через него.

Каким-то образом остатки снастей смогли вновь выровнять лодку, и чудом уцелевший парус понес ее на север. Теор выглянул из-за борта и увидел, как монстр бьется среди волн, пытаясь удержаться на поверхности. На его изогнутой спине не было видно наездника. Казалось, беда пронеслась мимо, но внезапно животное ринулось к лодке. Его огромный хвост взмыл в небо и с оглушительным грохотом обрушился на бедное суденышко. Еще один удар — и чудище скрылось среди волн.

Теор плавал среди обломков, не веря, что остался жив, и отчаянно колотил руками и ногами по аммиаку, но волны то и дело захлестывали его, не давая вздохнуть. Теор пытался плыть, но сознание медленно покидало его.

Внезапно что-то сильно ударило его в бок. Теор машинально вцепился в это «что-то» руками и ногами. Больше он ничего не помнил...

Он очнулся, когда дождь ослабел, перейдя сначала в изморось, а затем в густой туман. Шторм утих, и его сменил злой, обычный для Юпитера ветер. Море еще свирепо шумело, не желая успокаиваться. Прибрежное течение швыряло в Теора обломки лодки. Но он мог теперь держаться на поверхности, и постепенно его сознание стало проясняться.

Теор осмотрелся. Туман скрывал все вокруг на расстоянии больше двух-трех метров, брызги волн висели в воздухе искрящимся водопадом. Теор плыл в вихре фосфоресцирующего света, раскачиваясь на крутых волнах. Он невероятно устал, каждая клеточка его тела болела — но он был жив, жив! Вскоре к нему вернулась надежда на спасение, и он впервые взглянул на спасительное «что-то», которое помогало ему держаться на поверхности.

Это был кусок обшивки с остатками шпангоутов. Сказочная, невероятная удача! Теор осторожно оседлал свою небольшую «лодку» и наконец перевел дух. Рядом плавал

клубок якорного каната, в котором запутались несколько обломков дерева, в том числе половина скамьи для гребца. Ее можно было использовать в качестве весла.

«Да, я могу спастись», — подумал Теор и поднес к губам диск коммутатора.

— Марк!

Что-то захрипело и зашуршало, и словно издали слышался знакомый голос:

— Угх... ухх... Это Теор?

— Да, я все-таки уцелел, друг! — Теор попытался улыбнуться, ощущая саднящую боль в разбитом лице. — Ты удивлен? Я снова выкарабкался из могилы!

Жизнь постепенно возвращалась к нему, и вскоре он почувствовал острый голод. Утолить жажду было нетрудно — морской аммиак вполне годился для питья. Содержание минеральных веществ в нем было крайне низким, зато присутствовали некоторые питательные вещества в виде аминокислот. Они синтезировались в верхних слоях атмосферы, где ультрафиолетовые лучи солнца воздействовали на газообразный метан и аммиак. Образовавшиеся органические молекулы опускались в нижние слои атмосферы. Некоторые из них достигали океана и составляли питательную среду для микрофлоры его поверхности. Та, в свою очередь, служила кормом для многочисленных высших животных. Но, конечно, морской аммиак не мог насытить Теора, а лишь раздражил аппетит. Он не ел почти целый день — с тех пор как по собственной инициативе сбежал от гостеприимного Чалхиза.

Вновь послышался голос Фрэзера:

— Вот это сюрприз! Я чертовски переживал за тебя, друг. Как дела?

Теор объяснил.

— После того как я выберусь на берег, я постараюсь найти остатки отряда Вальфило, — добавил он. — Они должны были уже перебраться через хребет Джоннари — это в нескольких милях к северу от меня. Может быть, удастся

нагнать их. Но мне предстоит идти через огромную и дикую страну. Старики рассказывали, что в этих горах живет Скрытый народ. Но я надеюсь, что они меня не тронут.

— Отлично! Я так переживаю, что ничем не могу помочь тебе, Теор. Не могу даже больше оставаться около передатчика. Пока ты дрался на море, я уже успел сходить на совет колонистов. И сейчас меня срочно хочет видеть один человек. Я не знаю, что случилось, но это наверняка очень важно...

— Позови меня, когда сможешь. Удачи тебе, друг!

Вскоре небо чуть посветлело. Теор продолжал плыть, окруженный мерцающим туманом. Только к полудню зыбкая пелена стала расползаться, превращаясь в лохмотья. И тогда Теор увидел землю.

До нее было еще далеко, и все-таки наярр закричал от восторга. Около двух миль он проплыл среди скал из черного льда. Вершины окутывал туман, и можно было только догадываться об их высоте. Волны накатывались на белые отмели у подножий с ужасающим грохотом. Казалось, невозможно проплыть среди скал и остаться целым, но Теор настолько обессилел, что даже не задумался об этом.

Он осторожно отвязал обломок скамьи и начал грести, борясь с прибрежным течением. Несмотря на отчаянные усилия, он едва продвигался вперед. Так продолжалось час за часом. Любой человек сошел бы с ума от этой бесконечной гребли на месте, но Теор сумел сосредоточиться на боли в теле и сильном жжении в жабрах. Время, казалось, остановилось... Наконец среди скал он увидел узкий фьорд. «Уллола! Сила все же благосклонна ко мне!» — с восторгом подумал наярр. Он заработал веслом еще неистовее. Вспенившийся аммиак ключьями летел назад под его энергичными гребками, и желанная мирная бухта постепенно приближалась.

Но вскоре двигаться вперед стало невозможно. Отливное течение было слишком сильным и постепенно сносило его назад в море.

Теор рискнул встать на свою «лодку» и оглядеться. Он увидел сравнительно спокойную поверхность аммиака во фьорде, а в устье его — странный серый склон, резко выделявшийся среди черных скал.

Внезапно «лодка» сильно накренилась, и Теор едва не упал в волны. Поскользнувшись, он сильно ударился головой о доски. Прошло несколько минут, прежде чем он пришел в себя. Когда его сознание прояснилось, он нашел объяснение только что увиденному природному феномену.

Поверхность Юпитера редко охлаждалась настолько, чтобы аммиак мог замерзнуть, но в высокогорьях такое случалось, когда с полюсов приходили воздушные течения. В результате на склонах образовывались огромные ледники. Достигая моря, они не раскалывались на айсберги, как это происходило с земными ледниками. Дело в том, что твердый аммиак плотнее жидкого и попросту не тонет в море. Но на мелководье льдины быстро тают, создавая довольно сильное течение. Оно-то и отнесло Теора от берега. Возможно, корабль наярров с двумя гребными колесами и смог бы противиться ему, но одинокому пловцу это было не под силу.

«Уш! — с тоской подумал Теор. — Надо искать другой фьорд. Быть может, он окажется более гостеприимным...»

Но он не хотел обманывать себя. Ему приходилось видеть штурманские карты этого морского района. Они были весьма примитивными, на все же достаточно достоверными, чтобы понять: он на краю гибели. Если выбраться на берег в этом месте не удастся, то сильное прибрежное течение отнесет его в «котел», густо усеянный рифами и бурлящий водоворотами. И тогда ему конец...

— Марк! — позвал он. — Ты слышишь меня?

Только плеск волн был ответом ему. Не сразу наярр вспомнил, что Фрэзер ушел на какую-то важную встречу. Бессмысленно было ждать его возвращения.

Да и чем землянин мог помочь ему?

Или все-таки подождать? Марк так много рассказывал о море — ведь он сам вырос на земной океанической станции. Постой... Что-то Марк однажды объяснял ему... Ну конечно, он показывал живые картинки в Доме Оракула, повествующие о том, как земляне плавают на досках среди гигантских волн. Если взобраться на очень высокую волну, то она может вынести человека на берег! Почему бы нечто подобное не проделать и здесь, на Юпитере? Обломок борта имел снизу плоскую форму. Если освободить его от обломков снастей, то...

С новыми силами Теор взялся за работу. Он вытащил из-за пояса нож и стал яростно резать намокшие веревки. Волны то и дело захлестывали его, пена залепляла глаза и жабры, затрудняя дыхание. Теор работал почти вслепую, вскоре забыв даже о цели своих действий.

В конце концов он освободил плотно сбитые доски и улегся на них животом, свесив ноги. Вновь взяв в руки весло, он направился вслед за гребнем только что прошедшей под ним волны. Его неуклюжая «лодка» двигалась крайне медленно, и он опоздал. Только после невероятных усилий ему удалось наконец-то оседлать очередную высокую волну, которая стремительно понесла его в глубь фьорда.

Здесь царило невероятное спокойствие. С высоты огромной волны Теор с ужасом смотрел на подножие скалы, где кипела пена. Правее лежала область зыби, за которой находился вождеденный берег. Но его упрямо сносило влево, навстречу гибели.

Теор отбросил бесполезное теперь весло и стал управлять доской, всем телом двигаясь по ее поверхности. Только тренированному человеку удался бы такой фокус, но Теор с детства имел дело с силами природы и умел их ощущать. Ему удалось-таки проскочить мимо скалы. Тут же волна с грохотом опала, бросив Теора в сторону ледника. Аммиак закипел вокруг него. Берег стремительно приближался, грозя разбить его в лепешку, но Теору удалось зацепиться ногами за резко поднимавшееся дно и немного замедлить

движение. Вскоре ему с трудом удалось встать и по пенн-стому мелководью добраться до суши. Не сделав и нескольких шагов по берегу, он упал и погрузился в забытие. Ночь, длинная ночь...

Когда Теор очнулся, солнце уже висело над западной частью фьорда. Волны ревели среди скал, освещенные последними лучами светила. Впереди лежал крутой склон ледника, из которого, словно титаны, поднимались в небо черные скалы. Вокруг простиралась дикая, необитаемая страна. И Теор был единственным живым существом на десятки миль окрест, вооруженный одним только ледяным ножом.

Глава 11

Фрэзер сидел и смотрел на передатчик. Наконец, не выдержав, он в бессильной ярости обрушил кулаки на панель управления. Звук удара гулко прокатился по кабине, погруженной во тьму. Сквозь обзорное стекло в кабину проник солнечный луч и высветил все вокруг так ясно, что Фрэзеру удалось разглядеть набухшие вены на своих руках. От недавней усталости и головной боли не осталось и следа. «Перестань ныть! — зло сказал он себе. — В сорок лет рановато чувствовать себя стариком. Ты еще сможешь вставить, адмиралу Свейну фитиль в то место, которое заменяет ему голову».

Он решительно поднялся и направился в кормовую часть краулера. Донни Мендоза предоставил ему оборудование для связи с главным передатчиком, как только узнал, что Фрэзер хочет установить контакт с Теором. Здесь же ему было выделено крошечное помещение для отдыха. Фрэзер разделся до пояса, налил немного воды в таз и тщательно растерся губкой. Еще больше ему хотелось очистить свою совесть после встречи с предательницей. Но, черт побери,

Лоррейн нравилась ему все больше и больше, и с этим ничего нельзя было поделать!

Он вспомнил, как Лори сунула ему записку с просьбой о встрече, и криво усмехнулся. Это было во время встречи конфликтующих сторон в Авроре — на переговоры в крейсере колонисты, естественно, не согласились. Фрэзер пришел вместе с Сэмом Хоши. В зале заседаний административного корпуса их ожидали Лоррейн и двое офицеров с «Веги», включая бравого адмирала. Все расселись по креслам, пытаясь выглядеть непринужденно, но присутствие Свейна действовало угнетающе. Нет, он не кричал и не угрожал — у него был вид победителя, и от одного этого становилось тошно.

— Не собираюсь сегодня играть в дипломата, — резким тоном начал адмирал. — С моей точки зрения, вы все — мятежники! Вы убили и покалечили множество достойных граждан, верных законному правительству. Погибшие в бою колонисты меньше, чем вы, заслуживали смерти!

Хоши хотел было возразить, но промолчал и только с силой сцепил пальцы и помрачнел. Двое его сыновей погибли при попытке захвата «Веги».

Свейн скупо улыбнулся.

— Конечно, вы смотрите на прошедшие события по-другому, — продолжал он. — Я понимаю, переубедить вас сейчас невозможно. Но я не дипломат, а военный, и меня интересуют не столько эмоции, сколько реальные дела. Для меня куда важнее осуществление планов, чем немедленная расправа, пусть и справедливая.

— Немедленная? — переспросил Фрэзер. — Значит, о расправе вы хотите поговорить позже, когда на Ганимед придет полиция? И вы всерьез считаете, что мы будем помогать вам, зная, что через некоторое время нас посадят в тюрьму или даже расстреляют? Я уже не говорю о возможном промывании мозгов...

Лоррейн нахмурилась:

— Последнее — уже слишком, Марк.

— Ах, простите, я оскорбил ваши прелестные ушки неприличным выражением! — с иронией заметил Фрэзер. — Хорошо, заменим его официальным названием — «принудительное перевоспитание». Звучит куда приятнее, не правда ли?

Свейн насупился.

— Я не собираюсь давать стопроцентных гарантий, — сказал он. — Однако надежда у вас появится. После того как мы вместе восстановим законное руководство в США, встанет вопрос о контроле над Землей и остальными планетами. Думаю, правительство не станет тратить силы и средства на то, чтобы изолировать систему Юпитера, — конечно, если я замолвлю о вас словечко. И я сделаю это — слово офицера, — если вы будете сотрудничать с экипажем «Веги».

Фрэзер с сомнением посмотрел на строгое, очень серьезное лицо адмирала — и вопреки желанию поверил. Так же, как в неизбежный арест в случае, если колонисты заартачатся. Свейн был человеком аккуратным и слов на ветер не бросал.

Хоши наклонился вперед.

— Здесь, в системе Юпитера, находятся пять тысяч человек, — бесстрастно сказал он. — Куда меньше, чем в любой из точек, по которым вы хотите нанести удар там, на Земле. Все мы хотим жить, но если вас можно остановить ценой жизни, то колонисты готовы погибнуть.

— Это не поможет, — спокойно ответил адмирал. — Да, это задержит нас на некоторое время, но не более того. С «Вегой» вы ничего не сможете сделать. Если Ганимед придется уничтожить, то мы перелетим на другие луны, — надеюсь, там люди окажутся более разумными. В принципе производство боеголовок можно наладить даже на астероидах. Не так удобно, как здесь, но попробовать можно. Впрочем, я верю, что вы не самоубийцы. — Свейн обвел колонистов цепким взглядом. — Посмотрите фактам в лицо. Вы разбиты наголову. Теперь колонистам надо заботиться не о мятежном правительстве, а о своих близких. Еще раз повторяю

предложение: возвращайтесь домой и постарайтесь больше не причинять нам хлопот. Вскоре мы вернемся на Землю и оставим вас в покое.

— Вы можете даже присоединиться к тем, кто хочет оставить Аврору, — добавила Лоррейн. — Горожане соберут для вас все необходимые припасы.

— Прекрасный трюк, — фыркнул Хоши. — Проявив великодушие, вы хотите избавиться от потенциальных бунтарей и саботажников, не так ли?

— Конечно, — усмехнулся Свейн. — Неужели вы настолько неблагоразумны, что откажетесь от такого предложения?

«И этот человек говорит о гуманности! — подумал Фрэзер. — Я никогда не пойму хомо сапиенс. Наверное, поэтому мы и нашли общий язык с Теором. Кстати, надо побыстрее вернуться в краулер — Теор может вызвать меня».

Тем временем разговор крепко увяз в болоте взаимной подозрительности.

— Мы не можем уйти, — настаивал Хоши, — нам надо позаботиться о раненых. В городской больнице для этого есть все условия.

— Я могу послать с вами несколько врачей, все необходимое оборудование и медикаменты, — пообещала Лоррейн.

— Согласен, — кивнул Свейн. — Берите с собой все, что нужно, только побыстрее убирайтесь из города.

Спор вновь разгорелся.

В конце концов стороны пришли к соглашению. Колонисты поднялись и направились к выходу.

— Хороший день для вас, господа! — напутствовал их Свейн и сразу же погрузился в чтение разложенных на столе бумаг.

Лоррейн догнала Фрэзера в коридоре.

— Марк, подождите!

Он окинул девушку холодным взглядом.

— Марк, я так сожалею...

— Я понимаю, вы только выполнили свой долг, — спокойно сказал он.

— О, Марк, неужели вы не можете понять? Я считаю, что поступаю правильно — так же, как и вы. Кто знает, на чьей стороне истина? Где найти такие весы?

Лицо девушки выражало искреннее отчаяние. Только сейчас Фрэзер заметил, что она пришла на совещание в новом эффектном платье, правда, несколько коротковатом, но прекрасно подчеркивающим ее стройные ноги. Слезы заблестели в ее глазах. Лори выглядела сейчас красивой, как никогда, но в то же время жалкой. Фрэзер, вопреки желанию, едва не рассмеялся — нет, ненавидеть ее он не мог.

— Давайте пожмем друг другу руки, а? — пробормотала Лоррейн.

Хоши только пожал плечами и пошел к выходу. Фрэзер же машинально протянул руку. И с удивлением почувствовал, как ему в ладонь сунули клочок бумаги. В коридоре было полно астронавтов с «Веги», и ему показалось, что за ним следят десятки подозрительных глаз.

— Пока, Марк, — сказала девушка и исчезла за соседней дверью.

Фрэзер догнал Хоши у кессонной камеры. Здесь дежурили двое вооруженных охранников. Вокруг было непривычно пустынно: по приказу Свейна жителям Авроры было приказано находиться в своих квартирах. Лидер колонистов шел, опустив голову. В мыслях Фрэзера царил полный хаос, и он не смог найти слов утешения. Да и что можно сказать отцу, потерявшему сразу двух сыновей?

Только возле краулера Мендозы он улучил момент и прочитал записку, гласившую: «Встретимся в 8.00 следующего цикла за стоянкой лунных ракет, рядом с кратером Апачи. Держите это в секрете».

День на Ганимеде состоял из 7,15 земных суток, так что колонисты использовали для отсчета времени условные 24-часовые циклы. На других лунах населения было слишком мало, чтобы вводить свои временные системы.

Забравшись в кабину, Фрэзер стал снимать скафандр. «И какого дьявола Лори настаивает на встрече? — раздраженно думал он. — Чтобы вновь попытаться оправдать свое предательство? Вряд ли, она же знает, что меня не переубедить. Или она...»

Он усмехнулся. Самое приятное объяснение было самым невероятным. Он был некрасивым, немолодым и к тому же женатым. Других подходящих объяснений Фрэзер не нашел. Да и не время было думать об этом — Ева с детьми ждала его в поселке за горами, а Сэм Хоши готовился к возвращению домой. Очень грустному возвращению: двое его сыновей, а с ними несколько десятков колонистов, включая Пата Махони, остались на поле боя...

...Фрэзер с трудом отвлекся от воспоминаний. Он закончил свой утренний туалет, выжал над тазом губку и осторожно слил воду в очиститель, стараясь не расплескать. Затем он смазал щетину депилятором и через минуту вытер лицо, уже без следов волос. Надев скафандр, он вышел наружу и осмотрелся. Вокруг стояли лунные ракеты, мерцающая серебристым светом, а над ними возвышалась иззубренная стена кратера Апачи. Колонисты, занятые своими делами, сновали взад и вперед, но их было немного: большинство сидели в краулерах, ожидая команды к отправлению. Над пиком Гленна густо высыпали звезды, а на востоке из-за горизонта выползал чудовищный шар Юпитера, наполовину окутанный тенью.

Фрэзер шел между космолетами, направляясь в северную часть взлетного поля. Он старался, чтобы его не заметили. Предчувствия у него были самыми скверными — от встречи с Лори он не ждал ничего хорошего.

Внезапно из мглы вынырнула фигура в серебристом скафандре и, схватив его за руку, увлекла в укрытие между опорами космолета. Вновь шлем прижался к шлему, и начался не слышимый ни для кого постороннего разговор.

— О, Марк, спасибо, что вы пришли! Я опасалась, что вы уже мне не доверяете.

— Почему же я должен был не прийти? — глухо сказал Фрэзер, безуспешно пытаясь разглядеть черты лица Лори за стеклом шлема.

— Это могла быть ловушка. Вспомните ваш побег из Авроры, и чем он закончился. Свейн был разъярен! Если бы вы слышали, какими карами он грозил вам! И все же во время подготовки к переговорам я назвала ваше имя. Я сказала адмиралу, что вы — один из самых влиятельных людей среди колонистов и сможете представлять интересы Ганимеда даже лучше, чем Сэм Хоши.

— Хм... спасибо, Лори, но вы же прекрасно знаете, что это не так. Я никогда не лез в лидеры. Не настолько уж я уверен в себе, да и в людях разбираюсь не очень хорошо.

— Это не так! — пылко воскликнула Лоррейн. — Вы человек ответственный, а это самое главное.

— Смешно слышать, Лори, — буркнул Фрэзер и вдруг с подозрением спросил: — Постойте, так вы не были уверены в моей безопасности и все-таки пригласили на встречу с этим людоедом Свейном?

— Я тоже рисковала, — оправдываясь, ответила Лоррейн.

— Вы?! — негодуяще заорал Фрэзер. — Первая леди этой банды контрреволюционеров?!

— Марк, я на вашей стороне!

Он недоуменно пожал плечами.

— Почему вы не хотите меня понять? — дрожащим голосом сказала Лоррейн. — Я вовсе не поддерживаю адмирала. Он честный человек, но мне не нравится, как он действует, и еще больше — то, что он задумал. Повернуть ядерное оружие против своей собственной страны... То же самое он может проделать и с другими государствами Земли — всеми, кто не захочет подчиниться его приказам. Марк, услышав это, я проплакала весь вечер...

— Но вы же сотрудничали с ним, — не унимался Фрэзер.

— А что мне оставалось делать? По интеркому передали сообщение: Свейн нуждается в добровольцах, готовых помочь руководству крейсера установить контакт с

колонистами. Кто-то должен был взвалить на себя эту тяжелую, неблагодарную работу? Я решила, что смогу смягчить неизбежное противостояние двух сторон и, по возможности, саботировать приказы Свей-на. Это было непросто сделать, Марк! Офицеры «Веги» уже собрали сведения о многих из вас. К счастью, у них нет психозондов, иначе я не смогла бы обмануть их. Но среди членов экипажа крейсера нашлась пара специалистов по политическому сыску. О, эти умеют спрашивать! Они предупредили, что будут следить за каждым моим шагом и если я вздумаю противиться приказам адмирала... Я до сих пор вижу в кошмарных снах, как эти иезуиты забрасывали меня вопросами, один коварнее другого. Но я прошла через это, прошла! Впрочем, не это главное... Я сумела отговорить горожан от бессмысленного бегства. Знаю, многие презирают меня теперь. Когда я прохожу по улицам Авроры, я словно ловлю их мысли: «Если нам удастся избавиться от этого проклятого крейсера, то эта сука пожалеет, что появилась на свет!»

Девушка замолчала и всхлипнула.

— Простите меня, Лори, — с раскаянием сказал Фрэзер.

Лоррейн не ответила. Казалось, она вот-вот разрыдается.

— Ну и какова сейчас ситуация в городе? — торопливо спросил Фрэзер.

— Странная... Я всегда думала, что оккупация — это нечто ужасное, когда на улицах то и дело звучит стрельба, людей арестовывают по малейшему подозрению и бросают в тюрьму... Но нет, жизнь идет своим чередом. Люди пока еще занимаются своей обычной работой. Они возвращаются домой после очередной вахты, готовят обед, играют в карты, болтают о пустяках... Только некоторые важные объекты в городе охраняют астронавты с «Веги». Но и это выглядит довольно мирно. С ними вполне можно поговорить. Вы знаете, как это бывает: слово за слово, и вы вдруг узнаете, что этот верзила — ваш земляк из Айовы, и вы расспрашиваете его, знает ли он вашего кузена Джо и как выглядит новый космопорт в Де-Мойне.

— Какая идиллия! — с насмешкой прервал ее Фрэзер. — У меня аж в глазах защипало от умиления.

— Нет-нет, конечно, не все так просто, — поспешно возразила Лоррейн. — Некоторые из горожан арестованы — из числа тех, кто открыто выражал свое недовольство. Но с ними обращаются совсем неплохо, их даже можно навещать в определенные часы.

— Просто прелесть, а не диктатура. Или бравый адмирал называет ее иначе — скажем, новый демократический режим? Не удивлюсь, если многие из горожан поспешили заверить его в своей искренней преданности.

— Да, есть и такие... Только вокруг них с каждым днем растет невидимая глухая стена. — Лоррейн невесело рассмеялась. — Я говорю так, будто сама нахожусь в оппозиции властям. Но я действительно сотрудничаю не со Свейном, а со своей совестью!

— Хм... И много вас таких... двуликих Янусов? Только не обижайтесь, Лори.

— Не знаю. Я не очень-то стремлюсь сблизиться с такими людьми, да и они меня сторонятся. Хотя, возможно, это мне только кажется. Большинство колонистов слишком давно покинули Землю и далеко не так наивны в политике, как вы, Марк. Каждый знает, с какой стороны масло на бутерброде и вряд ли станет швырять его в грязь ради победы демократии. Конечно, если мы сумеем сокрушить Свейна, то все они объявят себя пятой колонной Сэма Халла!

«Подобно вам, Лори?» — неприязненно подумал Фрэзер, но вслух спросил:

— И как много в Авроре таких перевертышей?

— Пара сотен, не меньше. И несколько астронавтов с «Веги». Без их помощи, пусть и пассивной, мы вряд ли сможем взять верх. Большинство же людей будут просто выжидать, опасаясь обстрела города. Время примирит их с новым явленным диктатором и тоже сделает из них соглашателей.

— Боюсь, люди Хоши тоже могут дрогнуть, — вздохнул Фрэзер. — Поражение здорово подорвало их дух... Когда начнется производство боеголовок?

— Пока мы занимаемся подготовительными работами. Большая часть процесса может быть автоматизирована, но несколько инженеров требуется для установки оборудования, и его запуска. Плюс рабочие на рудниках, плюс перевозка руды, очистка ее и производство изотопов. Все участники проекта будут находиться под непрерывным наблюдением, но изредка мы будем встречаться на технических совещаниях. Никто, я думаю, не испытывает особого энтузиазма, но повиноваться придется. Я постараюсь действовать так неумело, как только смогу, но астронавтов с «Веги» обмануть будет нелегко.

— Неужели весь экипаж крейсера настолько верен своему командиру-фанатику? — с раздражением спросил Фрэзер.

— Увы, да. Члены экипажей крейсеров тщательно отбираются и проходят периодические проверки, включая зондирование мозга. Не удивительно, что все астронавты беспрекословно подчиняются своему адмиралу. Свейну пришлось выбросить за борт лишь троих несогласных.

— Понимаю, — устало сказал Фрэзер. Окружающая тьма угнетающе действовала на него, он чувствовал себя, словно в ловушке. — И чего же вы хотите от меня, Лори?

— Марк, вы единственный человек, которому я могу доверять! — пылко сказала девушка. — Если вы поможете мне...

— В чем?

— Вы хороший пилот, один из лучших на Ганимеде.

— Приятно слышать. Вы хотите контрабандой пронести меня в кармане на одну из лунных ракет? Это бесполезно.

— Более бесполезно, чем даже вы думаете, Марк. Все космолеты на всякий случай лишены системы воздухообмена. Они будут установлены вновь лишь по личному приказу Свейна, если потребуется совершить полет на одну из лун.

— Погодите, но у адмирала есть свои космоботы!

— Часть из них уже находится на орбите Ганимеда. Любая попытка нападения на «Вегу» из космоса ими будет отбита. Остальные же шлюпки Свейн послал к другим лунам Юпитера. Не только, кстати, для устрашения, но и для шантажа. Если мы вдруг заартачимся, то колонистам на Ио и Каллисто грозит голод.

— Этот чертов адмирал все продумал... Но зачем же я тогда вам понадобился, Лори? Пусть я и опытный пилот, но дышать вакуумом как-то не научился.

— Я не говорю о лунных ракетах.

— Тогда о чем?

— Свейн все-таки проглядел один корабль. Он имеет достаточно мощные двигатели и сумеет предупредить Землю прежде, чем его смогут настигнуть.

— Любопытно. И что же это за суперкорабль-невидимка?

— «Олимпия».

— Что-о-о?

Фрэзер от души расхохотался:

— Лори, вы ничего не понимаете в...

— Я знаю, Марк, что вы хотите сказать. Да, полет «Олимпии» был отложен из-за неприятностей с племенем наяров, и потому на борту нет пищи, воды и даже воздуха. Но взлететь-то корабль может!

— Что, верно, то верно, — после некоторого размышления согласился Фрэзер. — Даже Свейну не могло прийти в голову такое: бежать с Ганимеда на корабле, предназначенном для полета на Юпитер! Прямо из-под пушек «Веги», без припасов и с небольшим количеством горючего — да, для этого надо быть еще безумнее, чем наш бравый адмирал. Хотя, если протащить на борт «Олимпии» самое необходимое...

— Я не знаю, как это сделать, — призналась Лоррейн. — У меня не было времени подумать. Но вместе мы найдем какой-нибудь путь. Вы сможете управлять «Олимпией», Марк?

Тот только презрительно хмыкнул в ответ.

— Как я попаду на борт, вот в чем вопрос, — после паузы сказал он. — Сэм Хоши уходит к горам на рассвете, а что делать мне?

— Марк, пойдите со мной! В Авроре вам ничего не грозит. Из-за подготовки к эвакуации там царит настоящий бедлам. Да и людей с «Веги» там немного — Свейн на всякий случай держит на борту крейсера большую часть экипажа. Вы... вы можете скрываться в моей квартире. Там мы все продумаем и составим план действий. Нам придется слегка похудеть, доля мой паек пополам, но это пустяки. Марк, я не буду презирать вас, если вы откажетесь! Вы человек семейный, а я одинока, и это разные вещи. Но это единственный выход, который я смогла найти.

«Быть снова свободным!» — Нет, это слова из какой-то мелодрамы. Фрэзер подумал, что ему предстоит сделать, и внутри у него все похолодело. Насколько приятнее такие вещи наблюдать по телевизору! Конечно, капитан Манли Валиант, Ужас Космических Глубин, справился бы с этим делом одним мизинцем. Он напялил бы поверх скафандра какое-нибудь рубище, нагрузил на тачку несколько тонн груза, запросто прошел бы мимо охраны, а затем прыгнул в раскрытый люк (предварительно швырнув в него тачку) — и был бы таков. Он же, Марк Фрэзер, был солдатом разгромленной армии, на его руках умер давний друг Пат Махони. Дома его ждала Ева и двое ребятишек, и это заметно умеряло его геройский пыл. Некогда в молодости он работал в арбитражном суде, изнывая от скуки, но при необходимости вновь этим мог заняться. С возрастом он стал понимать, что жизнь не обходится без компромиссов. Нет, дружище, ты не герой, и нечего строить из себя бравого космического волка, которому все нипочем.

Но Свейн явно жаждет его крови! Лоррейн говорит, будто он как участник переговоров подлежит амнистии. Хм... но если, он вернется в Аврору и будет арестован, то колонисты вряд ли поднимут восстание, чтобы спасти его. Тюрьмой дело тогда вряд ли обойдется. Свейн разъярен тем,

что ему пришлось пойти на компромисс, и наверняка устроит нечто вроде публичной казни — в назидание другим бунтарям.

Лоррейн потрясла его за руку.

— Так что вы собираетесь сделать, Марк?

Фрэзер с трудом отвлекся от своих мыслей.

— Надеюсь, я помещусь в вашей квартире, — улыбнулся он. — Кстати, у вас там не завалилось какой-нибудь пилули удачи? Мне бы она не помешала...

Глава 12

Теоретически Фрэзер мог бы ночевать в небольшой гостинице Авроры, обедать в столовой и мыться в городскрй бане. Практически же уединение ему было жизненно необходимо. Крошечная квартира Лоррейн имела все удобства. В городе не было принято ходить друг к другу в гости без предупреждения, так что неожиданных гостей опасаться не приходилось. Тем более что Лоррейн была объектом необъявленного бойкота большей части населения.

И все же в его убежище было тесновато. Как и все холостяцкие квартиры, оно состояло из небольшой спальни, миниатюрной кухни и душа. Повернуться Фрэзеру было буквально негде. Еще хуже был постоянный голод, и лишь тонизирующие таблетки помогали ему сохранять бодрость. Первая совместно проведенная ночь оказалась не столь интригующей, как ему представлялось: часов до двух они обсуждали план бегства, а затем Марка сморил сон, и он улегся на пол. И хотя такая «постель» при пониженной гравитации была не столь уж и неудобна, спал он плохо.

Проснувшись утром, он обнаружил, что Лори уже ушла. Весь день он мерил шагами комнату, чувствуя себя, словно в ловушке. Его навестил Сэм Хоши. Фрэзер передал ему

письмо для Евы. Узнав о его планах, лидер колонистов не стал стесняться в выражениях.

— Только недоумок мог связаться с бабой типа Лоррейн, — закончил он. — Что, она другого мужика не смогла себе подобрать? Ты, брат, человек семейный, соображать надо...

— Сэм, о чем вы говорите? — негодуяюще воскликнул Фрэзер, слегка, впрочем, покраснев. — Мы оба думаем о спасении колонистов! Армия наша разбита, ждать помощи, кроме как с Земли, неоткуда. На «Олимпию» Свейн внимания не обращает, поскольку она находится рядом с его крейсерами. Грех этим не воспользоваться!

— Вот пусть эта красотка и воспользуется, — недовольно буркнул Хоши. — Помнится, для высадки на Юпитер специально готовились двое парней, не так ли?

— Да. Но один из них напал на астронавта с «Веги» и сейчас находится в тюрьме. А второй... второй недостаточно надежен. Я же с «Олимпией» справлюсь. На Земле мне не раз приходилось управлять батискафами, а космолет построен по их типу. Если за нами пошлют погоню, мы сможем спрятаться в атмосфере Юпитера, и это тоже плюс.

Хоши угрюмо молчал.

— Поймите, Сэм, я вовсе не лезу в герои! Если бы кто-нибудь захотел взяться за это дело, я с удовольствием отдал бы ему лавры и тернии. Но такого добровольца сейчас в Авроре не найти. Шансов у нас с Лори мало, но они есть. Есть!

В конце концов Хоши со вздохом пожал ему руку.

— Ты молодец, Марк. Не обращай внимания на мое нытье — сам понимаешь, какое у меня настроение. Обещаю: если с тобой что-нибудь случится, о Еве и ребятишках я позабочусь.

Хоши ушел, и Фрэзер вновь остался наедине со своими сомнениями. Сможет ли жена понять его?..

Он с трудом заставил себя вернуться к проблемам, которые казались неразрешимыми.

Вопрос первый. Несколько охранников постоянно дежурят на поле возле «Веги». Они заметят любого, кто подойдет

к «Олимпии», тем более если он будет везти ту самую тележку с тремя тоннами груза. Стрелять же эти ребята, увы, умеют...

Вопрос второй. Его скафандр реквизируют при входе в город. Обещали вернуть после ухода армии колонистов, но это будет не скоро. Правда, у Лори есть запасной, но он тесноват. Добежать до «Олимпии» в нем можно, но лететь к Земле?..

Вопрос третий. Охранников можно отвлечь, если Лори сумеет найти добровольцев, готовых пожертвовать собой. Но подобрать таких людей непросто, особенно если учитывать, с какой подозрительностью горожане относятся сейчас к девушке. Пока суд да дело, кто-нибудь из местных добротов может объяснить Свейну, что «Олимпия», несмотря на экзотические обводы, все-таки не батискаф, а космический корабль.

Вопрос четвертый. Как только Лори начнет действовать, соглядатаи наверняка это заметят. Если сюда, в ее квартиру, будут часто заглядывать посторонние люди, это вызовет подозрение.

Подобных вопросов было немало.

«И зачем я так легко клюнул на это безумное предложение? — в который раз упрекнул себя Фрэзер. — Да, «Олимпия» рядом, но с таким же успехом она могла находиться на альфе Центавра. Нет, погоди. Надо возвратиться к самому началу и спокойно все проанализировать с другой точки зрения. Вопрос номер один...»

Фрэзер заставил себя успокоиться, сел на кровать и, закрыв глаза, задумался.

Через несколько минут он нашел решение.

Лоррейн пришла только к вечеру. Тщательно закрыв за собой дверь, она с надеждой взглянула на Фрэзера:

— Привет, Марк. Как дела?

Ее голос был усталым, под глазами лежали тени. И все же Фрэзер не без удовольствия отметил, что девушка

выглядела безукоризненно — Лори следила за своей внешностью более тщательно, чем любая записная красотка.

— Дела идут неплохо, — бодро сказал он. — Я все-таки нашел решение этой задачки!

— Что?!

Девушка шагнула к нему и в порыве восторга обняла за плечи. У Фрэзера екнуло сердце, от аромата духов слегка закружилась голова.

— Погодите, погодите, Лори, — пробормотал он, отстраняясь. — Нам надо все обсудить. Быть может, я что-то упустил...

— Нет-нет, я уверена, что все в порядке! — торопливо сказала девушка и, подойдя к буфету, достала из него бутылку вина и два бокала. — Неужели скоро весь этот ужас будет позади? Предлагаю это отметить, Марк.

— Э-э... я же совсем не пью, Лори. Пилотам такие вещи на пользу не идут, особенно если учесть мой возраст. Но вы можете отпраздновать за двоих, я не возражаю.

Девушка озадаченно посмотрела на него.

— Хорошо, — сказала она, — только сначала я приготовлю что-нибудь вкусненькое на ужин. Кое-что мне удалось припрятать. И вот еще что, Марк. — Она слегка покраснела: — Я хотела бы переодеться.

— Конечно!

Фрэзер поспешно ретировался в душевую. Когда Лори позвала его, ее было уже не узнать. На девушке было короткое, облегающее темно-синее платье с роскошной брошью в виде кометы. Золотистые волосы были распущены, на шее сверкало ожерелье... Фрэзер мысленно перекрестился и попытался вызвать в воображении образ Евы с ребятишками, но это ему не удалось.

Они уселись за овальным столиком, на котором были соблазнительно разложены диковинные для Ганимеда яства: розовые кружочки ветчины, консервированные омары и несколько апельсинов. И среди них сверкали два хрустальных бокала с вином темно-вишневого цвета...

Фрэзер с большим трудом удержался от соблазна выпить, зато закуске отдал должное. Насытившись, он удовлетворенно откинулся на спинку кресла. Девушка, не отрываясь смотрела на него, держа в руках бокал.

— Так что же вы придумали, Марк? — наконец спросила она.

Только сейчас он разглядел за ее спиной фотографию, висевшую на стене. Обычно колонисты предпочитали сентиментальные земные пейзажи, но Лоррейн оказалась исключением — на фотографии было изображено светящееся серебристое облако туманности NGC5457, окруженное мягкой мглой. На Фрэзера это подействовало отрезвляюще. Нет, они разные, совершенно разные...

— Проблема в целом делится на две части. Первая состоит в том, чтобы проникнуть на корабль незамеченными, разгреть двигатель и взлететь прежде, чем орудия «Веги» начнут огонь. Вторая — в том, чтобы оснастить «Олимпию» всем необходимым для длительного перелета.

Лоррейн кивнула, внимательно глядя на него.

— Насколько я понимаю, в Авроре еще не отключены линии связи с другими поселениями Ганимеда. Это верно?

— Да. По крайней мере, в моем распоряжении находится передатчик, с помощью которого я поддерживаю связь с рудниками. При желании я могу улучшить момент и войти в контакт с кем угодно. Только с кем?

— Скажем, с руководством Блоксберга. Этот городок находится в другом полушарии Ганимеда — не думаю, что Свейн сумел добраться до него. Глава его администрации Том Гебхард был с нами во время атаки на крейсер и, я уверен, не откажется нам помочь. Кстати, с его помощью можно будет связаться и с Сэмом Хоши.

— Вы попросите людей из Блоксберга подготовить все необходимые припасы для нашего перелета?

— Именно так. Ящики с грузом можно легко забросить в люк за пять минут, а уж в космосе я разберусь, что к чему. Не так много мне и надо: воздух, еда, вода и кое-какое

навигационное оборудование. Стимулирующие таблетки тоже пригодятся.

— Что вы задумали... «Олимпия» взлетит, выйдет на орбиту, а затем приземлится возле Блоксберга?

— Да. Но сначала я облечу вокруг Юпитера — тогда космоботы Свейна вряд ли сумеют проследить мою траекторию полета до конца. Адмирал скорее всего решит, что я направляюсь к одной из лун за помощью, и будет ждать меня где-нибудь около Ио или Каллисто. А я тихо-мирно вернусь к Ганимеду.

— Недурно задумано... Но откуда у Гебхарда навигационное оборудование?

— У него ничего подобного и нет. Но невдалеке от Блоксберга находится старый космодром, который и сейчас используется в непредвиденных случаях. Там на приколе стоят несколько выработавших свой ресурс лунных ракет. С них можно снять все необходимое.

— На это потребуется время, Марк. Вы должны дать людям Гебхарда хотя бы несколько циклов.

— А я и не собираюсь спешить с возвращением. Как вам нравится мой план?

— Отлично... но как же насчет его первой, части? Как проникнуть на «Олимпию»?

— Для начала вы должны вывести меня из города. Это возможно?

— Хм... После неудавшейся атаки крейсера Свейн стал крайне осторожен. У всех выходов стоит охрана, и без специального пропуска отсюда не выйти. О том, чтобы раздобыть краулер, я и не говорю — теперь ни одна машина не уходит в рейс без сопровождения астронавтов с «Веги».

— Мне не нужен краулер, я уйду пешком. С собой я возьму только сумку с инструментами.

— Что ж... я могу придумать правдоподобный предлог, чтобы выйти вместе с вами из Авроры. Скажу Свейну, что получила сведения о саботаже на одном из рудников и хочу осторожно проверить, так ли это. Предупрежу, что с собой

нужно взять некоего Криса Койлтера, техника-измерителя, и переносное контрольное оборудование. Охранники знают меня в лицо, но вряд ли сообразят, что вы тот самый Марк Фрэзер, который руководил отрядом мятежников. Я помогу вам пробраться на «Олимпию» и... и полечу с вами в Блоксберг!

— Что? Но тогда вам не миновать тюрьмы! — воскликнул Фрэзер.

— Боже, да после взлета «Олимпии» я буду там в большей безопасности, чем в Авроре! Любопытно, что сделает Свейн, когда узнает о нашем бегстве? Против космопорта Земли он бороться не сможет, так что ему останется либо капитулировать, либо сделать из жителей Ганимеда заложников. Но в любом случае он проиграет.

— Вашими бы устами... — улыбнулся Фрэзер. — Что ж, от помощи не откажусь, хотя вы здорово рискуете, Лори.

— Пустяки. Меня волнует другое — как проникнуть на «Олимпию»? Едва мы выйдем из города и направимся к ней...

— Нет, мы сделаем иначе. Вы останетесь ждать меня в тени под ее опорами, а я побегу в дальний конец летного поля. Заберусь в одну из лунных ракет, отключу систему безопасности и, закрыв сопла, включу двигатель.

— Что-о-о? Да корабль же взорвется!

— Да, но не так, чтобы повредить все космолеты вокруг. И все же фейерверк будет славный!

Лоррейн взволнованно вскочила.

— Марк, но это же очень опасно! Вы можете погибнуть!

— Риск, конечно, есть. Но прогрев двигателя займет несколько минут. А когда после взрыва начнется суматоха, мы под шумок проникнем на «Олимпию» и включим ее двигатели. Вряд ли ребята с «Веги» заметят это.

— Нет, это опасно, опасно...

— Не будьте ребенком, Лори... — Марк наклонился и ласково погладил ее руку. — Я все рассчитал. За полторы

минуты я добегу до «Олимпии», секунд тридцать уйдет на открытие грузового люка...

— Больше, Марк, куда больше! Он находится довольно высоко над землей, так что вам придется карабкаться по опоре и, держась за нее одной рукой, другой открывать плотно задраенный люк. Впрочем, вдвоем мы управимся быстрее.

Она замолчала и посмотрела на Фрэзера таким колдовским взглядом, что у него вновь закружилась голова. Не осознавая, что делает, он наклонился и поцеловал девушку.

Лоррейн поначалу отшатнулась от неожиданности, затем ответила ему страстным поцелуем. После чего с нервным смехом высвободилась.

— Вы уверены, что не хотите выпить, Марк?

— Н-нет... В этом приятном деле вам придется действовать за двоих.

Остаток вечера прошел чудесно. Они проговорили до полуночи, и Лоррейн много рассказала ему о своей прежней жизни. Фрэзер больше слушал, время от времени вызывая перед своим внутренним взором образ Евы. Это удавалось ему настолько хорошо, что в конце концов, не обращая внимания на разочарованный взгляд Лоррейн, он вновь улегся спать на полу.

Глава 13

На запад — и вверх. Где-то за прибрежными скалами находился хребет, который наярры называли Неистовыми горами. Там, возможно, все еще странствовала армия Вальфило в поисках пути к равнинам Меладона. Но догнать их было нельзя.

И тем не менее Теор упрямо продолжал карабкаться вверх по каменистым кручам. Ему просто не оставалось

ничего другого — разве что лечь и умереть. Холодный ветер бил ему в лицо, бросая навстречу клочья красного тумана. Этот туман сокращал видимость до нескольких шагов, стелась мерцающими облаками между ледяными скалами. В таких диких местах Теору еще не приходилось бывать. Где-то справа шумел горный поток. Он подумал: может, стоит попробовать добраться до него и половить рыбы? Возможно, другой пищи ему в ближайшее время найти не удастся. Но, поразмыслив, он отказался от этой заманчивой идеи — слишком велики были шансы заблудиться в каньоне. Или свалиться в какую-нибудь расщелину, закрытую туманом. На Юпитере с его повышенной гравитацией это могло оказаться еще опаснее, чем для человека на Земле.

Теор прошел сквозь небольшой лесок, а затем, после долгого и изнурительного подъема, оказался на обширном плато, казавшемся совершенно пустынным. То и дело одолевали приступы головокружения, в жабрах ощущалось болезненное жжение. Причина этого была ясна. Высокая гравитация планеты приводила к тому, что атмосферное давление с высотой уменьшалось очень быстро. Он поднялся всего лишь на милю над уровнем моря, а концентрация необходимого для дыхания водорода снизилась почти вдвое. Каждый шаг теперь давался наярру с трудом, приходилось часто останавливаться, опускаться на колени и отдыхать, содрогаясь от гулких ударов сердца.

Горы такой высоты были редкостью на Юпитере. В коре планеты постоянно накапливалось фантастическое количество энергии, которая высвобождалась в виде землетрясений, извержений вулканов и гейзеров. В атмосфере постоянно бушевали чудовищной силы бури — одна из них, занимающая пространство диаметром около 30 тысяч миль, была названа людьми Большим Красным пятном. Однако гравитация и эрозия заметно подавляли горообразовательные процессы.

Памятуя об этих рассуждениях Фрэзера, наярр надеялся, что горная гряда расположена не столь далеко и ему удастся

добраться до нее, не растеряв остатки сил. Но путь в никуда казался бесконечным, и Теор вскоре утратил представление о времени. Широкими зигзагами, в обход скал, он упрямо шел вверх, почти не глядя по сторонам. Он смутно сознавал, что по этим диким местам еще не проходило ни одно живое существо, но у него не было даже сил удивиться этому. Он окончательно ослабел от голода, и только мысль о том, что Линанта и Поре ждут помощи в осажденном городе, заставляла его передвигать отяжелевшие ноги.

Подняв голову, он посмотрел вперед, но увидел лишь стену ущелья, испещренную жилами различных минералов. Испарения аммиака, поднимавшиеся с поверхности моря, конденсировались в атмосфере и, проливаясь дождями, давали начало бесчисленным горным потокам и ручьям. Частично они успевали замерзнуть и создавали нагромождения в виде льда и снега, которые очень мешали Теору. Дышать стало еще труднее — мешал острый, неприятный запах.

Зато мгла стала отступать. Несмотря на ночь, в горах было почти так же светло, как днем на равнине. Но Теору это мало помогало — для ориентации он использовал в основном инфракрасное излучение предметов, а на такой высоте камни блестели совсем иначе, чем на относительно теплой равнине Медалона.

Остановившись передохнуть, наягр в сотый раз щелкнул переключателем на диске коммутатора. Ответом на его призыв было только завывание ветра. Хотя чем мог бы сейчас помочь Марк? Ничем. И все же голос друга подействовал бы на Теора успокаивающе...

Придя в себя, Теор продолжил свой нескончаемый путь. Силы были на исходе. Он понимал, что гибель близка, и в глубине души даже радовался, что скоро мучениям придет конец. И только воспоминание о семье заставляло его брести вверх по осыпающимся кручам.

Туман вновь стал сгущаться, окрасившись в бурый цвет. Ветер стих, но откуда-то сверху доносился прерывистый

свист. Едкий воздух жег жабры до боли. «Здесь не должно быть вулканических газов — что же это тогда? — с тревогой подумал Теор. — Какие дикие места... Однако старики поговаривали, что где-то здесь обитает Скрытый народ и творит среди облаков свое колдовство...»

Навстречу ему внезапно понесся поток воздушных хлопьев, совсем не похожих на снег. Теор протянул руку и поймал одну из снежинок». К его изумлению, она зашевелилась на ладони. Оказалось, что она состояла из крошечных восьмиконечных звездочек, которые были живыми существами! Теор тщательно обследовал их усиками. Запах был незнакомым, но острый голод заставил его положить комочек «снежинок» в рот. Вкус оказался чуждым и неприятным, но желудок принял эту ничтожную порцию пищи и потребовал еще.

И только тогда Теор осознал, насколько все это было невероятно. Здесь, высоко в горах, не могло быть ничего живого! Но было! И не легендарные летуны Скрытого народа, в которых он никогда не верил, а еле различимые глазом «звездочки». Они могли спасти его от голодной смерти — только как поймать достаточное количество «снежинок»? Дома он легко решил бы эту проблему, сделав мешок из листьев дарвы. Здесь же, среди скал, не было заметно и следа растений. Хотя... Раз один вид живых существ здесь существовал, то могли встретиться и более высокоорганизованные животные. Может быть, он входил в некий высокогорный слой биосферы, о котором наяры даже и не подозревали?

Вновь он услышал откуда-то сверху пронзительный свист и насторожился. Этот звук вполне могло издавать какое-нибудь существо. Или... Теор вспомнил легенды о Скрытом народе и поежился, но вновь продолжил подъем — что еще оставалось делать?

Облака стали сгущаться. Наярр некоторое время шел, глядя в небо, — и едва не свалился в пропасть. Оказалось, что он вышел на край горы. Вниз уходила крутая, гладкая

стена, словно отрубленная гигантским топором. Ее поверхность влажно блестела от налипшего тумана. Теор подобрал обломок льда и швырнул в пропасть. Он услышал один удар о стену, второй, третий... Момента, когда осколок упал на дно, он не уловил. Вздрыгнув от ужаса, Теор понял, что находится в верхней точке своего подъема, и скорее всего — в конечной. Дальше пути не было.

— Уш! — обругал он себя. — Умереть я всегда успею. Надо идти, пока есть силы.

Он оглядел гребень горы и заметил, что тот заметно опускается в восточном направлении. Туда он и пошел, стараясь не смотреть в пропасть. Теперь ветер дул ему в лицо, осыпая крупными хлопьями «звездочек». Внезапно позади послышался уже знакомый резкий свист. Теор оглянулся и с проклятием отпрыгнул в сторону. Притаившись за уступом скалы, он выхватил нож. Из тумана вынырнуло какое-то существо и, не обратив на наярра внимания, промчалось над пропастью и исчезло. Землянин мог бы сравнить это животное с длинными плавниками и густыми усиками вокруг огромного рта с китом. Теор же не видел ранее ничего подобного. Несколько минут он выжидал, пытаясь прийти в себя.

«Вот еще одна форма жизни — да еще какая! — ошеломленно подумал он. — Никогда не думал, что такие монстры могут плавать в облаках. Выходит, мы обитаем на дне необъятного воздушного океана, полного поразительных существ!»

Он вспомнил рассказы Фрэзера о том, что приборы землян зарегистрировали в верхних слоях атмосферы Юпитера наличие большого количества микроорганизмов. Тогда Теору это сообщение показалось неинтересным. Что за важность, если где-то над облаками летают мириады крошечных существ, которых даже нельзя разглядеть? Только теперь он понял, что именно эти незаметные глазу живые песчинки могли служить пищей для более крупных животных.

Будь Теор менее усталым, он вспомнил бы рассуждения Фрэзера на эту тему. По словам землянина, даже на значительных высотах воздух на Юпитере такой плотный, что способен удерживать предметы довольно значительного удельного веса. Немало здесь и распыленных веществ, скажем, соединений натрия, которые и создают роскошный цветной наряд Юпитера, а также частиц распавшихся в пыль микрометеоритов. Кроме того, верхний слой атмосферы принимал извне энергии больше, чем отдавал поверхности планеты, и потому был способен поддерживать фотосинтез на основе водорода и аммиака. Все это могло служить источником существования простейших форм жизни. Марк еще говорил, что на его родной Земле все было иначе и жизнь зародилась в океане и только много позже распространилась по атмосфере до больших высот.

Но сейчас наярру было не до подобных отвлеченных рассуждений. Он едва держался на ногах от голода и усталости и никак не мог придумать, как преодолеть пропасть. Задача казалась неразрешимой...

Вскоре из тумана выросла отвесная стена, преграждая ему путь. Обойти ее оказалось невозможно.

«Надо вернуться и поискать другую дорогу, — вяло подумал наярр. — Только что толку? Лучше потратить оставшиеся силы, вспоминая все лучшее, что было в моей жизни.

Но погоди... А это еще что?»

Только сейчас Теор разглядел колеблющуюся массу, лежащую у подножия стены. Дерево? Нет, но чем-то похоже...

Он подошел ближе и увидел огромный лист, почти квадратной формы со сторонами длиною не менее четырех футов. Его поверхность казалась выпуклой, но, приглядевшись, наярр понял, что лист просто лежит на валуне. Из углов тянулись толстые пушистые нити, опутывающие лежащее рядом бородавчатое «бревно». Когда Теор попытался приподнять его, выяснилось, что оно почти такое же тяжелое, как и он сам.

Наярр озадаченно задумался. Какое гигантское растение могло разбрасывать в воздухе эти летающие «парашюты» с семенем? Он приподнял край листа и увидел, что его наружная поверхность вполне могла собирать энергию солнечных лучей, а внутренняя, пушистая — впитывать аммиак и минеральные соединения из облаков.

Теор попытался вскрыть ножом бородавчатое «бревно» — внутри могло находиться съедобное содержимое — но оболочка оказалась твердой как камень. Вскоре он оставил бесполезные попытки и задумался: а не сделать ли из листа мешок для ловли летающих «звездочек»? Оставшуюся часть вполне можно было использовать как одеяло. Ведь он так долго страдал от холода...

Внезапно сильный ветер приподнял лист, и Теор едва успел схватиться за длинные нити. Его поволокло к краю пропасти. «Положись на свое счастье, — сказал себе наярр. — Ты ведь не раз летал на форгарах. Вспомни о Линанте и Порее. Они так ждут твоей помощи!»

Нож дрожал в руке, когда он обрезал нити, освобождаясь от тяжелого «бревна». Пальцы немедленно покрыл липкий сок. Нити начали выскальзывать из рук, и тогда Теор стал лихорадочно обвязывать их вокруг своего туловища. И вовремя — ветер поднял лист, и тот, словно парашют, потащил наярра по льдистому склону, постепенно поднимая в воздух. Мимо мелькали иззубренные камни. Ударившись о любой из них, Теор мог погибнуть, и в худшем случае — не сразу, а после страшных мучений. При этой мысли он изо всех сил натянул «стропы» и постарался как можно плотнее прижаться к листу. Нити больно врезались в тело, и он едва не закричал. Но вскоре наярр сорвался с края скалы и поплыл над бездной.

Фрэзер ничего не рассказывал ему о восходящих потоках воздуха — на равнинах Медалона они были редкостью и не отличались особой силой. Здесь же, в горах, где давление было низким, а перепады температур — значительными, тепловые потоки были способны создавать заметную

подъемную силу. Она во многом определяла траекторию полета «парашюта» Теора, который мог только беспомощно висеть на месте семени этого летающего растения и надеяться на удачу.

Сильный порыв ветра подхватил наярра и понес ввысь, в клубящиеся облака, под которыми, казалось, была бездонная пустота.

Глава 14

Звучал ли этот странный свист в его помутившемся сознании, или где-то в ночи к нему неслась смерть?

Теор открыл глаза и увидел крылатые тени, вынырывающие из облаков аммиака и вновь исчезающие в них. Это их пронзительный свист смешивался с шумом ветра и звоном: туго натянутых «строп» «парашюта».

Наярр не знал, как долго продолжался его полет, поскольку некоторое время находился в полубессознательном состоянии. Но постепенно ощущение реальности вернулось к нему, и тогда он понял, что воздушный поток несет его вниз, к противоположной стене ущелья.

Внезапно он вырвался из облаков и едва не ослеп от яркого инфракрасного сияния солнца, низко висевшего над горизонтом. Теор впервые увидел полукруг радуги, создаваемой лучами, проходящими через пыль из мельчайших ледяных кристаллов. Далеко внизу была видна огромная равнина, серая, неровная, переходящая на востоке в коричневые полосы лесов. За ними небо озарялось красными сполохами — там должны были находиться вулканы. Сейчас они были окутаны мглой, да и Теору вскоре стало не до них.

Его окружали странные летающие существа ростом приблизительно фута три. Тела их были плоскими, похожими на рыбы, с двумя перепончатыми крыльями по бокам. Две

ноги заканчивались острыми крюкообразными когтями. Змеевидные шеи были увенчаны остроносыми головами с небольшими глазками. Летуны, казалось, были дикими животными, но вскоре Теор разглядел у них по паре рук с длинными пальцами. Некоторые из летунов несли веревки, остальные — гарпуны.

«Скрытый народ, — похолодев, подумал Теор. — Выходит, рассказы об этом племени не были легендами...»

Сопrotивляться здесь, высоко в воздухе, было бесполезно, и наярру оставалось только безропотно ожидать, что с ним будут делать летуны. Крылатые существа вихрем носились вокруг него, пронзительно пересвистываясь между собой. Горловых мешочков у них не было, и звуки летуны воспроизводили ртом. Не было видно у них и жабер. «Похоже, Скрытый народ дышит таким же способом, как и земляне, — подумал Теор. — Марк, Марк, где ты... Я помню твои рассказы об эволюции на Земле. Неужели нечто подобное было и здесь, и некогда у нас, наярров, и у Скрытого народа были общие предки?»

Поначалу летуны не проявляли агрессивности, и Теор стал надеяться, что ему разрешат спуститься. Но внезапно его туловище обвили арканы — один, второй, третий... Наярр и не пытался отбиваться — нацеленные на него гарпуны выразительно свидетельствовали, что это бессмысленно. Петли опутали и его передние ноги. Натянув веревки, летуны потянули его за собой, словно взяв на буксир. Крылья с шумом хлопали в воздухе. От боли в тесно стянутой груди Теор едва не потерял сознание, но чуть позже ему полегчало... И тогда он решил расслабиться и немного отдохнуть. Как знать, быть может, у него еще появится шанс на спасение?

Вдали появилось странное сияющее облако. Один из летунов ринулся вперед и вскоре вернулся, о чем-то пронзительно свистя. Ему ответил хор голосов, но Теор, как ни пытался, не мог понять ни единого слова.

Увидев, куда его тащат, он не удержался от изумленного крика. Это было невероятное скопление светящихся шаров, какой-то силой спрессованных в плавающее в небе облако толщиной в сотню футов и около полумили в диаметре. Поверхность этого летающего города была усеяна бесчисленными округлыми вмятинами, похоже, служившими летунам гнездами.

В одно из таких гнезд и принесли Теора. Пузырчатая поверхность слегка прогнулась под его ногами. Наярр пошатнулся и увидел, как на него угрожающе нацелились острия гарпунов. Двое летунов отрезали острыми обломками костей «парашютные стропы», а затем и веревки, сжимавшие его торс. Путы на ногах были из предосторожности оставлены. Теор усмехнулся — неужто они всерьез считали, что он попытается бежать?

Несколько летунов продолжали кружиться над его головой, о чем-то возбужденно пересвистываясь. «Надо им как-то ответить», — вяло подумал Теор, но силы совсем оставили его. Не обращая внимания на происходящее вокруг, он закрыл глаза и погрузился в дрему.

Его разбудил рассвет. Некоторое время Теор тупо оглядывался по сторонам, не понимая, где находится. Постепенно память стала возвращаться. Он был в летающем городе Скрытого народа!

Летуны суетились в гнезде, занятые своими делами, и не обращали на него внимания. Теор рискнул выбраться наверх. С трудом передвигая спутанные ноги, он поднялся по пологому склону и вышел на край гигантского пузырьчатого облака. Далеко внизу курилась утренним туманом равнина Медалона. Теор увидел на юге горы Джоннари, тянувшиеся до самых подножий могучего хребта Дикой Стены. На севере дымились жерла вулканов. Отсюда, с огромной высоты, все это казалось непривычно маленьким, расплывчатым и недостижимым...

Упругие шары под его ногами мягко колыхались на ветру. Пушистые облака неспешно проплывали мимо, уходя к дуге океанского берега, неясно вырисовывающегося на западе. Теор вспомнил о своих приключениях на море и сразу же потерял охоту любоваться потрясающей панорамой. Повернувшись, он поплелся назад к гнезду.

Летуны — как ему показалось, в основном женщины и молодежь — неустанно трудились в своих гнездах. Одни из них раскладывали сушиться куски мяса, другие очищали странного вида фрукты, третьи свивали веревки из волокон незнакомых Теору растений. Рядом с ними стояли искусно сплетенные корзины. Инструментами служили обломки трубчатых и хрупких на вид костей. К Теору немедленно подскочил мужчина с гарпуном и, угрожающе жестикулируя, заставил быстрее идти к своему гнезду. Древко его оружия было собрано из тех же трубчатых костей, а в качестве наконечника служил остро отточенный клык какого-то животного.

От голода и недостатка воздуха Теор все еще туго соображал, но сон немного подкрепил его. «Бедные варвары, — с жалостью подумал он, — да вы менее цивилизованны, чем даже Лесные люди! Ну конечно, у вас же нет ни льда, ни

минералов, ни древесины. Похоже, вы не рискуете спускаться на поверхность и живете только на этих высотах».

Пожалуй, лишь летающий город мог вызвать восхищение. Составляющие его легкие шары, по-видимому, были сорваны с каких-то плавающих в воздухе растений. Естественным путем они не могли собраться в такое гигантское облако — это явно было делом рук многих поколений летунов. Но что соединяло шары друг с другом — неужели клей? Теор мог только догадываться об этом.

Его взгляд остановился на веревках, стягивающих передние ноги. Как ни странно, летуны оставили нож у него на поясе, даже не заинтересовавшись им или просто не разглядев в темноте. Теор легко мог освободиться. Но почему его связали — из осторожности, или причина была в чем-то похуже?

Громкий пересвист заставил его поднять глаза к небу. На край гнезда спустились двое мужчин с гарпунами в руках. Теор невольно залюбовался их странными, завораживающими глазами и вспомнил фантастические истории, которые старики рассказывали о Скрытом народе. Жаль, что они казались лишь легендами...

— Приветствую вас! — сказал он, но не получил ответа.

Вряд ли летуны знали язык наярров, ведь контакты между двумя расами могли быть лишь случайными и мимолетными. Скорее всего, только ранения и болезни могли заставить эти крылатые существа спускаться вниз, на равнину — к мраку, удушливо густому воздуху и невыносимой жаре. Но вряд ли даже эти немногие летуны смогли вернуться к своим сородичам и рассказать о другой жизни и других племенах.

Трое охранников о чем-то возбужденно пересвистывались — их мелодичный разговор показался Теору прекрасной песней. Но внезапно они подняли гарпуны и угрожающе двинулись к наярру.

Тот невольно отшатнулся. Спутанные ноги подкосились, и он упал.

— Чего вы хотите от меня? — в отчаянии воскликнул он. — Зачем вы принесли меня сюда, если хотели просто убить? Неужто вы, подобно улунт-хазулам, не имеете понятия о жалости и сострадании?

Охранники переглянулись, явно ничего не поняв из его слов. Да и глупо было бы надеяться, что взаимопонимания удастся достигнуть в первый же день. Теор вспомнил, каким трудным был путь наярров и землян друг к другу. Немало циклов потребовалось, чтобы наярры стали воспринимать звуки, издаваемые небесными камнями, как звуки речи других разумных существ. Вряд ли летуны знали о поверхности Юпитера больше, чем люди с Ганимеда...

Теор решительно выхватил нож и одним движением рассек веревки, опутывающие его передние ноги. Охранники замерли: они не ожидали от пленника такой прыти. Наярр вскочил на ноги и, подняв нож, протянул летунам другую руку с растопыренными пальцами.

— Я таксе же разумное существо, как и вы, — четко сказал он. — Я произношу слова, а не издаю бессмысленные звуки подобно диким животным. Взгляните на мои пальцы — разве они могут принадлежать твари, лишенной мозга?

Он старался не двигаться, чтобы не испугать летунов. Им ничего не стоило вонзить гарпуны ему между ребер, и даже странно, что они еще этого не сделали. Возможно, они ждали дневного света, чтобы толком рассмотреть пленника.

Теор указал на пояс, стягивающий его торс, и на диск коммуникатора.

— Посмотрите на эти вещи — животные не могут иметь ничего подобного. И еще вспомните, как хитроумно я летел в воздухе, привязав себя к листу дерева. Неужто это не доказывает, что я обладаю разумом?

«Вряд ли эти дикари осознают различие между собой и остальными живыми существами, — равнодушно подумал он. — Они неспособны даже удивиться, что пойманное ими «животное» ведет себя столь разумно».

Но летуны, как оказалось, были весьма озадачены его поведением. Один из охранников опустил гарпун и, повернув к пленнику свой изогнутый клюв, что-то просвистел. Найрр покачал головой.

— Прости, друг, но я не понимаю тебя. Хотя... помнится, земляне начали контакт с того, что показали нам множество рисунков.

Он снял с себя веревки и на одной из них стал завязывать узлы. Затем опустился на колени и выложил на одном из шаров контур, в котором можно было без труда узнать голову летуна. Это произвело на охранников ошеломляющее впечатление. Обрадовавшись, Теор вскочил на ноги, и летуны немедленно в испуге взмыли в воздух. Теор замер, не зная, что делать. Охранники кружились над ним, размахивая гарпунами, но никто из них не сделал рокового броска.

Успокоившись, Теор выразительно указал на свой рот, давая понять, что голоден. Летуны поняли его, и один из них улетел к центру города и вскоре вернулся с куском мяса и несколькими шаровидными плодами. Они содержали едкий сок, которым найрр наконец-то смог утолить мучавшую его жажду. Поев, он окончательно успокоился — вряд ли бы его накормили, если бы хотели убить.

Действительно, один из охранников вскоре спустился на край гнезда и начал делать знаки, которые можно было понять так: говори, я слушаю. Теор, жестикулируя, стал объяснять, что живет на поверхности и его дом находится там, на горизонте, где светятся жерла вулканов. Он дал понять, что хочет быть перенесенным туда, — конечно, о далеком Найрре и речи идти не могло. Но остатки армии Вальфило, по его представлению, бродили где-то в лесах за вулканами, и это давало ему шанс на спасение.

Теор несколько раз повторил эту нехитрую просьбу, и летун, казалось, понял его. И сразу же отшатнулся в ужасе. Было ясно, что полет к земле его страшит. Да и почему они должны ради пленника идти на риск?

Теор вновь вынул нож и продемонстрировал, как здорово ледяное лезвие может резать веревку — куда лучше, чем обломки костей. Затем он объяснил жестами: отнесите меня к вулканам, и нож будет ваш.

Охранник в ответ сделал выразительный выпад гарпуном. Теор понял его так: проще тебя убить, чужеземец, и без хлопот завладеть ножом.

Наярр вздрогнул — он понял, что загнал себя в ловушку. Но ему в голову пришла спасительная мысль, и он бросился к краю летающего облака. Встав на шар рядом с пропастью, он поднял нож и объяснил жестом, что если он умрет, то и нож упадет вместе с ним.

Охранники стали озадаченно пересвистываться. Наконец один из них улетел. Теор уселся на шар и стал ждать.

Летун вернулся довольно скоро и не один, а по крайней мере с десятком своих сородичей. Они закружились над наярром, и тот вздохнул с облегчением: в их руках не было гарпунов. Летуны приняли его условия!

Двое аборигенов подошли к гнезду, таща за собой «парашют» Теора. Тот торопливо стал обматывать остатки «строп» вокруг туловища.

— Я могу только положиться на вашу честь, — пробормотал он, лихорадочно пытаясь сообразить, какую ловушку летуны могут ему подстроить.

Один из них вновь указал на нож, но наярр в ответ решительно указал в сторону вулкана. Существо выразительно вздохнуло и поднялось в воздух. Ухватившись за свободные концы нитей, летуны потащили Теора к краю облака. Вскоре он уже плыл в небе, провожая взглядом летающий город Скрытого народа. «Даже странно, — подумал он, — что никто из наярров ни разу не видел подобных городов и животных, обитающих в этих слоях атмосферы». Впрочем, на такой высоте, не менее мили, редко появлялись просветы между облаками, а сами летуны были попросту незаметны с земли.

«Парашют» с наярром быстро плыл над лесом, плавно снижаясь. Летуны, похоже, честно собирались выполнить свою работу. Но с каждой минутой она давалась им все с большими и большими усилиями. Теор же, напротив, чувствовал себя с каждой минутой все лучше и лучше. Он наконец-то нормально дышал, да и мучивший его холод стал постепенно отступать. Вскоре несколько летунов, не выдержав, бросили нити и умчались ввысь, но остальные, к счастью, не последовали их примеру.

«Каким же сокровищем должно быть для них это ледяное лезвие!» — с удивлением подумал Теор. Здесь, внизу, концентрация водорода возросла почти вдвое, и дышать ему стало совсем легко, но как же такой воздух жег, должно быть, горла бедным летунам! И все же они держали свое слово.

Впереди стал неясно вырисовываться силуэт одного из вулканов. Он был относительно невысок, и Теор видел сверху его кратер, похожий на овальное озеро огня. Столб дыма поднимался высоко к дождевым тучам. Далеко на востоке небо озаряли вспышки молний — там всюду бушевала гроза.

«Парашют» снизился настолько, что наярр услышал, как шумит лес под порывами ветра. Запахи стали резкими и густыми, и Теор замахал руками, пытаясь защитить органы обоняния. Летуны завывали. Здесь, внизу, для них царила глубокая ночь, освещенная лишь светом вулканического огня. И все же они мужественно ринулись вниз.

Волнистая поверхность стремительно приближалась навстречу Теору. Он сильно ударился согнутыми ногами о землю, перевернулся несколько раз да так и остался лежать, ошеломленный. Затем, дрожа, поднялся и осмотрелся. Он находился на обширной поляне среди высоких деревьев, над которыми грозно возвышался конус вулкана, извергающий красный столб дыма. Летуны, вереща, кружились над его головой.

Непослушными руками наярр стал освобождаться от «парашюта», разрезая ножом прочные нити одну за другой. Порыв ветра приподнял лист и потащил Теора в сторону. Еще один удар — и он был свободен. «Уллола, я все-таки спасся! — с восторгом подумал он. — И все благодаря Скрытому народу. Надо честно расплатиться с ними... хотя здесь, в этом диком крае, нож мне бы очень пригодился. Да что делать...»

Один из летунов спустился на землю, закутавшись в крылья, выжидающе посмотрел на наярра. Тот подошел к крылатому существу и протянул сверкающий клинок.

— Прощай, брат, — сказал он. — Спасибо за все, что вы сделали для меня.

Летун что-то просвистел ему в ответ и, схватив нож, немедленно поднялся в воздух. Его собратья сделали над наярром последний круг и по широкой спирали медленно поплыли к облакам. «Они знают об эффекте декомпрессии — Марк как-то рассказывал о нем, — подумал Теор. — Не скоро мои друзья-летуны вновь увидят солнце. Ну а моя дорога домой будет еще более далекой...»

Ему нельзя было терять время, но Теор стоял посреди лесной поляны, пока последний летун не исчез в облаках.

Глава 15

Проводив взглядом новых друзей, Теор внимательно осмотрелся и почувствовал, как страх вновь закрадывается в его душу.

Он находился на краю леса, состоявшего из толство-ствольных деревьев с низко стелющимися ветвями и характерной для Юпитера листвой, которая землянину напомнила бы легочную ткань. Их своеобразный фотосинтез основывался на реакции получения водорода путем разложения

метана и аммиака. Поскольку солнечного света не хватало, важную роль играла площадь поверхности листвы — при «легочной» структуре она была максимальной. Кроны редко поднимались выше пятнадцати футов, но лес казался наярру бесконечным. Вальфило мог быть, где угодно среди этого океана деревьев. В одиночку же путь к городу не одолеть...

Теор перевел взгляд на мрачную громаду вулкана, над которым поднимался яркий столб дыма. Вскоре Теор услышал глухой рокот и почувствовал, как под ногами задрожала земля. Он был знаком с вулканическим огнем, не раз ему приходилось помогать кузнецам в Атхе. Но тогда его окружали опытные мастера с инструментами. Теперь же он был один, и, кроме пары рук, у него ничего не было, даже простейшего оружия.

Но наярр не стал поддаваться панике. Он пошел в сторону вулкана, внимательно глядя по сторонам. Вскоре он нашел среди корней деревьев пару обломков льда, в кристаллах которого было немало соединений кремния и магния. Для наярра это было то же самое, что обсидиан для древнего человека. Теор умело расколол один из камней на куски. Самый крупный можно использовать в качестве топора, а несколько мелких — как наконечники для копий. Затем он разыскал среди деревьев кусты ларрика, отличающиеся тонкими и прямыми ветвями, и срезал самую длинную из них. Из обтесанной ветви получилось вполне удовлетворительное древко для копья. Расщепив его конец, наярр закрепил там один из наконечников и крепко привязал тонкими корнями. Оставшиеся наконечники наярр завернул в лист дерева и засунул за пояс. Оружие получилось грубым, неуклюжим, уступало даже копьям дикарей, но Теор был рад и такому. Он сразу же почувствовал себя куда увереннее.

Теперь надо заняться пищей. Наярр не очень-то тешил себя надеждой, но, видимо, удача окончательно вернулась к нему. Скоро он набрел на след скальпада. Теор в нерешительности остановился. С этим грозным зверем трудно

справиться в одиночку, да еще с таким примитивным оружием. Но это было мясо, много мяса...

«И не только мясо», — внезапно подумал наярр с волнением. Панцири скальпадов использовали в кузницах Атха в качестве котлов для выплавки металлов. Огня же на склонах вулкана должно быть предостаточно!

Ему пришла в голову неплохая идея, и он решительно двинулся в глубь леса. Возбуждение перед предстоящей схваткой охватило его.

Теор нашел скальпада на поляне, среди густого кустарника. Зверь кормился, переламаывая мощными челюстями жесткие ветки. Его куполообразный панцирь медленно плыл в озере листвы. Не раздумывая, Теор с воинственным кличем бросился в атаку.

Ему навстречу поднялась бронированная шея; увенчанная массивной головой. Усики зверя выпрямились. Мгновение скальпад изучал нежданного противника, а затем раскрыл пасть с крючкообразными клыками и заревел. Взбрыкнув похожими на столбы ногами, он тяжело побежал Теору навстречу.

— Кей-юи! — закричал наярр и метнул копьё, целясь в горловой мешочек зверя. Острие с глухим звуком вонзилось точно в незащищенную плоть.

Скальпад закружился на одном месте. Теор едва увернулся от челюстей, которые легко могли перекусить его руку. Зверь затряс головой и о валун разбил в щепки древко копья. Фонтан крови взметнулся над кустарником. Похоже, рана оказалась смертельной, но наярр не мог ждать — ночь приближалась быстрее, чем гроза. Он взял в одну руку топор, а в другую — самый крупный из оставшихся наконечников. Наярр сделал несколько кругов вокруг бьющегося в конвульсиях животного и, выждав удобный момент, вонзил наконечник в глаз скальпада. Тот яростно взвыл и едва не отхватил ему кисть. Теор вновь стал терпеливо кружить вокруг поверженного зверя, с трудом уворачиваясь от щелкающих челюстей. Несколько раз он бросал наконечники, словно кинжалы, в голову скальпада, но промахивался. Когда у него не осталось ничего, кроме топора, он отчаянно бросился в атаку, бешено нанося удары. Скоро он с ног до головы был забрызган кровью отчаянно защищавшегося животного. Это была трудная, опасная схватка, и, когда усики скальпада окончательно поникли, Теор уже едва держался на ногах.

Приближалась буря, и у Теора не было времени для отдыха. Крепко сжав скользкий от крови топор, он принялся разделывать тушу. Отрезав сочный кусок мяса, он взялся за панцирь, который непременно хотел захватить с собой. Вокруг закружились птицы-могильщики, ожидая своей доли, а со стороны деревьев послышался угрожающий вой. Теор торопливо свернул панцирь из толстой кожи и пошел в сторону вулкана.

Его склоны были относительно пологими и не шли в сравнение с прибрежными скалами, но наярр едва передвигал ногами от усталости. Не успел он одолеть и половины подъема, как начался дождь. Тяжелые капли аммиака больно хлестали по его телу. Низкие облака то и дело

освещались вспышками молний. Из кратера вместе с красным дымом повалил еще и серый пар, и вскоре Теора окутали клубы тумана, в которых плясали бесчисленные искры. Идти стало еще труднее, зато пар немного защищал от жара, пышущего из многочисленных трещин в лаве. Вскоре Теор нашел то, что искал, — небольшую дыру в склоне, из которой хлестали языки пламени. Почувствовав едкий запах, жабры наярра немедленно закрылись, и он вынужден был отступить, чтобы глотнуть относительно чистого воздуха.

Затем он приступил к сооружению стенки вокруг маленького жерла. Ему пришлось перетаскать множество обломков камней, пока края этой «чаши» не стали относительно ровными. Развернув панцирь, наярр разместил его на «горне», словно котел. Дождь быстро наполнил его жидким аммиаком, который немедленно стал испаряться.

Теперь ему не оставалось ничего другого, кроме как ждать и надеяться на удачу. Невдалеке он нашел торчавшую из склона небольшую скалу и спрятался под ее козырьком, словно под крышей. И только тогда он наконец-то смог утолить голод. То, что мясо скальпада было сырым, нисколько его не смущало — кулинарным искусством наярры пока еще не овладели. Правда, дома он иногда пробовал вареное мясо, добавляя в бульон специи. Дом... Существует ли он еще, или враги превратили Наярр в развалины?

Насытившись, он улегся на бок и задремал. Непогода разгулялась вовсю, дождь хлестал нещадно, но это вполне устраивало Теора — котел все время наполнялся.

Дождь продолжался всю ночь, весь день и еще одну ночь. Все это время Теор проспал, приходя в себя после пережитых потрясений. И только когда над вулканом стал подниматься туман, уходя в посветлевшее небо, он очнулся и почувствовал себя вполне отдохнувшим. Впервые после отплытия из Медалона он с оптимизмом смотрел в будущее. Перекусив, он быстро пошел к своему «горну». Панцирь скальпада был затянут черной коркой. Разбив ее, наярр

увидел на дне солидных размеров металлическую отливку. Это был почти чистый натрий.

Как-то эту идею высказал Марк Фрэзер. Землянин объяснил Теору, что натрий хорошо растворяется аммиаком и образует с ним ряд соединений — именно они и придавали облакам Юпитера характерную окраску. Дождь в течение многих часов наполнял панцирь жидким аммиаком, который, испаряясь, оставил на дне достаточное количество натрия. Теперь оставалось только пустить его в ход, но для этого нужно было подняться к жерлу вулкана.

Несколько часов Теор карабкался на гору с южной стороны. Склон становился все круче, а жар от подземного огня — все сильнее. Дышать становилось все труднее, и наярр часто останавливался, чтобы передохнуть. В эти минуты он неотрывно смотрел на огромную лесистую равнину, тянущуюся до самой Дикой Стены. Где-то там должна была находиться армия Вальфило, его последняя надежда на спасение. Но сначала нужно было дать знать о себе. Именно для этой цели Теор и добыл натрий.

К ночи он добрался до края кратера. Полуослепший, едва дышащий, он тем не менее нашел в себе силы заглянуть в кипящее жерло вулкана. Это было ужасное, невероятное зрелище. Наярр отшатнулся, но вновь заставил себя подойти ближе. Оторвав от мягкого слитка кусок, он швырнул его в озеро огня.

Едва он успел укрыться за ближайшим обломком лавы, как язык пламени вскипел там, где он только что стоял. Часть дымного столба тотчас окрасилась в желтый цвет. Через некоторое время он бросил второй кусок металла, за ним — третий. Выждав солидную паузу, он метнул в кратер четвертый кусок и наконец — пятый. И каждый раз столб дыма немедленно менял свой цвет. Это было визуальной интерпретацией барабанного сигнала: «Жду помощи!»

Оставшейся части слитка хватило только, чтобы еще один раз повторить просьбу о помощи. После этого Теору оставалось одно — ждать. Он полагал, что вспышки и

изменение цвета дыма должны быть заметны на расстоянии многих десятков миль. Но видели ли все это воины Вальфило? И захотят ли они вернуться, чтобы помочь неизвестно кому?

Теор спустился в свое убежище под скалой и, тяжело дыша, стал ждать. Ночью он заснул беспокойным сном.

Под утро его разбудил топот чьих-то ног. Оглядевшись, Теор с радостью увидел двух воинов, поднимающихся по склону горы. Увидев сородича, они галопом понеслись ему навстречу.

— О, да это же Рива, наш Рива!

Теор с волнением обнял товарищей. Ему не верилось, что долгий и трудный путь в полном одиночестве по диким горам остался позади — вряд ли хоть один юпитерианин прежде одолевал такой. Но борьба еще не закончилась...

— Нам надо немедленно уходить, — сказал он. — Это плохое место для наярров.

Оказалось, что разведчики прилетели к подножию вулкана на форгарах и предусмотрительно захватили с собой еще двух. Перед тем как отправиться в обратный путь, они коротко ответили на вопросы Теора.

— Нам нечего особенно рассказывать, сын Элнора, — грустно сказал один из воинов. — Мы не могли оставаться на побережье, и потому перешли через перевал и остановились в лесу, на берегу озера. Там мы и раскинули лагерь. Наше начальство так и не решило, что делать: вернуться и умереть в бою либо ждать подкрепления. Некоторые считают, что мы должны направиться на восток Медалона, а затем двигаться на юг, пока мы не разыщем Лесное племя. Этот народ умеет драться и может помочь. Но другие говорят, что за это улунт-хазулы могут захватить всю страну. И первым падет Наярр.

— Да, у нас осталось мало времени, — согласился Теор. — Горожане не смогут долго выдержать осаду, тем более что запас продовольствия у них невелик. Затем погибнут мастерские Атха — враг не оставит там камня на камне. Даже

если нам и удастся отвоевать оставшуюся часть Медалона, без Найрра и Атха мы обречены. Узнав, что наша цивилизация гибнет, на нас со всех сторон ринутся орды дикарей.

Он продолжал размышлять об этом, пролетая на форгаре над лесом. Что же делать, как выиграть войну у куда более сильного противника? Ясного ответа он так и не нашел, но после всего происшедшего его вера в собственные силы значительно возросла. В лагерь около озера он вошел решительным шагом и сразу же направился к шатру Вальфило, над которым развевалось знамя армии найрров.

Покрытый шрамами ветеран с неподдельной радостью приветствовал сына Элкора. Он был поражен, выслушав историю о скитаниях Теора. Подробно рассказав обо всем, что произошло во время отступления его войска, Вальфило спросил:

— Что предлагаешь делать, сынок?

— Как можно быстрее идти в Медалон, — решительно ответил Теор. — Если мы пересечем Дикую Стену через Ворота Ветра, то выйдем на равнину недалеко от реки Брантор. В тех местах растет густой лес, и мы можем построить плоты и быстро и незаметно спуститься вниз по течению к Найрру. Выйдем на берег, зайдем врагу в тыл и сразу же атакуем его. Когда горожане увидят, что к ним пришла помощь, они сделают вылазку. Улунт-хазулы окажутся в тисках между двумя отрядами...

— Которые они так же легко порубят на куски, как и один, — мрачно закончил Вальфило. — Сынок, моя армия уже не та, что несколько дней назад схватилась с чужаками на побережье. Многие убиты, еще больше погибло от ран и голода.

— У тебя есть другой план? — едва сдерживая ярость, спросил Теор.

— Есть. Мы можем поселиться здесь. Охота тут неплохая, мы уже убедились в этом. В лесах, правда, немало дикарей, но они не осмелятся напасть на нас. Здесь и появится новая страна найрров. На склонах вулкана мы построим кузницу и

сможем изготавливать оружие. Цивилизация наярров со временем возродится вновь, а о Медалоне... нужно забыть.

— Что? Оставить все, что создали наши предки?

Вальфило опустил голову.

— Другого пути нет. Послушай меня, старика. Я был военном всю сознательную жизнь и привык жертвовать многим, очень многим, чтобы сохранить самое важное. А что может быть важнее нашего народа? Поход к Наярру не спасет горожан, а лишь приведет к гибели всего нашего племени. И тогда тьма опустится на мир — ведь в этой части планеты мы — единственное цивилизованное племя.

— Ты — опытный воин и знаешь, как сражаться, куда лучше, чем я, — гневно произнес Теор. — Но ты имеешь весьма смутное представление о том, на чем зиждется наша цивилизация. Почему наярры раньше не попытались пересечь Медалон и поселиться в этих местах? Да потому, что здешняя местность куда беднее, чем ты думаешь. Частые дожди вымывают из почвы питательные вещества, поэтому здесь могут расти только твердые как камень деревья. Для сельского хозяйства здешняя земля не годится. Охотой долго не проживешь, надо заниматься разведением скота — а чем ему здесь питаться? Ты говоришь, на вулкане можно построить кузницу. Но я сам видел — там нет подходящих минералов, они встречаются только на побережье. Я уже не говорю о том, что, отдав Наярр, мы останемся без накопленных нашим племенем знаний, без письменности и очень скоро впадем в варварство. Наша цивилизация очень хрупка, и не вы, воины, — носители ее. Если мы останемся здесь, то тьма придет неизбежно. В бою же у нас есть шанс на победу, а здесь его-то всем нет!

— Это только твое мнение, сынок, — глухо произнес Вальфило. — Я думаю иначе. И потом, я вовсе не собираюсь отдавать врагу Медалон навсегда. Окрепнув, мы можем отвоевать его с помощью соседних племен.

— Руины Наярра и разоренные поля и фермы — это ты хочешь сказать? — возмущился Теор. — Неужели наш народ превратят в рабов только потому, что мы сейчас струсили?

Гребень Вальфило воинственно поднялся.

— Не стоит называть меня трусом, сынок, — иначе я могу забыть, что ты из рода Рива, — с угрозой процедил он.

Теор едва сдержался. На помощь пришло врожденное хладнокровие Рива. Успокоившись, он сказал:

— Хорошо, я запомню твое обещание со временем вернуться в Медалон. А теперь собери армию — воины должны знать, как обстоят дела.

Остаток дня Теор ходил от хижин к хижине и беседовал с солдатами и офицерами... Он приводил им те же аргументы, с помощью которых пытался убедить Вальфило, и уходил, давая возможность воинам самим обдумать ситуацию. Общение с Фрэзером многому научило его, и сейчас было самое время воспользоваться плодами своего красноречия.

Ближе к закату над озером стал сгущаться туман. На поляне собралась большая часть уцелевшей армии — увы, наярров осталось совсем немного. Теор взобрался на высокий камень и огляделся. Последние лучи солнца освещали сильно поредевший лес копий. Шлемы и щиты были помяты, но на них еще можно было различить эмблемы полков, чью славную историю знали все, даже дети.

— Наярры! — зычно крикнул Теор, и его голос звучным эхом отразился от темной стены леса. — Вы знаете, что оба моих полуотца погибли в море. Вы остались без вождя и его мудрого советника. А теперь я, единственный из оставшихся в живых Рива, должен оставить вас!

— Что? — в бешенстве заорал Вальфило. — Ты обманул меня, Теор! Я запрещаю...

— Я буду говорить, — твердо ответил Теор. — По закону никто не может прерывать Рива. Потом можешь говорить что угодно, но сейчас ты обязан выслушать меня. — Он вновь повернулся к войску. — Наярры! Враг мародерствует в

Медалоне. Он окружил город и ждет, когда наши жены и дети умрут от голода или сдадутся в рабство. Неужели мы позволим им сделать это?

Воины негодуя закричали, размахивая оружием.

Теор повторил все аргументы в пользу начала новой военной кампании. Он не преминул отметить: ваш командующий против этого, но решать вам. Я же в любом случае вернусь в Медалон и найду свою смерть в бою.

Воины загомонили, но скоро стало ясно, что большинство поддерживает молодого Рива. Только Вальфило прыгнул на валун и встал рядом с Теором. На него немедленно нацелились десятки копий.

— Хорошо, пусть будет, по-вашему, — спокойно сказал старый воин. — Я остаюсь при своем мнении, но армию не оставлю. Через два или три дня мы соберем достаточно еды и двинемся к Медалону. Разойдись!

Он соскочил на землю, Теор последовал за ним. Вальфило укоризненно взглянул на Рива.

— Сынок, ты произнес в мой адрес много жестоких, несправедливых слов, — хрипло сказал он. — Я никого не предавал и всегда действовал лишь в интересах наярров. По крайней мере, мне так кажется.

— То же самое делаю и я, — ответил Теор и дружески обнял старика за плечи. — Ты сам говорил, что не раз жертвовал второстепенными вещами ради главного...

— Верно. Вот ты и пожертвовал моей честью, Рива, — горько сказал Вальфило.

— Нет! Я только выступил против намерения остаться здесь. Но важно другое — мы снова вместе, и ты поведешь армию домой.

Заходящее солнце осветило лицо Теора багряными лучами. Вальфило долго смотрел на него, затем нагнулся и положил топор у его ног — это был древний знак повинования.

— Все же ты истинный Рива, сынок! — воскликнул он. — Спасибо, что в такой тяжелый момент ты взял на себя ответственность — для меня она была непосильной ношей.

Похоже, мне недолго осталось жить, но я умру в бою, и сердце мое будет светлым в этот час. Вперед, Теор, сын Эл-кора!

Глава 16

Фрэзер со вздохом облегчения отложил в сторону гаечный ключ.

— Все, — сказал он, — в системе управления двигателя предохранителей больше нет. Теперь остается только запустить его.

Он поднялся, чувствуя себя в скафандре как никогда неуклюжим, и оказался лицом к лицу с Лоррейн. Свет фонаря, который она держала в руке, создавал в тесном машинном отделении гротесковые тени. Переборка между отсеками сияла, словно была раскалена.

— Нам пора идти, — сказал он, жалея, что у него не находится ласковых слов для девушки.

— Марк...

— Что?

— О... ничего. — Выражение лица девушки вдруг стало уверенным, словно она на что-то решилась. — Я только хочу сказать... Если у нас ничего не выйдет, и мы оба... Короче, я рада, что оказалась здесь рядом с вами, Марк. Только с вами я и хотела быть.

Сердце Фрэзера дрогнуло. Он благодарно погладил девушку по руке в массивной перчатке.

— Я могу сказать то же самое, милая. В последнее время себя не узнаю — похоже, все-таки становлюсь джентльменом. И во многом благодаря вам, Лори.

— Дьявол, неужто не ясно, что мне тоже нелегко было вести себя, как леди? — выпалила Лоррейн и с облегчением

улыбнулась. — Ладно, пошли, сейчас не время для такого разговора.

Они поднялись по трапу в техотсек. Фрэзер включил систему прогрева двигателя и нажал кнопку «старт». Корпус лунной ракеты заметно задрожал.

— А теперь — бегом! — крикнул он и подтолкнул девушку к люку.

Та немного помедлила, словно хотела, чтобы он вышел первым, но Фрэзер бесцеремонно ткнул ее в спину. Спрыгнув на землю, они побежали в северную часть взлетного поля. Вскоре они оказались в тени посадочных опор одного из космолетов, откуда открывался отличный вид на город, на ощетинившийся орудиями крейсер и торпедообразный корпус «Олимпии». Полнеба занимал колоссальный шар Юпитера, находившийся в фазе 3/4, рядом с ним серебрилась полоса Млечного Пути. Но сейчас Фрэзеру было не до небесных красот — он смотрел лишь на вооруженных людей, окружавших «Вегу». «Недолго им осталось скучать», — подумал он с усмешкой и мысленно начал отсчет: шестьдесят, пятьдесят девять, пятьдесят восемь...

Через минуту земля вздрогнула так, что зашатались массивные опоры ракет. Фрэзер не стал оборачиваться — он и так знал, что на другом конце поля в небо поднялся столб пламени и дыма. И тогда они с Лоррейн побежали к «Олимпии», уже не заботясь о том, заметят их или нет. Астронавты около крейсера дружно отошли под его защиту, видимо, ожидая нового нападения повстанцев. Никто из них, к счастью, не обратил внимания на две фигуры в скафандрах, бежавшие совсем в другую сторону.

Оказавшись в спасительной тени «Олимпии», двое заговорщиков перевели дух после бешеной гонки. Здесь было где спрятаться. Космолет предназначался для аэродинамической посадки на поверхность Юпитера и потому имел эллипсоидную форму, сильно вытянутую в горизонтальном направлении. Корпус опирался на четыре массивные колесные опоры. Грузовой люк располагался гораздо ниже, чем в

обычных космолетах, но все же достаточно высоко, чтобы до него можно было добраться без помощи трапа.

Фрэзер кивнул, и девушка послушно взобралась на его плечи, осторожно выпрямилась и ухватилась за рукоятку. После нескольких отчаянных попыток ей удалось открыть люк. Тогда Фрэзер подбросил ее, и девушке не составило труда забраться в грузовой трюм. Затем она помогла забраться и Фрэзеру.

Они бросились к пилотской кабине. Путь им преградила массивная дверь с тугим запором, с которым тоже пришлось повозиться. Проклиная все на свете, Фрэзер уселся в кресло первого пилота. Целый час он посвятил тщательному изучению системы управления «Олимпией» с помощью документации, которую Лоррейн стащила из техархива Авроры из-под носа у Свейна. Только после этого Фрэзер стал готовить корабль к взлету, включая один агрегат за другим. Когда двигательная установка заработала и пол кабины задрожал, он вздохнул и с облегчением откинулся на спинку кресла. Пот струился по его лицу и застилал глаза. Через десять минут двигатель будет разогрет, а пока можно наконец-то отдохнуть.

Ему хотелось узнать, что делают сейчас люди Свейна, но на «Олимпии», не было иллюминаторов, а включать обзорные экраны было рискованно, радары крейсера могли обнаружить это.

— Лори, как вы думаете, чем сейчас заняты эти бравые вояки? — с нервным смешком спросил он. — Держу пари, что они носятся взад-вперед, словно курицы с отрубленными головами!

— Вряд ли, Марк, — ответила девушка, сидевшая в соседнем кресле в расслабленной позе. — Адмирал здорово вымуштровал своих парней. Но я тоже не отказалась бы поглядеть — а вдруг они запаниковали?

Фрэзер наклонился к ней и помог застегнуть пояс безопасности.

— Все в порядке, милая, — ласково сказал он. — Самое трудное уже позади. Теперь все пойдет как по маслу. Как вам нравится роль героини, спасительницы Земли?

Девушка рассмеялась в ответ:

— Вам больше подходит роль героя, Марк. Представляете обложки журналов с вашей эффектной фотографией и подписью: «Марк Фрэзер, самый большой трепач в Солнечной системе?»

— Да, я люблю приврать, грешен, — в таком же легкомысленном тоне ответил он. — Как и все пилоты. Вам-то хорошо, Лори, вы выглядите как секс-бомба. А я стар, некрасив и могу попасть на обложку «Плейбоя», только если стану героем. Вот я и старалось!

Девушка серьезно посмотрела на него.

— Вы вовсе не старый, Марк, — тихо сказала она. — А вот я уже почти что старая дева. Я давно уже не думаю о мальчиках, настоящие мужчины мне больше по вкусу. И вы, Марк, в этом отношении вне конкуренции — по крайней мере здесь, в системе Юпитера. Давно хотела вам сказать...

Она смущенно замолчала, и в этот момент двигатель заработал на всю мощь.

— Пора! — воскликнул Фрэзер и, уже не таясь, включил внутреннее освещение и обзорные экраны.

И увидел множество людей, бегущих с оружием в руках по направлению к лунным ракетам — видимо, бравый Свейн решил нанести упреждающий удар по несуществующему врагу. Сам же крейсер был окружен двойным кольцом солдат, которые спешно строили баррикады из обломков камней.

— А Свейн стал осторожен! — усмехнулась Лоррейн.

— Сегодня он, похоже, останется в дураках, — процедил Фрэзер, щелкая многочисленными тумблерами на панели управления. — Но будет жаль, если кто-то из этих парней случайно окажется рядом с «Олимпией» во время взлета.

— Вас это так беспокоит?

— Да. Думаю, надо рискнуть и предупредить их, что до старта осталось тридцать секунд.

Он включил передатчик и настроил его на волну «Общий прием».

— Внимание! — торопливо сказал он. — Космолет «Олимпия» готовится к взлету. Немедленно очистите площадку рядом с ним! Повторяю: немедленно очистите площадку рядом с «Олимпией»!

В динамике что-то щелкнуло, захрипело, и чей-то удивленный голос спросил: «Дьявол, кто это говорит?» Фрэзер не обратил на него внимания — он смотрел на крейсер. Одно из орудий стало поворачиваться в сторону «Олимпии». Люди на взлетном поле замерли в растерянности.

— Осталось десять секунд! — заорал Фрэзер. — Бегите, черт бы вас побрал!

И люди бросились врассыпную. Но*двое астронавтов, судя по скафандрам — солдаты, побежали в сторону «Олимпии», поднимая бластеры. «Эти идиоты сгорят, это уж точно», — подумал Фрэзер и решительно нажал на рычаг пуска.

Корабль вздрогнул так, что у Фрэзера клацнули зубы. Снизу поднялось облако выхлопных газов. Затем раздался оглушительный грохот, который не могла ослабить даже солидная звукоизоляция. Космодром быстро стал уходить вниз. Вскоре на экранах был уже виден весь огромный, изъеденный кратерами и трещинами шар Ганимеда. Над его восточным краем висел ослепительный диск Солнца.

Лоррейн застонала, но Фрэзер снизил тягу лишь тогда, когда корабль достиг двойной скорости убегания. Затем он вернул оба кресла в обычное маршевое положение. Ганимед ушел в сторону, и теперь центральный экран заполняла черная бездна, усыпанная искрами звезд.

— Лори, как дела? Нормально? Тогда включите экран заднего обзора. Я хочу убедиться, что нас не преследуют.

— Этого не может быть, — слабым голосом ответила девушка, еще не успев прийти в себя после бурного старта. —

Все их космоботы находятся на патрулировании вокруг других лун. А от «Веги» мы сможем уйти.

— Да, но не так-то просто убежать от их боевых ракет, — возразил Фрэзер. — В любом случае надо будет постараться сесте возле Блоксберга незамеченными, иначе... Черт побери!

Компьютер высветил на дисплее несколько колонок цифр, затем нарисовал две кривые, нацеленные в ярко блестящую точку, обозначавшую «Олимпию».

— Они все-таки успели произвести залп! — взволнованно воскликнула Лоррейн. — Но ракеты летят с большим начальным промахом, так что...

— Утешила, нечего сказать, — пробурчал Фрэзер, с мрачным видом изучая траектории боевых снарядов. — На такой случай у них есть головки самонаведения. Если Свейн догадается использовать главный радар Авроры и сможет скорректировать их курс, то ракеты скоро обнаружат нас и будут гнаться за нами хоть до самого Юпитера. Хотя туда нам надо еще долететь...

Фрэзер уселся за компьютер и занялся расчетом траектории полета «Олимпии». Без навигационных таблиц это можно было сделать лишь приближенно, но Фрэзер положился на свой опыт. Затем он на одну десятую прибавил ускорение — большего при скромных энергетических ресурсах корабля позволить было нельзя.

Рядом с панелью приемника замигала красная лампочка.

— Вызов, — с тревогой сказала Лоррейн. — Выходит, они знают наши координаты?

— Вряд ли. Скорее всего, они ведут передачу широким радиолучом. Я могу ответить точно так же — обнаружить нас они все равно не смогут.

Он включил приемник.

— Внимание, космолет «Олимпия»! Вы слышите меня? — послышался в кабине голос адмирала Свейна.

Фрэзер увидел в глазах девушки неприкрытый страх и разозлился.

— Говорит, «Олимпия», — резко ответил он. — Какого дьявола вам надо?

— Хочу спросить кое о чем, — сухо сказал адмирал. — Говорит комендант временной администрации Ганимеда Свейн. Кто вы? Назовите свои имена.

— Я весь внимание, — с иронией ответил Фрэзер. Он и не думал называть свое имя — частично из упрямства, но главным образом из-за опасений, что его семья может подвергнуться репрессиям со стороны новых властей.

— Именем закона, немедленно возвращайтесь!

— Если это все, что вы можете сказать, то я отключаю приемник, — спокойно ответил Фрэзер.

— Подождите. Я догадываюсь, что вы собираетесь предпринять. Это совершенно очевидно. Вы рассчитываете достичь Земли, но вам это не удастся. На борту «Олимпии» нет ни воздуха, ни воды, ни пищи. Возможно, вы смогли во время взрыва пронести с собой кое-что, но на далекий перелет этого в любом случае не хватит.

— И все же я дышу пока, — заметил Фрэзер.

— Наверняка вы одеты в скафандры. Для того чтобы поддерживать воздухообмен в объемах всего космолета, требуются немалые запасы кислорода, которых у вас нет. Никакие химические очистители вам не помогут.

— Адмирал, вы рассчитываете запугать меня? — усмехнулся Фрэзер. — Хорошо, теперь моя очередь рассказывать страшилку. Когда на Ганимед придут корабли военно-космических сил, вам придется ответить за все, что вы натворили и еще натворите в системе Юпитера. Подумайте об этом и ведите себя соответственно.

— Заткнись, болван! — неожиданно взорвался Свейн. — Кого ты хочешь перехитрить? Я отлично понимаю, что прямо на Землю ты не полетишь — если, конечно, экипаж корабля не самоубийцы. Значит, где-то ты намереваешься запастись воздухом, водой и пищей. На соседних лунах это

тебе не удастся — мои космоботы дежурят на орбитах и получили приказ открывать огонь без предупреждения.

«Замечательно, — весело подумал Фрэзер. — Именно поэтому тебе, тупоголовый вояка, и не удастся контролировать пространство вокруг Ганимеда».

— Я думаю, вы это тоже учли, — успокоившись, вежливо продолжил адмирал. — Значит, у вас остается один путь — вернуться в какой-нибудь район Ганимеда, где вам смогут помочь. На всякий случай я вышлю на орбиту патруль, так что не надейтесь провести меня! Лунных ракет на космодроме вполне достаточно для этой цели. Они, правда, не предназначены для патрульной службы, но мы успеем оснастить их радарами и будем контролировать каждый фут поверхности. Если вы все-таки рискнете опуститься на Ганимеде, предупреждаю: «Вега» тотчас выйдет на орбиту и уничтожит вас.

— О нет, нет, нет... — прошептала Лоррейн, побледнев.

Фрэзер чувствовал себя не лучше и все-таки сумел выдавить из себя:

— С чего это вы решили, что я захочу сунуться под огонь пушек?

— Вы неплохо блефуете, незнакомец, но карта ваша бита, — ответил Свейн. — Я восхищаюсь вашей стойкостью — не так часто среди гражданских лиц приходится встречать настоящих мужчин. Даю слово офицера, что, если вы тихомирно возвратитесь на Ганимед и сядете рядом с Авророй, я всего лишь посажу вас под арест и со временем передам в руки суда. Естественно, после того как в США будет восстановлено законное правительство. — Голос адмирала ослабевал по мере удаления «Олимпии» от Ганимеда. Но сталь и лед в его интонациях были заметны по-прежнему. — Если же вы откажетесь возвратиться с повинной, то вы обречены. Я брошу на патрулирование все силы и буду ждать неделю или две — на большее у вас не хватит ресурсов. Это отвлечет от дела многих людей, производство боеголовок будет замедлено, но я готов пойти на это. Кто знает, быть может, в

системе Юпитера есть какой-нибудь тайный склад на одном из астероидов? Рисковать я не желаю. Учтите, отказываясь вернуться, вы подписываете себе смертный приговор.

Фрэзер взглянул на Лоррейн. В ее широко открытых глазах стояли слезы, но тем не менее она упрямо помотала головой.

— Перестаньте играть в героя! — рявкнул Свейн. — Ваша смерть ничего не изменит. Возвращайтесь, пока я гарантирую вам жизнь.

— Все верно, — устало сказал Фрэзер. — Вы победили. Черт с вами, я поворачиваю назад.

Он выключил передатчик и испытующе взглянул на Лоррейн. Та была близка к истерике.

— Нет, нет, ни за что! — всхлипнула она, умоляюще глядя на Фрэзера. — Лучше смерть, чем такой позор!

— Глупости, — буркнул Фрэзер. — О какой смерти вы толкуете, красавица? Я согласился только для того, чтобы выиграть несколько лишних минут. Чем дальше мы успеем уйти от Ганимеда, тем сложнее им будет корректировать полет своих ракет.

— Значит, вы надеетесь, что мы сможем уйти от них?

— Н-нет, боюсь, что нет. Но мы попробуем. — Он коснулся регулятора тяги, но тут же отдернул руку. — Пожалуй, не стоит увеличивать скорость. Это может насторожить Свейна. Лори, буду говорить откровенно. Две ракеты следуют за нами по пятам, и уцелеть нам будет нелегко. Но даже если мы уйдем от них, я все равно теперь не знаю, как нам попасть в Блоксберг. — Он грустно взглянул на девушку. — Мне очень нелегко сейчас, Лори. Повстанцы, конечно, узнают о пропаже «Олимпии» и нашем исчезновении и будут рассчитывать на меня. Страшно их подвести! Но еще страшнее подвергать вашу жизнь смертельной опасности.

— Теперь не время говорить об этом, Марк, — ласково сказала девушка. — Тем более что именно я подбила вас на эту авантюру. Если я попаду в руки Свейна, то «промывания

мозгов» мне не избежать. Но я хотя бы одинока. А у вас есть Ева и дети...

— Дьявол! — взорвался Фрэзер. — Что это мы распустили нюни? У нас еще есть шансы. Когда ракеты приблизятся, я включу полное ускорение и начну маневрировать так, что чертям станет тошно. Жаль, что у нас нет противоперегрузочных таблеток. Ничего, придется потерпеть.

Девушка перестала всхлипывать и озадаченно взглянула на него.

— Не понимаю. Вы же говорили, что эти ракеты имеют головки самонаведения...

— Да, но, скорее всего, тепловые, нацеленные на факел двигателя. Если мы будем включать его в импульсном режиме, то ракетам придется за нами изрядно погоняться. Кто знает, может, к моменту, когда ракеты нас достигнут, мы будем в безопасном месте?

— Где же это?

Фрэзер молча указал на чудовищный шар Юпитера, плывший по звездной реке.

Глава 17

Когда армия Вальфило вошла в ущелье, пересекавшее Дикую Стену в северном направлении, Теор впервые услышал удары чужих барабанов. Он сразу же остановился, и воины последовали его примеру.

Теор прислушался. Над иззубренными скалами, окружавшими ущелье с обеих сторон, гудел ветер. Их вершины были едва различимы на фоне темного, покрытого облаками неба, и все же кое-где можно было разглядеть редкие деревья, растущие прямо на камнях. Ветви раскачивались под порывами холодного ветра. Здесь же, на дне ущелья, царили тьма и густой туман. Лишь с трудом можно было

различить силуэты воинов, едва державшихся на ногах после долгого пути.

— Ты слышал? — спросил Теор.

— Да, — ответил Вальфило. — Вражеские наблюдатели нас заметили. — Где-то слева на скалах вновь забили барабаны. — Лазутчиков нелегко будет поймать, — озадаченно сказал старый воин, обводя ущелье взглядом. — Плохое для боя место — сверху нас могут забросать камнями, и воинам негде будет спрятаться.

Теор задумался. Вернуться~или, несмотря ни на что, идти дальше? Назад путь короче, и там, в предгорьях, войско быстро сможет развернуть ряды и отразить любые попытки улунт-хазулов прорваться через ущелье. Но если атака не последует, то они могут потерять впустую много дней. А в это время Наярр наверняка падет, и тогда Линанту и Порса ждет гибель.

— Идем вперед, — наконец решительно сказал Теор.

— Я не имею права обсуждать приказы Рива, — почти-тельно ответил Вальфило, склонив голову. — Но мы идем навстречу гибели. — Он жестом подозвал к себе адъютанта и сказал:

— Вышлите вперед отряд разведчиков. Пусть они найдут соглядатаев и уничтожат их. Полкам же сомкнуть ряды и продолжать движение.

Загремели барабаны наярров. Эхо гулко прокатилось вдоль стен ущелья. Захрустел лед под сотнями ног, и полки вновь двинулись в сторону Медалона. С приходом ночи мрак еще больше сгустился, но Теор решил не делать привала, надеясь пройти ущелье как можно быстрее. Вскоре разведчики вернулись. Увы, вражеских наблюдателей им найти не удалось, да это и неудивительно — здесь, в горах, легко спрятаться. Отрядов улунт-хазулов также не обнаружили поблизости, и это было удачей. Но Теор был мрачен, как Вальфило: он знал, что враги дадут им бой на равнине.

Около полуночи воины достигли Ворот Ветра. Скалы разошлись в стороны, и теперь впереди лежал неровный,

покатый склон, ведущий в Медалон. Вдали виднелась мерцающая лента — это Брантор нес свои воды к океану. Здесь, в конце ущелья, армия остановилась на отдых. Но Теор, несмотря на усталость, так и не смог сомкнуть глаз и лишь перед рассветом задремал.

Его разбудил грохот барабанов. Встряхнувшись, Теор вышел из-под наскоро сооруженного навеса и стал вглядываться в пелену дождя, изредка освещаемую вспышками молний. Звук доносился откуда-то из-за реки. Хотя это могло только казаться — на равнине барабанный бой можно было услышать и за десять миль.

Остальные воины тоже проснулись. Теор услышал встревоженные крики в темноте, заглушаемые воем небесной бури. Он схватил свой барабан и передал сигнал: «Тихо, тихо, тихо». Шум голосов постепенно стих, и тогда Теор смог расслышать далекие звуки вражеского барабана — теперь он понял, что они доносились с юга. «Боом-бом-бррр-бом! Боом-бом-брр-бом! Та-та-бом-боом-брр! Брр-та-бом-бом-бом...»

Вскоре из тьмы показался патрульный отряд.

— Я послал их вперед, понадеявшись, что они поймают хоть одного лазутчика, — объяснил старый Вальфило.

— Ты опасаясь, что враги могут напасть из засады?

— Нет, лазутчики слишком малочисленны для этого. Но, судя по бою барабанов, большой отряд врага где-то неподалеку и знает о нашем приближении.

— Это улунт-хазулы, — глухо сказал Теор.

Вальфило выругался.

— А кто же еще? Чалхиз знает эти места лучше, чем я думал. Сразу после битвы на побережье он наверняка послал отряды лазутчиков во всех направлениях, по которым мы могли отступить в Медалон. Так что шансов устроить ему приятный сюрприз больше нет. О каждом движении нашего войска будет ему известно.

— И что же нам теперь делать? — упавшим голосом спросил Теор.

— Мы еще можем вернуться в леса за Дикой Стеной.

— Нет!

— Тогда надо соорудить здесь укрепления, это очень удобная позиция.

— И какой в этом смысл? Враги без хлопот возьмут Найрр; а с нами разделяются на досуге.

— Верно. Остается одно — идти вперед открыто и быстро, не тратя времени на постройку плотов. Припасы мы можем получить по дороге у фермеров. Но сначала нам надо сделать в ущелье хотя бы простейшие укрепления, чтобы у нас в тылу на всякий случай была сильная позиция для обороны. Не исключено, что мы можем и проиграть битву:

Теор неохотно согласился. Строительство оборонительных редутов займет время, за которое враг подтянет силы, а Теор слишком хорошо знал, что его армия слаба.

Рассвет воспламенил облака, и мгlistый туман стал медленно подниматься к небу. Воины принялись строить несколько рядов стен, преграждавших дорогу в ущелье. На скалистые стены было поднято множество валунов, чтобы ими можно было при необходимости бомбардировать отряды противника.

Теор вместе со всеми таскал тяжелые камни, лишь изредка отвлекаясь, чтобы выслушать сообщение разведчиков. Им все-таки удалось поймать одного из лазутчиков, но это было небольшим утешением.

День, а также следующая ночь прошли в непрерывной работе, и только под утро Вальфило решил, что позиция готова для обороны. После короткого отдыха полки найрров вышли из ущелья и направились в сторону холмов. К вечеру они разбили лагерь возле Брантора. На рассвете Теор вновь слышал грохот — это уже переговаривались армейские барабаны. Войско улунт-хазулов оказалось ближе, чем он ожидал.

Найрры быстро пошли вдоль реки. Их запасы подошли к концу, а добытого охотой едва хватало на всех. Впереди простиралась необъятная равнина, поросшая редким

кустарником. Поток Брантора бурно шумел в перекатах, неся фосфоресцирующие воды к океану.

С каждым часом воины шли все медленнее и медленнее — их силы заметно убывали. «Ничего, скоро мы подойдем к зоне земледелия, и фермеры помогут нам», — подбадривал себя Теор.

Ближе к полудню в небе появился всадник на форгаре. Приземлившись, вестник подбежал к Теору с криком:

— Генерал Рива, я видел армию врага! Она необъятна, словно море!

— Что? — вздрогнул Вальфило. — Так рано?

— Они приплыли на кораблях, — объяснил вестник. — Брантор весь почернел от судов.

Теор прислушался. Да, грохот вражеских барабанов заметно приблизился.

— Что ж, это вполне возможно, — хмуро сказал он. — Морские чудовища могут поднять корабли улунт-хазулов даже вверх по течению. Ты посчитал их количество?

— Да. Кораблей больше, чем два раза по шестьдесят четыре, и на каждом множество воинов.

— Выходит, они сняли осаду Наярра, — задумчиво пробормотал Теор.

Вальфило покачал головой:

— Не обязательно. Наверняка они оставили небольшие патрульные отряды, чтобы помешать горожанам уйти в глубь страны. Да и спуститься по течению к Наярру для армии Чалхиза не представит труда — они могут быстро нагнать наших людей и уничтожить.

— Горожане не так уж и беззащитны! — пылко воскликнул Теор. — Они могут не обороняться, а наоборот, атаковать врагов с тыла.

— Каким же это образом? Морские чудовища дают Чалхизу неограниченные возможности для маневра. Конечно, если горожане не будут вступать в бой, а постараются побыстрее соединиться с нашими полками... — Вальфило задумчиво поскреб массивный подбородок. — Да, это наша

последняя надежда. Надо передать в Наярр послание. Горожане должны рискнуть всем — хотя им мало что осталось терять — и быстро двинуть свои отряды сюда, на север. Мы же должны постараться завязать длительную битву, отходя постепенно назад к ущелью. Возможно, Чалхиз не разгадает наш отвлекающий маневр. Хотя вряд ли это сработает. Чалхиз успеет положить немало наших воинов, прежде чем подоспеет подмога из Наярра, и тогда без труда сможет воевать на оба фронта. Но плата, которую он заплатит за Медалон, будет немалой.

— Когда они нападут на нас? — глухо спросил Теор.

— Полагаю, ночью они разобьют лагерь, а утром предпримут атаку. У нас есть немного времени, чтобы подготовиться к битве.

Вальфило собрал своих адъютантов и стал отдавать приказы.

Вскоре полки вновь двинулись в путь, направляясь в сторону холмов. Их седловидные склоны могли защитить фланги во время боя. Все кустарники вокруг были втоптаны в грязь, и берег реки стал красно-бурым от сотен кентавров. Многие наярры исхудали настолько, что можно было пересчитать их ребра, и поэтому никто не возразил, когда Вальфило приказал зарезать большинство оставшихся форгаров. Слишком уж мало их осталось, чтобы всерьез помочь во время боя, а армия была голодна. Охотники приходили с пустыми руками, и Теор стал всерьез беспокоиться, хватит ли припасов до начала боя. «Это я привел воинов на край гибели!» — с тоской думал Рива. Только сейчас он стал осознавать, насколько безумным был его план. Теперь он жаждал только одного — чтобы копье врага быстрее прервало его душевные муки.

Перед закатом наярры сделали последний привал. Этой ночью многие воины спали плохо, а оба военачальника вообще не сомкнули глаз. Утром, когда мгла стала рассеиваться, в тумане промелькнула тень — это вернулся один из разведчиков на форгаре. Он сообщил, что корабли улунт-

хазулов уже причалили к берегу неподалеку от холмов. Но, судя по всему, враги толком не знали, где находятся наярры, и потому в разные стороны были посланы отряды лазутчиков. Некоторые из них даже направились вплавь по реке, выставив глаза над поверхностью потока.

Туман стал медленно подниматься. Было так холодно, что изморозь, оседая на телах бойцов, сразу же превращалась в лед. Три изношенных знамени развевались над рядами воинов, закованных в чешуйчатые доспехи. Их лица были суровыми. Теор и Вальфило находились в центре передней линии и, как все, смотрели в сторону леса, за которым протекал Брантор. С первыми лучами солнца из-за деревьев высыпали орды серых гигантов. Они быстро построились под грохот барабанов и не спеша двинулись к холмам. Зарябило в глазах от блеска щитов, панцирей, множества разноцветных знамен полков, а вскоре — и от оскала клыков. Улунт-хазулов было по крайней мере втрое больше, чем воинов Вальфило. А помощь из Найрра так и не пришла, хотя в город было послано несколько вестников на форгарах...

— Смотрите! — крикнул Вальфило, указывая в центр полчища врагов. — Это знамя вождя — я видел его во время битвы на берегу залива. Чалхиз сам будет командовать боем.

Барабаны чужаков застучали быстрее, и улунт-хазулы прибавили шаг. Найрры возбужденно закричали, многие воины стали потрясать копьями. Затем Вальфило отдал команду, и войско стало готовиться к встрече противника. Воины второй линии положили копья на плечи бойцам первого ряда, так же поступили наярры других рядов. Затем они галопом помчались навстречу противнику.

Ближе, ближе, еще ближе... Несколько всадников на форгарах взмыли в воздух и стали бросать сверху камни на врагов, но без заметной пользы. Теор вспомнил свои эксперименты с луком и стрелами, которые он изготовил по совету Фрэзера. Тогда ему показалось, что в условиях Юпитера такое оружие неэффективно, но сейчас он пожалел, что у наярров его нет. Он покрепче сжал в руке топор и, как все бойцы

первой линии, стал высматривать своего противника в первом ряду улунт-хазулов. Им как будто мог стать могучий парень с рваной раной на левой щеке. Воздух кипел от воинственных криков. Вскоре две орды столкнулись друг с другом.

Шедшие первыми улунт-хазулы с безрассудной храбростью бросились на копья наярров, видимо, понадеявшись на свои роговые панцири и щиты. Но чужаки были мгновенно смяты. Один из серых гигантов справа от Теора успел отбить палицей копьё, нацеленное ему в грудь, но тут же другое копьё вонзилось в его незащищенный бок. Чужак завопил, истекая кровью, но его голос потонул в оглушительном грохоте боя.

Противник Теора, отбиваясь от сыпавшихся на него копий, ринулся на молодого вождя. Тот едва успел отразить удар копья, нацеленного ему в горло. В свою очередь он

обрушил топор на плечо врага. Улунт-хазул зарычал и вновь попытался достать его копьем. Теор отбил древко в сторону, но ударить не успел — могучая рука схватила его за запястье. Положение стало отчаянным. Вскинув щит, Теор рубанул его краем по руке противника. Улунт-хазул с воплем отшатнулся, но наярр не дал ему прийти в себя. Еще дважды он ударил врага топором по шлему и, ринувшись вперед, оказался позади оглушенного гиганта. Не успел тот повернуться, как лезвие топора глубоко вонзилось ему в спину. Фонтаном хлынула кровь. Улунт-хазул рухнул на землю, но тут же другой чужак наступил на еще дышавшего товарища и бросился на Теора.

Наярры выдержали первый натиск врага, и вскоре оба войска перемешались. Битва рассыпалась на множество отдельных поединков. Теор старался быть впереди, но внезапно поскользнулся и упал. И вовремя — в этот момент над его головой просвистел нож. Едва наярр поднялся, как ему вновь пришлось вступить в схватку. Обменявшись ударами, противники были отеснены другими борющимися парами. Теор тяжело дышал — силы его быстро таяли. И вдруг он услышал, что диск на его груди ожил.

Не успел Теор наклонить голову, как мимо него пролетел топор, едва не отрубив ему руку. Его противник уже был рядом и, подняв копье, бросился на него.

Теор увернулся от разящего удара и кинулся врагу под ноги. Улунт-хазул по инерции перескочил через него, и в этот момент наярр изо всех сил ударил его щитом по незащищенному брюху. Чужак завопил и, высоко подпрыгнув, рухнул на грудь изрубленных тел.

Поднявшись, Теор увидел невдалеке Вальфило. Забрызганный кровью ветеран отчаянно отбивался сразу от нескольких серых гигантов. Теор ринулся было ему на помощь, но его опередили несколько наярров с копьями наперевес. И тогда, вместо того чтобы вновь вступить в бой, он повернулся и побежал вверх по склону, расталкивая скачущих ему навстречу наярров. Он старался не обращать

внимания на их возмущенные и презрительные взгляды. «Мне надо выбраться из этой мясорубки, чтобы поговорить с Марком, — убеждал он себя. — Это может оказаться очень важным. Землянин всегда помогал мне советами».

Но перед его глазами стояла недавно виденная страшная картина: залитый кровью Вальфило отражает атаку нескольких врагов. И он, Рива, даже не попытался помочь старому воину!

Глава 18

После полета при пяти g переход к невесомости был подобен прыжку в пропасть. Мозг Фрэзера затуманился, и он провалился в красную ночь.

Однако тонкая нить сознания все еще тянулась из забытья, и, судорожно ухватившись за нее, Фрэзер стал карабкаться к мерцающему вдали пятну света. Когда он наконец очнулся, то сразу же взглянул на часы. К епу удивлению, прошло всего несколько минут.

На экране заднего обзора еще не было видно преследующих корабль ракет, но радары говорили: они рядом и все время приближаются. Конвульсивным движением Фрэзер включил боковые сопла и развернул «Олимпию» в сторону Юпитера.

Чудовищный шар, еще недавно висевший в космосе, исчез. Теперь весь экран занимала панорама желто-зеленых и коричневых облаков, испещренных глубокими темными трещинами. Вслед за ними несли светящийся вихрь — это был гигантский шторм длиной в десятки тысяч миль. Фрэзер остановил вращение корабля и вновь включил маршевый двигатель. Навалившаяся перегрузка едва не задушила его. Рядом кто-то захрипел («Слава Богу, Лоррейн жива!» — подумал Фрэзер), но он даже не повернул головы,

сосредоточившись на управлении кораблем, который входил в верхние слои атмосферы планеты.

Фрэзер выбрал самую крутую из всех возможных траекторий, которые только мог выдержать человек. Настигающие «Олимпию» ракеты таких ограничений не имели и поэтому быстро стали ее нагонять. Когда Фрэзер убедился, что сделал все, что мог, он собрался с силами и посмотрел на Лоррейн. Она, к счастью, уже давно потеряла сознание. Лицо девушки было залито кровью, текущей из носа. «Хорошо, что Лори отключилась сейчас, — подумал Фрэзер. — Посадка на планету будет очень тяжелой — если ракеты Свейна еще раньше не сделают из «Олимпии» решето. Бедная девушка — и зачем я взял ее с собой!»

Он знал, что должен сейчас думать о Еве и ребятах, но две серебристые точки, появившиеся на экране, заставили выбросить из головы все сентиментальные мысли. Расстояние между «Олимпией» и ракетами сокращалось с каждой минутой. Но плотность воздуха росла очень быстро. Скоро корпус космолета разогрелся докрасна — Фрэзеру оставалось только надеяться, что ракеты чувствуют себя не лучше. Вскоре они дружно спустились в средние слои атмосферы, которая при такой скорости создавала им заметную подъемную силу. На что аэродинамическая форма «Олимпии» сразу же отреагировала, и корабль заскользил по касательной к этой «воздушной подушке», подпрыгивая, словно камешек, брошенный под малым углом к поверхности озера. Как и надеялся Фрэзер, системы управления ракет не были рассчитаны на полет в условиях Юпитера и не сумели совершить подобный же маневр. Круто уйдя вниз, ракеты, словно метеориты, устремились к поверхности планеты, продолжая накаляться. Как и следовало ожидать, их теплоизоляция скоро не выдержала, и боеголовки взорвались. Фрэзер увидел, как на экране на фоне темных облаков на мгновение появились две искры света. «Вот так-то, Свейн», — ехидно шевеля губами, прошептал он.

Но времени для того, чтобы радоваться чудесному избавлению от гибели, не оставалось. Быстро теряя скорость, «Олимпия» стала входить в нижние слои атмосферы. Могучий ураган подхватил ее, словно перышко, и, бросая из стороны в сторону, понес на запад. Кабину наполнил пронзительный свист ветра. Сознание Фрэзера вновь затуманилось. Он прилагал все силы, чтобы не потерять контроль над кораблем. «Надо выйти на орбитальную траекторию, — думал он, едва двигая непослушными руками по панели управления. — Держись, держись... ты можешь сделать это...» Когда корабль все-таки вышел на расчетную траекторию, Фрэзер включил киберштурман и вновь погрузился в забвение.

Очнувшись, он вновь первым делом посмотрел на часы. На этот раз он проспал долго, слишком долго. Но движение по орбитальной траектории помогло ему восстановить силы — в состоянии невесомости его разбитое тело чувствовало себя значительно лучше. Еще больше он обрадовался, увидев плывущую к нему через кабину Лоррейн. Она пришла в себя раньше его и выглядела совсем неплохо.

— Марк, как вы себя чувствуете? — взволнованно спросила девушка.

Фрэзер расстегнул ремни безопасности и, взыв к потолку, осторожно пошевелил руками и ногами, затем повертел головой из стороны в сторону.

— Все дьявольски болит, но кости, кажется, целы, — хрипло ответил он. — А как вы?

— То же самое. Я уже полчаса как очнулась и просто извелась, не зная, как вам помочь. — Девушка с облегчением улыбнулась и, подплыв ближе, обняла его за плечи. — Марк, неужели мы вышли сухими из воды? Представляю, как взбесился бы Свейн, если бы узнал, как мы провели его!.. О-ох, до чего болит бок...

Эти слова напомнили Фрэзеру, что у них остался небольшой запас стимулирующих таблеток. Проглотив по паре штук, они запили их соком из емкостей, встроенных в

задние стенки скафандров, и вскоре почувствовали себя значительно лучше...

— Как насчет того, чтобы немного перекусить? — спросил Фрэзер. — Нам надо восстановить силы. Посадка будет легкой...

— Нет, я не хочу! — запротестовала Лоррейн, слегка покраснев. — Хотите, я отдам вам свои таблетки концентратов? Все-таки вам вести корабль.

Фрэзер наотрез отказался и заставил девушку немного поесть. Затем Лоррейн решила принять душ и пошла в соседний отсек. Вернулась она на удивление посвежевшей, и Фрэзер, не выдержав, последовал ее примеру. Он также забрался в ящик, чем-то напоминавший гроб. Это была аварийная душевая, предназначенная для случаев, когда внутри космолета» по тем или другим причинам отсутствовал воздух. Здесь, при тусклом свете лампочки Фрэзеру пришлось изрядно помучиться, чтобы снять с себя скафандр. Затем, извиваясь, словно червь, он помылся остатками воды, по счастью оказавшейся в контейнере душевой. Наконец он почувствовал себя лучше настолько, что даже захотел взглянуть в небольшое зеркальце, закрепленное на стенке. Он стер с лица запекшуюся кровь и жалел, что нечем снять изрядную щетину. Теперь он готов был вновь влезть в тесный скафандр и терпеть изнуряющий дискомфорт до конца.

Вернувшись в кабину, он увидел, что Лоррейн, словно замороженная, смотрит на экран, на котором, мелькали желто-зеленые облака.

— Никогда не видела ничего более величественного и страшного, чем Юпитер, — тихо сказала она.

— Да, — кивнул Фрэзер, — неплохая компенсация за наши мучения.

Лоррейн опустила голову.

— Но не за наши ошибки, верно? Мы ведь ошиблись, ввязавшись в эту авантюру с побегом из Авроры, да?

— Не надо распускать нюни, — резко ответил Фрэзер, по-мрачневу. — Мы захватили из-под носа у Свейна «Олимпию», долетели до Юпитера и здесь сумели свернуть головы его ракетам-убийцам. Вряд ли кто-нибудь мог сделать больше на нашем месте. Мы свободны, Лори, свободны!

— Да, свободны: умереть от жажды, если, конечно, у нас раньше не кончится воздух, — с горькой иронией ответила девушка. — Умереть мы можем многими способами — но как нам выжить? И как спасти колонистов? Я уже не говорю о Земле, которая скоро может оказаться во власти этого безумца Свейна... Если бы у нас были навигационные таблицы...

— То, что бы мы сделали? — с усмешкой спросил Фрэзер.

— Самую простую вещь. Вывели бы «Олимпию» на траекторию полета к Земле и написали послание правительству США, а затем открыли бы люки. Орбитальные станции слежения наверняка заметили бы наш корабль и перехватили бы его. Народы Земли узнали бы об угрозе из космоса. Да, мы погибли бы, но погибли бы с чистой совестью!

Фрэзер покачал головой.

— Боюсь, вы ошибаетесь, Лори, — мягко сказал он. — Чтобы успеть на Землю раньше Свейна, «Олимпии» надо лететь с гиперболической скоростью. Киберштурман этого корыта не предназначен для таких штучек, здесь без пилота не обойтись. Нет, шею Свейну нам таким образом не свернуть. Надо придумать что-нибудь другое...

Он замолчал, пораженный внезапной идеей. А что, если...

Лоррейн с тревогой посмотрела на него:

— Что с вами, Марк?

— Так... Пришла в голову одна мысль. Дурацкая, сумасшедшая, но все же... Если бы мы сумели раздобыть немного кислорода и воды на Юпитере, то не надо было бы и лететь на Землю.

— Что-о?

— Все, что у нас есть, — это пустые трюмы «Олимпии». А на поверхности этой милой планетки сколько угодно льда. Нам, конечно, и носа нельзя высунуть наружу в таких скафандрах, но люди Теора могут нагрузить трюмы до предела. А уж я как-нибудь сумею наладить электролиз кислорода из воды.

— Но ведь лед на Юпитере не чистый, в нем много примесей аммиака и метана! Разве вы сможете избавиться от них?

— Постараюсь. Но сначала надо попытаться связаться с Теором.

Фрэзер включил бортовой нейтринный передатчик. Его мощность была невелика, и до лун его сигнал дойти не мог. Но до релейных спутников, вращающихся вокруг Юпитера, дальности его действия вполне могло хватить. А дальше сигнал должен был попасть к Теору обычным путем, через передатчик, который наярры величали Оракулом.

— Теор, это говорит Марк. «Ты слышишь меня?» — сказал он на общем языке.

— Какая странная речь, — заметила Лоррейн. — Сплошное щелканье и свист. Вы молодец, Марк, — мало кто научился говорить на языке этого племени юпитериан. Что, нет ответа?

— Нет. Боюсь, отвечать уже некому...

Только сейчас Фрэзер вспомнил о том, что его друг сам находится в бедственном положении. Кто знает, спасся ли он, нашел ли остатки разгромленного войска Вальфило? Или бродит, потеряв надежду, среди диких, необитаемых гор? Но тогда у них с Лоррейн нет шансов на спасение...

— Теор! Брат, почему ты молчишь? Ответь, прошу тебя!

Прошло несколько томительных минут, прежде чем Фрэзер услышал глухой, усталый голос друга:

— Уш! Небо, благодарю тебя! Марк, я счастлив улышаться твой голос.

— Как дела, брат?

— Тяжелая битва идет, Марк. Я с трудом вырвался из сечи, чтобы поговорить с тобой. Похоже, для наярров настал последний день. Но я рад, что ты жив, Марк!

— Расскажи, что произошло. Я нахожусь недалеко от тебя — об этом ты можешь судить по отсутствию паузы между нашими ответами. Может быть, мне даже удастся... Но об этом потом, я хочу сначала узнать о твоих приключениях.

Теор коротко рассказал другу о своих странствиях в горах, о Скрытом народе, о том, как ему удалось найти армию Вальфило в лесах Дикой Стены. Фрэзер с изумлением выслушал эту фантастическую историю, а затем, помрачнев, обрисовал ситуацию, в которую попали они с Лоррейн.

— Странно, как переплелись наши судьбы, — задумчиво заметил Теор. — Не знаю, что посоветовать тебе, Марк. Что касается меня, то я должен вернуться к холмам — туда, где умирает мой народ под топорами чужаков. И все же мы хорошо воевали — и ты, и я, разве не так?

— Если бы я мог тебе помочь, — с тоской произнес Фрэзер. — Но погоди, я, кажется, придумал!

— Что? Показать твой летающий корабль нашим врагам? Но уже поздно...

— Теор, я не желаю тратить драгоценное время на споры. Я лечу к тебе. Держись пока подальше от драки, без тебя нам с наяррами не договориться. Может твое войско продержаться еще несколько часов?

— Да, да, конечно! Не сомневаюсь, что улунт-хазулы достаточно нахлебались своей и чужой крови и захотят отойти на время, чтобы собраться с силами перед новой атакой. Мы тоже можем отступить и больше не лезть в драку, а дать противнику погоняться за нами по равнине. Но как тебе удастся...

— Жди моего следующего вызова. Я прилечу, обязательно прилечу!

Фрэзер выключил передатчик и повернулся к Лоррейн.

— Наденьте ремни, красавица. Мне очень жаль, но нам еще немного придется помучиться, при пяти г.

Девушка не стала спорить. Сев в кресло, она стала торопливо застегивать пояса безопасности, а когда закончила, Фрэзер коротко объяснил ей, как обстоят дела.

— Так или иначе, но войну наяврам мы поможем выиграть, — заключил он.

Девушка ласково коснулась его шлема:

— Марк, вы молодчина. Я уже говорила, что вы — настоящий мужчина!

— Э-э... о чем я хотел сказать? Да, о том, что, если повезет, и мы сможем выпутаться из ловушки, в которую нас загнал Свейн. Но сначала я хочу впустить в корабль юпитерианскую атмосферу. В принципе, это не предусматривалось в программе полета «Олимпии», но ведь на борту совсем нет воздуха! Мне что-то не хочется, чтобы корпус этой посудины треснул, словно орех. Приготовьтесь, Лори.

Он нажал несколько кнопок, игнорируя тут же вспыхнувшую табличку с надписью «Опасность». Воздух планеты с шумом ворвался через приоткрывшиеся заглушки. В кабине сразу потемнело от пыли. А затем Фрэзер начал спуск.

Было не просто погасить орбитальную скорость, составившую 26 миль в секунду, да еще в условиях постоянного чудовищного шторма, но корабль стал потихонечку снижаться. Перед глазами людей открывалась фантастическая панорама, которую не приходилось видеть никому из землян.

Сначала исчезли звезды. Небо сменило черную окраску на темно-фиолетовую с белесыми поясами облаков, состоящих из кристаллов льда. Они сияли под косыми лучами солнца. Внизу открывался бескрайний воздушный океан, в котором плыли темные фронты туч — каждый размером с земной материк, — озаряемые бесчисленными искрами молний. Даже бывалому Фрэзеру стало не по себе, когда корабль начал падать в этот мир титанических облаков, а Лоррейн не выдержала и закрыла глаза, вся, дрожа от страха.

Фрэзер выключил двигатель, когда воздушное давление поднялось до уровня, соответствующего двадцати милям

земной высоты — здесь же расстояние до поверхности было куда меньше. Затем «Олимпия» выпустила по бокам крылья, и началась аэродинамическая часть полета.

Вскоре корабль вошел в слой облаков парообразного аммиака. Экраны немедленно окутала тьма. Фрэзер переключил их на инфракрасный диапазон волн, но видимость улучшилась мало. И только когда рядом вспыхнула гигантская молния, на мгновение проявились силуэты причудливых скал и каньонов этого облачного царства. Чуть позже на «Олимпию» водопадом обрушился дождь, и корабль забрыкался, словно необъезженный мустанг. Стрелки на приборах начали бешеную пляску — не меньше трясло Фрэзера с Лоррейн. Это был, наверное, самый жуткий участок спуска.

Через час корабль вышел из зоны дождя. Он спустился уже настолько, что окружающее давление стало поистине чудовищным. Ни один космолет, созданный руками человека, не мог бы уцелеть в таких условиях — кроме «Олимпии». Ее кабина и двигательный отсек были заключены в оболочку из суперпрочного сплава стали со специальной структурой, в которой молекулы были до предела сближены друг с другом. Только отверстия для входного и грузового люка нарушали моноструктуру конструкции. Но створки были настолько массивными, что юпитерианская атмосфера им была не страшна. Корабль не имел иллюминаторов, а экраны работали от приборов, уже опробованных на автоматических станциях, сброшенных на поверхность Юпитера. Кое-кто из ученых утверждал, что многие части конструкции «Олимпии» могли выдержать даже полет к Солнцу. И все же «Олимпия» была не столько космолетом, сколько своеобразным батискафом. Она не столько летала, сколько плыла через плотную юпитерианскую атмосферу.

Корпус вновь затрясся, на сей раз от ударов аммиачных градин. Взглянув на экран, Лоррейн в ужасе закрыла глаза и застонала:

— Марк, да эти градины весят не меньше, чем я. Что, если они разобьют оболочку?

— Тогда до поверхности мы долетим самостоятельно, — усмехнулся Фрэзер и полностью сосредоточился на управлении кораблем.

Наконец они вышли из штормового вихря и попали в относительно спокойную зону, которая на экранах выглядела плотным зеленым туманом. Фрэзер тихо выругался сквозь зубы — никогда во время полета он не чувствовал себя таким беспомощным. Судя по величине давления, они должны были уже врезаться в поверхность планеты, но земли пока не было видно. И дальномеры молчали — бешеная тряска вывела их из строя. Но когда же кончится этот проклятый туман?

Внезапно зеленая пелена спала, и на экране открылась панорама поверхности Юпитера. Снимки, переданные с автоматических станций, немного подготовили обоих колонистов к этому зрелищу, но действительность оказалась куда более впечатляющей. Над ними простирался золотистый купол небес, в котором кипели бирюзовые, медно-зеленые и ультрамариновые облака. В северной части неба висел черный грозовой Фронт, обрушивающий на поверхность дождь, по сравнению с которым Ниагара показалась бы ручейком. Среди бушующих аммиачных потоков то и дело вспыхивали зигзаги молний, от одного вида которых Лоррейн стало плохо.

Внизу тоже было на что посмотреть. На западе расстился океан, над которым висела пелена мрака. Огромные волны, светясь мириадами искр, мерно катили свои пенные гребни на восток, где с оглушительным грохотом накатывались на гигантскую дугу берета. Пространство суши, густо поросшее кустарником, тянулось к далекому горизонту и тяяло в бронзовом тумане. На юге высоко к облакам поднимался ледяной хребет, невдалеке от которого к морю стремилась фосфоресцирующая лента реки. Фрэзер с трудом оторвался от завораживающего зрелища, чтобы взглянуть на приборную панель. Радары зарегистрировали излучение автоматического маяка — того, что находился в Доме Оракула

вместе с другими механизмами землян, но сигнал был слишком слаб. То ли они находились слишком далеко от Наярра, то ли сели аккумуляторы маяка. Фрэзер еще немного снизил корабль и, развернувшись, полетел на север.

— Эй, Марк, смотрите! — внезапно закричала Лоррейн и указала на нижний экран. Фрэзер присмотрелся и увидел стаю похожих на рыб существ, плывших в воздухе в полумиле ниже «Олимпии». По равнине, поднимая тучи пыли, бежало стадо шестиногих животных с могучими бивнями. При виде «Олимпии» они в панике стали разбегаться в разные стороны.

— Странно, — еле слышно произнесла Лоррейн и облизнула пересохшие губы. — Я почему-то всегда считала, что поверхность Юпитера напоминает гигантский ледник.

— А Теору поверхность нашей Земли показалась бы раскаленной каменной оболочкой, — с усмешкой заметил Фрэзер. — Все относительно в этом мире, красавица.

— Но в этом холодном мире так много жизни! Это так прекрасно!

Фрэзер кивнул:

— Угу. Юпитер — настоящее чудо Вселенной. Жаль, что нам недолго придется любоваться им. Увы, его обитатели не так уж ценят жизнь себе подобных — совсем, как адмирал Свейн. И это может дорого обойтись не только наяррам, но и нам с вами, Лори.

Неожиданно девушка с любопытством спросила:

— Ваш друг Теор — он что, тоже имеет семью?

— Да. Он очень заботливый супруг и, если бы не война, скоро был бы счастливым отцом. А сейчас жизни всех наярров висят на волоске.

Фрэзер пытливо поглядел на Лоррейн, но та помрачнела и отвернулась.

Впереди появилась довольно широкая река, которая скорее всего была Брантором. «Олимпия» сделала широкий вираж и полетела на небольшой высоте вдоль берега к океану. Вскоре радиокompас подсказал, что корабль находится над

Наярром. Внизу действительно расстилалась равнина со следами интенсивной деятельности разумных существ. Сам город сверху был больше похож на запутанный лабиринт. Между зданиями суетилось множество наярров. Завидев небесный корабль, они стали в ужасе прятаться кто куда.

— Теор, как дела? — напряженным голосом спросил Фрэзер.

— Хуже, чем я надеялся. Чужаки еще не сбросили нас с холмов, но с каждой их атакой наши ряды редеют. Где ты находишься?

— Над Наярром.

— Город еще держится?

— Да. Сверху что-то не видно лагеря улунт-хазулов. Но твои сородичи испуганы и не пытаются установить контакт со мною.

— Дай им время. Члены Совета знают, как использовать коммуникатор в Доме Оракула — сейчас они просто растерялись. Они знают несколько слов из общего языка, так что в случае моей гибели смогут помочь тебе. Но я еще надеюсь на спасение. Марк, твое появление в небе должно быть как можно более эффектным и пугающим!

— Постараюсь. Но сначала объясни, как найти место, где идет битва. Когда мой корабль повиснет над холмами, отдай своим командирам приказ немедленно отступать. Ваша армия должна укрыться за холмами.

Фрэзер замолчал, лихорадочно размышляя. Только сейчас ему стала до конца ясна тактика его будущих действий.

— Теор, ты сможешь установить связь с врагом?

— Я полагаю, Чалхиз отлично понимает язык наших ба-рабанов.

— Предупреди его, что Оракул скоро прилетит с неба и уничтожит его войско, если улунт-хазулы не сдадутся!

— Как Чалхиз будет смеяться! Ты не представляешь, что они сделают с нами, если твоя угроза окажется пустым звуком.

— Я не бросаю слов на ветер, — сухо заметил Фрэзер.

— Надеюсь. Это ведь может спасти и тебя? Теперь слушай внимательно — надо лететь в сторону...

Фрэзер внимательно выслушал друга. К его радости, голос Теора звучал бодрее — видимо, наявр поверил, что спасение возможно.

— Еще одна важная деталь, — сказал Фрэзер, когда Теор закончил. — Предупреди своих людей, чтобы они не смотрели в сторону моего корабля. Пусть закроют лица щитами или отвернутся. Я уже близко. Удачи тебе, Теор!

— Пусть небеса помогут тебе в этот трудный час, брат!

Фрэзер отключил связь и коротко пересказал содержание беседы Лоррейн...

— Хорошо придумано, — сказала она задумчиво. — Только вдруг ваш план не сработает?

Фрэзер промолчал.

«Олимпия» летела вдоль Брантора. Через несколько минут внизу появились корабли улунт-хазулов, рядом с которыми отдыхали морские чудовища. Вдали показалась холмистая местность, усеянная тысячами кентавров. Поначалу Фрэзеру показалось, что на поле боя царит хаос, но затем он заметил, что небольшая часть юпитериан стала отходить за один из холмов. Улунт-хазулы пока не преследовали их — видимо, они были порядком измотаны долгой битвой. На земле остались сотни лежащих тел — они выглядели так же жутко и трогательно, как погибшие колонисты на поле у Авроры.

— Теор, ты готов? — процедил Фрэзер, сжав ручки управления.

— Аяя!

Фрэзер бросил корабль вниз.

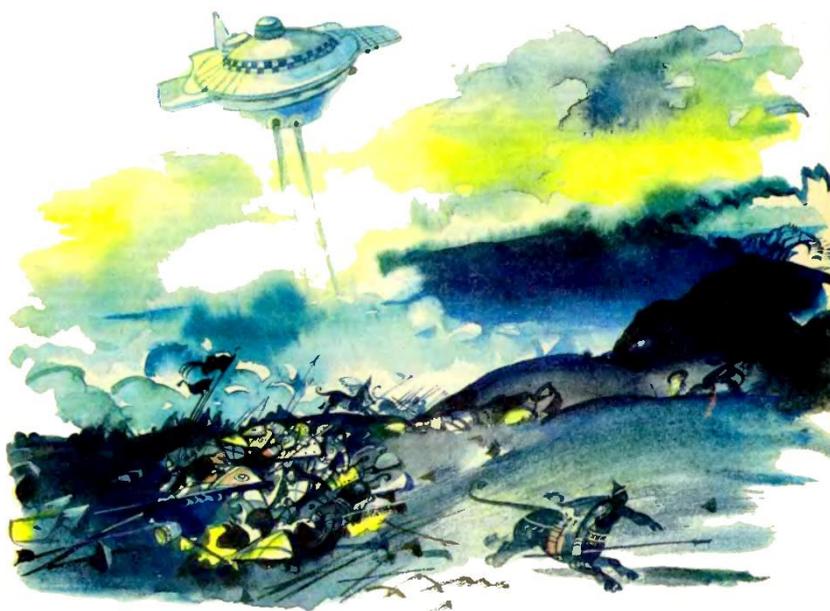
Он надеялся, что улунт-хазулы разбегутся при одном виде небесного корабля. Но это были мужественные воины, умевшие подчиняться строгой дисциплине. Звуковые сенсоры корабля донесли до Фрэзера взрыв барабанного боя. Видимо, звучал сигнал: «Всем собраться!», потому что воины стали организованно строиться в ряды. Выстроившись

огромным квадратом, они подняли вверх копьа и разразились громкими криками, словно грозили космическому богу.

Теор, я вижу яркий флаг в центре войска. Может, там находится их вождь?

— Да, скорее всего Чалхиз сам командует боем. Мне стыдно, что я сейчас не со своими людьми и не участвую в битве.

— Я тоже чувствую нечто подобное... Ну что ж, надо проведать Чалхиза и передать ему привет от тебя.

«Олимпия» слегка накренилась, и Фрэзер выстрелил в сторону знамени двумя химическими ракетами — единственным оружием, находящимся на всякий случай на борту корабля. Ни на Ганимеде, ни в космосе они не представляли никакой угрозы для противника, поскольку их боеголовки были специально рассчитаны на реакцию с нижними слоями юпитерианской атмосферы, но здесь они сработали на славу.

В небе словно вспыхнуло маленькое солнце. Земля запылала, ледяные склоны холмов расплавились и потекли, превратившись в бурные потоки. Облака парообразного аммиака окутали все кругом. Многие улунт-хазулы вспыхнули, как факелы. Чуть позже пришла страшная ударная волна, бросившая на землю немногих уцелевших воинов. Могучий порыв ветра покатыл их к реке, словно легкие шарики.

Фрэзер не мог точно сказать, много ли улунт-хазулов попали в этот адский котел. Он взглянул на другую сторону холмов, где лежали вповалку сбитые с ног наярры. Вскоре он с облегчением увидел, как в сторону реки бегут и сотни уцелевших чужаков, обожженных, вопящих от боли, но живых! Это было все, что осталось от могучей армии Чалхиза.

— Теор, как чувствуют себя ваши люди? — спросил он, стараясь не думать о тысячах существ другого мира, которых только что погубил.

— Слава небесам, мы хорошо защищены склоном холма! Все ошеломлены ужасным огнем, упавшим с неба, но потихоньку начинают приходить в себя. Вальфило уже отдал полкам приказ двигаться к реке и захватить остатки вражеского войска, пока они не уплыли на кораблях к морю. Иначе чужаки могут собраться в банды и начать терроризировать население Медалона. В крайнем случае мы прогоним их за Дикую Стену, там дикие племена быстро с ними разделаются. Спасибо тебе, Марк, ты спас нас от верной гибели! Ты собираешься сесть?

— Конечно, — сказал Фрэзер дрогнувшим голосом.

— Мы ждем тебя, брат! Подумать только, ты будешь первым, землянином, посетившим нашу планету!

Фрэзер выключил передатчик и влажными глазами посмотрел на Лоррейн. Та, не скрывая слез радости, сбросила ремни безопасности и, вскочив, прижала его шлем к своей груди.

— О, Марк, вы совершили настоящее чудо! Вы, вы...

— Я — убийца, — глухо сказал Фрэзер, зажмурившись. — Я убил тысячи инопланетян.

— Но вы спасли целую цивилизацию от гибели! — горячо возразила девушка. — Только подумайте, сколько жизней было бы погублено, если бы вы не вмешались в эту бойню! Я уже не говорю о том, что у нас есть шанс разделаться со Свейном...

— Мы сделаем это, Лори, сделаем! — прошептал Фрэзер и, уже не сдерживаясь, заплакал.

Глава 19

Фрэзер сидел в пилотском кресле и испытывал танталовы муки. Ему было наплевать, что наступил исторический момент, что люди впервые высадились на казавшемся вчера недоступном Юпитере и там, за бортом корабля, находятся десятки наярров. Долгое пребывание в тесном скафандре заставило позабыть все возвышенные чувства. Все его тело чесалось от пота, а желудок выворачивался. Запахи также были далеко не ароматическими. Но больше всего он страдал от голода. Единственное, что он смог себе сейчас позволить, был сон. Пока наярры нагружали трюмы «Олимпии» льдом, они с Лоррейн всласть выспались. Вот таким оказался первый контакт людей с разумными обитателями Юпитера.

Когда он очнулся, Лоррейн еще спала. Некоторое время Фрэзер сидел и удивлялся, до чего фантастический план спасения пришел ему в голову. Но что еще можно было придумать в таком отчаянном положении? Правда, Теор предложил ему перелететь к Атху. Местные кузнецы, мол, могут быстро очистить нужное количество льда от примесей. Но молодой наярр скоро сам передумал, посчитав, что жители Атха скорее всего разбежались, узнав о приближении врага, и вся эта операция займет, слишком много времени.

Фрэзер взглянул на экран. День близился к закату. Солнца не было видно, его закрывали толстые слои облаков, но купол неба на западе был заметно светлее. Туман окутывал вершины холмов, на которых кое-где виднелись могучие деревья, раскачивающиеся под порывами ветра. Вдали виднелась лента реки, мерцающая мириадами искр, а на горизонте возвышалась темная громада Дикой Стены.

— Черт, до чего же мне хочется...

— Чего, Марк? — сразу же отозвалась проснувшаяся Лоррейн.

— Когда-нибудь вновь вернуться сюда и посмотреть на эти места при свете дня.

— Почему бы и нет? Если бы мы были экипированы как следует и имели запас стимулирующих таблеток, то вполне, могли бы провести здесь несколько дней. Не переживайте, вас наверняка пригласят в следующую экспедицию, а я... Все-таки я женщина и не очень-то подготовлена для таких полетов.

— Хм... вряд ли и меня возьмут в полет, Лори. Здесь нужны пилоты получше, а что касается контакта с Теором... этим я вполне могу заниматься и сидя на Ганимеде. Стар для таких полетов, вот в чем дело.

Девушка закусила губу, не зная, чем утешить друга.

— Я даже не могу толком воспринимать происходящее, — продолжал жаловаться Фрэзер. — Я словно отупел. Вы помоложе, Лори, так что смотрите во все глаза — впоследствии вам придется рассказывать ученым, на что похож Юпитер вблизи.

— Если это «впоследствии» будет вообще, — хмуро проворкотала Лоррейн.

— Вы не верите в мой план?

— Да я вообще не думаю сейчас о Свейне! Меня волнует другое — сможем ли мы взлететь! Когда я вспоминаю о нашем спуске на эту чудовищную планету, меня просто дрожь пробирает. Думаю, улететь отсюда не легче...

Фрэзер промолчал.

Тем временем наябры закончили погрузку. Это оказалось нелегко — таскать глыбы льда после кровавой, изнуряющей битвы. Они прошли мимо экрана, и земляне рассмотрели их израненные тела, опущенные руки и бессильно опавшие гребни. Нетвердой походкой воины направились в сторону реки. А Теор подошел к носовой части корабля и встал прямо перед экраном. Косые лучи солнца отражались в его больших глазах и диске коммуникатора, висевшего на груди.

— Мы закончили, брат, — сказал он усталым голосом. — Скажи, чем мы можем еще помочь?

— Вы и так много сделали для нас, — ответил Фрэзер.

— Теперь ты можешь взлететь?

— Да.

— Я даже не видел вас за стенками этой металлической оболочки. Неужели наши руки никогда не встретятся? Уш, в странном мире мы живем.

— Я свяжусь с тобой, как только смогу, Теор.

— Буду переживать за тебя и твою подругу. Пусть сила будет с вами всегда!

— Прощай, Теор.

— Прощай, Марк.

Юпитерианин махнул рукой и побрел в сторону холма. Фрэзер еще некоторое время с волнением смотрел ему вслед, затем положил руки на панель управления. Закрыв грузовой люк, он включил двигатель. Струи огня вырвались из сопел, и корабль медленно стал уходить в небо, поднимая тучи пыли, Теор стоял на склоне и махал рукой. Вскоре он исчез во мраке.

Взлет действительно оказался непростым, но на сей раз Юпитер не стал обрушивать на корабль удары своих чудовищных ураганов. На высоте около двадцати миль Фрэзер открыл заглушки и заполнил все отсеки корабля, кроме кабины, почти чистым водородом. Поднявшись над облаками, он увеличил тягу и при пяти g вышел на орбиту. У него едва

хватило сил совершить маневр разворота, а затем он включил киберштурман и погрузился в спасительный сон.

Очнувшись, он почувствовал себя по-прежнему слабым, но все же отдохнувшим. Даже не верилось, что позади остались посадка на поверхность Юпитера и встреча с Теором, пусть и через толщу экрана.

— Как вы себя чувствуете, Лори? — обратился он к девушке.

Та улыбнулась в ответ, однако лицо ее было очень бледным.

— Нет, Марк, полеты на Юпитер не для меня, — еле слышно ответила она. — Эта перегрузка едва не раздавила меня... И к тому же я очень голодна. Я думаю, мы можем съесть последние концентраты, верно?

Фрэзер кивнул:

— Да. И напиться вволю. Больше нет смысла беречь остатки припасов. Но сначала надо собрать эту штуку, о которой я вам говорил. Не хочется прилетать к Свейну без подарка.

— Я уже подготовила все необходимое, пока вы спали, Марк.

Девушка кивнула в сторону койки, заваленной инструментами, запасными агрегатами и кусками проволоки, которые она принесла из ремонтного отсека.

— Я даже уже начала монтировать эту установку — в технике я все-таки кое-что понимаю, — улыбнулась она.

Марк с уважением посмотрел на девушку. Он совсем упустил из виду, что Лоррейн была хорошим инженером и умела разбираться не только в административных делах. При янтарном отсвете Юпитера лицо девушки показалось ему удивительно красивым.

— Вы просто прелесть, — сказал он дрогнувшим голосом.

— Не надо, Марк, — смущенно прошептала Лоррейн и тут же, упрямо мотнув головой, возразила сама себе: — Нет, надо! У нас может и не быть другого времени, чтобы выяснить отношения.

— Что я могу сказать, Лори? — вздохнув, сказал Фрэзер. — Я бы с удовольствием свернул шею мужчине, который вздумает жениться на вас.

— Это что, признание в любви? — нервно рассмеялась девушка. — Что ж, тогда отвечу в вашем стиле: я давно ненавижу вашу жену. И знаете, не очень-то ей завидую. Она никогда не сможет пережить с вами того, что пережили мы вместе во время этого безумного перелета.

— Да, это верно... Но впереди нас ждут тяжелые часы, Лори. И неизвестно, чем все это кончится.

Лоррейн посмотрела на него глазами, полными слез, и отвернулась.

— Ладно, Марк, давайте займемся нашей установкой. Никогда я не ненавидела свой скафандр так, как сейчас. И ваш тоже.

Фрэзер озадаченно хмыкнул и слегка покраснел. «Все-таки Лори порой бывает излишне прямолинейна», — смущенно подумал он.

Несколько часов они работали вместе, обмениваясь лишь короткими фразами. Наконец установка была закончена. Фрэзер подключил ее к системе управления двигателем. Усталые, но довольные, они вновь уселись в кресла. После короткого отдыха Фрэзер стал готовиться к посадке на Ганимед.

Луна была уже хорошо видна и занимала почти пол-экрана, так что можно было разглядеть наиболее крупные ее кратеры и трещины. У Фрэзера были тяжелые предчувствия, но страха он не испытывал. «Я вновь лечу, чтобы убивать, — подумал он. — Мало того, что я уничтожил сотни улунт-хазулов, теперь я должен пролить кровь людей. О Господи, зачем ты взвалил мне на плечи этот непосильный груз?»

Рассердившись, он резким движением включил передатчик.

— Космолет «Олимпия» вызывает диспетчерскую станцию Авроры, — произнес он. — Включите сопроводительный луч и разрешите мне посадку.

— Что? «Олимпия», вы сказали? — воскликнул незнакомый голос.

— Да. — Фрэзер назвал свои координаты. — Ваш радар может подтвердить, что мы находимся в этой области. Так как насчет сопроводительного луча?

— Подождите минутку, — взволнованно сказал незнакомец. — Я должен связаться с начальством.

«Конечно, ты должен сообщить Свейну об этом неожиданном сюрпризе, — с усмешкой подумал Фрэзер. — Ладно, порадууй старика. А мне надо думать о другом — как уберечь Лори. Как бы ни обернулись дела, она должна остаться целой и невредимой!»

В радио некоторое время был слышен только шум космического фона, затем что-то щелкнуло, зашуршало, и в кабину ворвался возмущенный голос адмирала:

— Черт побери! С чего это вы решили вернуться?

— А что нам остается делать? — мрачным тоном произнес Фрэзер. — Мы ушли от ваших ракет, но что мы можем сделать еще?

— Кто вы такой, в конце концов? Мисс Власек с вами?

— Да, — сказала Лоррейн с вызовом. — И горжусь этим.

Фрэзер назвал свое имя. Лгать сейчас было бессмысленно и опасно.

— Так-так... Мало вам того, что вы натворили на Ганимеде? Но как вы могли уйти от моих ракет?

Фрэзер рассказал, почти ничего не скрывая.

— Мы садились на поверхность Юпитера. Вы можете проверить с помощью сканеров — наши трюмы наполнены юпитерианской атмосферой и частичками льда. Мы надеялись, что наяры как-то помогут нам, но радиомаяк в их городе не работал. Быть может, его разрушили улунт-хазулы. Вы ведь слышали об этой войне, адмирал? Мы пытались найти моего друга Теора, но на такой огромной территории без

радиомаяка разыскать никого нельзя. Запасы воздуха и воды стали кончаться, и мы решили вернуться. У нас просто нет другого выхода.

— Выходите на орбиту, я пришлю к вам космобот.

— Слишком поздно, — горько сказал Фрэзер. — Воздух в кабине настолько сперт, что мы задохнемся, прежде чем ваши люди придут нам на помощь. Дайте мне сопроводительный луч, и я сам посажу «Олимпию»!

— Хм-м-м... что-то я не доверяю вам, Фрэзер. Слишком уж шустрым парнем вы оказались. Кто знает, может, вы что-то задумали?

— Дьявол, о чем вы говорите, простонал Фрэзер. — Что мы можем сделать вашему драгоценному крейсеру? Сесть ему на голову? Но ваши пушки изрешетят нас, прежде чем мы приблизимся к нему хотя бы на милю. Разве мы стали бы возвращаться, если бы не хотели жить?

Адмирал молчал. После короткой паузы он неохотно сказал:

— Если вы так сильно хотите жить, то, надеюсь, не откажетесь назвать имена ваших сообщников?

Сердце Фрэзера бещено заколотилось. Он открыл было рот, чтобы ответить, но Лоррейн покачала головой и приложила палец к стеклу своего шлема.

— Ну что? — с усмешкой сказал Свейн. — Надо сказать, что для людей, у которых вот-вот кончится воздух, вы слишком хладнокровны.

— Нам трудно говорить на эту тему, — ответила Лоррейн.

— Это ваши трудности. Я хочу знать имена, прежде чем вы посадите корабль. А потом уж мы поговорим более подробно. Но сначала я хочу знать имена предателей.

Лоррейн, побледнев, стала называть имена колонистов, которые так или иначе были связаны с планом захвата «Олимпии». Она не могла блефовать. Свейн уже достаточно хорошо ориентировался на Ганимеде, и обмануть его было невозможно. С этой минуты игра, которую затеяли Фрэзер и Лоррейн, стала опасной не только для них двоих.

— Что ж, похоже на правду, — после долгой паузы ответил Свейн. — До некоторых из этих мерзавцев я уже и сам добрался.

На экране киберштурмана вспыхнул сопроводительный луч. Фрэзер с облегчением вздохнул и обменялся улыбками с Лоррейн.

— Я хочу поставить перед вами еще кое-какие условия, — неожиданно продолжил Свейн. — Я все-таки не могу поверить вам полностью. Быть может, вблизи поверхности вы вдруг начнете маневрировать и сумеете оказаться внутри радиуса обстрела моих пушек. Рисковать я не намерен. Вы сядете на милю западнее Авроры и в трех милях к северу от кратера Навайо. Мои люди встретят вас. При любом отклонении от этой траектории вы будете немедленно уничтожены.

— Ладно, ваша взяла, — угрюмо согласился Фрэзер.

Он начал спуск. Луна поползла по экрану влево, быстро увеличиваясь в размерах. Вскоре корабль уже летел так низко над поверхностью, что казалось, острые скалы вот-вот пропорют его брюхо. В звездном небе всплыл огромный пузырь Юпитера, испещренный желто-зелеными полосами. Впереди по курсу появилось море Навиум, темное и пустынное. «Неужели здесь и в самом деле когда-то будет плескаться вода? — подумал Фрэзер. — Но я буду тогда уже стар, очень стар...»

Поверхность стремительно приближалась. Фрэзер изменил траекторию полета, направляясь в северную часть космодрома. Включив тормозные двигатели, корабль стал медленно спускаться. Это была чертовски сложная штука — неаэродинамическая посадка. Фрэзер прекрасно умел делать это на Ганимеде, но на луне больших размеров, и тем более на планете, не рискнул бы совершить подобный маневр.

Сильный толчок — и корабль уже стоял на посадочных опорах, которые приняли большую часть удара на себя. Фрэзер облизнул окровавленные губы — во время спуска он прикусил кончик языка. Ядерный двигатель еще продолжал

пульсировать, но все тише и тише. Пыль за корпусом корабля постепенно оседала, и вскоре над горами можно было разглядеть солнце.

Лоррейн с облегчением вздохнула и стала расстегивать ремни безопасности.

— Я сказала Свейну, что у нас в кабине есть воздух и мы не хотим, чтобы он вытек через люк. Так что у нас есть немного времени...

Фрэзер не ответил — он, не отрываясь смотрел на «Вегу», которая, словно стальная гора, возвышалась в миле от них. Взлетное поле между двумя кораблями было ровным, словно стол, и на нем ничего не было, даже краулеров. «Повезло, — подумал он. — Хоть в этом повезло».

— Пора идти, — через минуту сказала девушка. Ее лицо было очень бледным. Наступил решительный момент.

Они вошли в кессонную камеру и терпеливо стали ждать, когда давление упадет до нуля. Странное спокойствие овладело Фрэзером. Он сделал все, что мог, остальное должны были, решить законы физики. Или, может быть, сам Господь.

— Это был хороший корабль, — тихо сказал Фрэзер и, не обращая внимания на всхлипывания девушки, открыл наружный люк. Поверхность казалась пугающе далекой, но трапа у них не было. Фрэзер прыгнул первым и, приземлившись, сильно ушиб голень. Лоррейн последовала за ним, но более удачно.

И вновь они решили переговариваться, прикоснувшись шлемами, — Свейну об этом знать было ни к чему.

— Они наблюдают за нами из крейсера, — нервно сказала Лоррейн. — Мы должны идти в их сторону, иначе...

— Нет уж, дудки! — возразил Фрэзер. — Не желаю стореть, словно спичка. Пусть стреляют, черт с ними.

Он решительно взял девушку за руку и зашагал в противоположную сторону, к кратеру Навайо.

— Эй, куда это вы направились? — подозрительно спросил Свейн.

— Мы идем к городу, — невинным голосом ответил Фрэзер. — На ваше гостеприимство, адмирал, мы не очень-то рассчитываем.

— Немедленно вернитесь! Я хочу, чтобы вы оба вышли на поле перед «Вегой» — там вас встретят мои люди. Быстро, иначе мы будем стрелять!

Фрэзер не ответил и лишь быстрее зашагал к кратеру. Лоррейн едва поспевала за ним. Не выдержав, вскоре они перешли на бег. Их целью были громадные валуны, лежащие у подножия крутой стены.

Рядом вспыхнула ослепительная нить лазерного луча. В точке, куда он ударил, каменный склон кратера стал плавиться. Фрэзер толкнул Лоррейн на землю и прикрыл ее собой. Дымясь, огромное пятно побежало к ним, словно хищный зверь.

— Нет! — сдавленно вскрикнула девушка, пытаясь освободиться. — Вы не должны... Ева...

Смерть была уже в нескольких метрах, когда устройство, которое Фрэзер с Лоррейн смастерили во время полета, наконец сработало. Двигатель «Олимпии» ожил и выбросил назад мощный огненный факел. Его жар проник даже через скафандры лежащих около кратера людей. Горизонтально расположенный на колесных опорах корабль дрогнул и медленно сдвинулся с места. Киберштурман, в который была введена специальная программа, оценил координаты положения «Веги» и включил боковые сопла, корректируя траекторию движения. Стальная «торпеда», катясь на своих сверхпрочных колесах, словно вулкан, ринулась к крейсеру. Люди на борту «Веги» в течение полутора десятка секунд в ужасе смотрели на фантастический снаряд, неотвратимо несущий им гибель.

Орудия крейсера, конечно же, могли уничтожить этого огнедышащего дракона, но, пока артиллеристы разворачивали стволы, «Олимпия» была уже внутри зоны обстрела. И все же «Вега» имела опытный экипаж, готовый к любым

неожиданностям. Пилот успел включить двигатели, и корабль с максимальной перегрузкой взлетел, вдребезги размолоотив выхлопными газами бетонные плиты. Часть этого могучего удара пришлось на «Олимпию» и разрушила отсеки, наполненные юпитерианскими водородом и льдом. К небу взметнулся столб пламени и накрыл беглеца.

В нескольких сотнях метров над поверхностью вспыхнуло маленькое солнце. Потом вниз стали падать тысячи дымящихся обломков. Фрэзер едва успел оттащить девушку за ближайший валун, который прикрыл их, словно щит.

Через минуту огненное облако рассеялось, и газы улетучились в космос. Земля вздрогнула в последний раз и успокоилась.

Настала тишина.

Фрэзер встал на нетвердых ногах и помог подняться Лоррейн. На ее лице застыла маска ужаса.

— Вы... вы в порядке? — хрипло спросил Фрэзер.

— Да... кажется, жива, — задыхаясь, ответила девушка. — Город... город цел?

Они разом взглянули на восток, жмурясь от солнечных лучей. Купол Авроры был не поврежден, однако неподалеку от него лежали крупные обломки.

— Слава небесам, мы все-таки сделали это! — воскликнул Фрэзер, не веря своим глазам.

Билл Эндерби встретил их у восточного портала. Не находя слов от волнения, он просто обнял по очереди Фрэзера и Лоррейн.

— Я знал, что вы разделаетесь с этим крейсером, — наконец произнес он. — Черт, неужели Свейну и его банде настал конец?

— А что с гарнизоном, который остался в Авроре? — устало спросил Фрэзер.

— Что они могли сделать? Конечно, вояки с «Веги» сдались без единого выстрела. Взрыв крейсера поверг их в шок — они-то были уверены в неуязвимости своего стального чудовища.

— Да, но есть еще космоботы на орбитах вокруг лун, — робко напомнила Лоррейн.

— Э-э, чепуха! — отмахнулся Эндерби. — Пилотам остается только прилететь с поднятыми вверх лапками. Запасы воздуха и воды на их борту настолько ограничены, что они и не подумают начинать войну. Да и что космоботы могут сделать Авроре? Погодите, — спохватился он, — вы не ранены? Мисс Власек, может быть, вам нужна помощь?

Девушка покачала головой, не отрывая вопрошающих глаз от Фрэзера.

— Марк, дружище, а для тебя я могу сделать что-нибудь?

Фрэзер повернулся и посмотрел в сторону гор, над которыми висел чудовищный шар Юпитера.

— Да, — сказал он. — Помоги мне связаться с семьей. Я хочу, чтобы жена и дети поскорее приехали в Аврору.

Лоррейн опустила голову и молча пошла вслед за Биллом через портал. А Фрэзер все стоял и смотрел, как диск солнца приближается к полосатому Юпитеру. Близилось

затмение, но он знал, что Ева и ребяташки успеют приехать в город, прежде чем оно закончится.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОБЕДИТЬ НА ТРЕХ МИРАХ

(КЕНТАВРЫ ЮПИТЕРА)

Глава 1.....	5
Глава 2.....	16
Глава 3.....	24
Глава 4	36
Глава 5.....	47
Глава 6	55
Глава 7.....	66
Глава 8	76
Глава 9	87
Глава 10.....	98
Глава 11	107
Глава 12	119
Глава 13.....	126
Глава 14.....	133
Глава 15.....	142
Глава 16.....	153
Глава 17	162
Глава 18.....	171
Глава 19.....	186

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ:

Художник, и замечательный график, Роберт Жанович Авотин, создал огромное количество запоминающихся иллюстраций.

Его бездонный космос, усеянный массой звезд, и космонавты, на новой, неизведанной планете.

Читатели журналов, «Техника-Молодежи» и «Юный техник», с детских лет, помнят, эти завораживающие иллюстрации.

Пока, я больше не встречал, такого яркого и праздничного рисунка, у других художников, оформлявших данные журналы.

А его прозрачные, акварельные герои, смотрящие на нас из тумана тех лет...

Осталась, огромная масса журналов, с его иллюстрациями, а вот в книги, их вставлять, никто не спешит.

Ну, я уж как мог, попробовал восполнить этот пробел, и напомнить читателям, и ценителям жанра фантастики, о человеке, открывшем им, свой фантастический мир.